Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Иркутский государственный университет»

На правах рукописи

Кузьмина Елена Сергеевна

Особенности международной академической мобильности в сетевом взаимодействии российских и китайских вузов в современных условиях

Специальность: 22.00.04 –
Социальная структура, социальные институты и процессы

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель:
доктор социологических наук, профессор
Грабельных Татьяна Ивановна

Иркутск – 2019

Оглавление

Введение 3

Глава 1. Теоретико-методологические подходы к исследованию международной академической мобильности 18

1.1 Международная академическая мобильность как социальный процесс 18

1.2 Основные факторы и тенденции развития международной академической мобильности в системе высшего образования в России 52

Глава 2. Состояние международной академической мобильности в сетевом взаимодействии российских и китайских вузов: противоречия, факторы формирования 91

2.1 Основные характеристики международной академической мобильности в сетевом взаимодействии российских и китайских вузов 91

2.2 Факторы формирования международной академической мобильности в сетевом взаимодействии вузов на региональном уровне 126

Заключение 153

Список литературы 158

Введение

Актуальность темы исследования. Под воздействием глобализации изменения в сфере высшей школы России в начале XXI века приобретают системный характер, отражая направленность и содержание процесса интернационализации образования в целом. Как макрообразовательный параметр интернациональность отныне выступает одним из ключевых критериев качества высшего образования в стране. Динамика мирового научно-образовательного пространства характеризуется переконструированием позиций ведущих субъектов науки и высшего образования в результате развития системы международной академической мобильности. В процесс экспорта и импорта образовательных услуг выявляется влияние разных стран, включая Россию, на изменения содержания и форм организации образовательной деятельности при подготовке высококвалифицированных специалистов, способных активно участвовать в создании и использовании достижений современной науки на благо всего человечества.

Формирование условий для интеграции образования с наукой и производством, создание инновационной инфраструктуры в вузе и регионе, внедрение новых стандартов в образовании, развитие форм транснационального обучения, гармонизация и унификация систем образования и их интеграция в мировое научно-образовательное пространство требуют глубоких преобразований в сфере высшего образования в РФ. Последовательное достижение новых стратегических целей будет способствовать совершенствованию институциональных механизмов развития национального образования.

Интернационализация высшего образования в России на рубеже XX–XXI веков создала прочную основу для внедрения новых принципов формирования и осуществления международной академической мобильности как социального процесса. Глобальные трансформационные изменения в современном обществе усилили основные тенденции развития отечественной высшей школы: 1) выработку механизмов для активизации международной академической мобильности благодаря развитию сетевых взаимодействий; 2) повышение

значения межкультурных коммуникаций в научно-образовательном пространстве; 3) усиление дифференциации вузов в зависимости от уровня развития и поддержки региона, в котором он расположен; 4) необходимости применения сетевого территориально-дифференцированного подхода при осуществлении мониторингов эффективности деятельности отечественных вузов. Перечисленные тенденции требуют переосмысления основных моделей развития высшей школы и корректировки приоритетных направлений в стратегии вхождения Российской Федерации в мировое научно-образовательное пространство, что отвечает современным вызовам.

Поскольку вторым по численности контингентом иностранных студентов в России очной формы обучения с 2011 г. традиционно выступают представители Китая, то одной из перспективных моделей сетевого взаимодействия вузов в динамике международной академической мобильности с учетом региональной специфики является российско-китайская модель.

Однако на сегодняшний день недостаточно проводится исследований состояния и тенденций международной академической мобильности в России в аспекте базовых потребностей регионов, не осуществляется дифференцированный анализ сетевого взаимодействия вузов с учетом национальных интересов высшей школы. В должной степени не осмыслен накопленный опыт сетевого взаимодействия российских и китайских вузов. Обозначенные вопросы требуют проведения глубокого анализа и качественной интерпретации конструирования региональных стратегий интернационализации высшего образования в современных условиях.

Степень научной разработанности проблемы. Исследование специфики процесса развития международной академической мобильности выявило многоаспектность его трактовок в экономике, социологии, социальной философии и других отраслях науки. Историко-сравнительный анализ показал, что институциональные предпосылки в развитии международной академической мобильности как социокультурного явления возникли в эпоху Возрождения, это было связано со становлением первых университетов и осуществлением выездов

за пределы своего государства для приобретения нового опыта и знаний в иных образовательных системах (Э. Роттердамский).

Поиск новых универсальных принципов в развитии науки в конце XIX – начале XX вв. сопровождался и формированием институциональных основ международной академической мобильности. Изучению вопросов развития международной академической мобильности способствовало обращение к основным положениям, отраженным в теориях модернизации (М. Вебер, Т. Парсонс, Ф. Теннис, А. Турен, П. Штомпка и др.) и теориях трансформационных изменений, в том числе известных отечественных авторов (З. Т. Голенкова, Т. И. Заславская, Ж. Т. Тощенко, В. А. Ядов).

Различие подходов к оценке положительных и отрицательных последствий глобализации представлено в творчестве многих ученых (Э. А. Азроянц, З. Бауман, П. Бергер, П. Бурдье, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, Н. Я. Данилевский, М. Кастельс, Н. Лукман, К. Р. Поппер, Дж. Ритцер, Э. Тоффлер). Сравнительный анализ научных трудов выявил, что последние 10 лет исследование международной академической мобильности ведется достаточно активно. Роль Болонского процесса в усилении академической мобильности рассматривают K. Dittrich, J. Huisman, M. Luwel, T. Malan, Van der Wende. С позиции состояния и факторов интернационализации высшего образования процесс международной академической мобильности изучается P. G. Altbach, D. V. Damme, I. R. Dobson, E. A. Höhle, S. Hölttä, H. M. de Jong, B. M. Kehm, M. Rostan, M. Stohl, H. Teekens, U. Teichler.

Развитие международной академической мобильности в России изучается «до Болонского процесса» (то есть до подписания Декларации) и «после Болонского процесса» (в период ее реализации). С учетом мирового и европейского вектора развития системы высшего образования, ее региональных особенностей выделяются наработки отечественных авторов по проблемам академической мобильности: В. И. Байденко, Е. В. Добренькова, С. Л. Еремина, В. И. Заботкина, Г. И. Лазарев, О. О. Мартыненко, А. Ю. Мельвиль, Е. И. Степанова, В. М. Филиппов, С. Н. Широбоков и др.

Исследованию российско-китайского взаимодействия вузов и международной академической мобильности студентов России и Китая посвящены труды Г. Ш. Азитовой, Т. Л. Гурулевой, М. Н. Красновой, Н. В. Кухаренко, Лю Цзея, Т. А. Пруцких, Л. Н. Смирновой, М. Ф. Черныша, Эньцин Чэн и др.

Изучением международной академической мобильности в России занимаются С. В. Абламейко, Е. А. Авербух, К. С. Андреева, В. А. Галичин, В. А. Глазырин, С. А. Душина, А. Н. Козырин, Г. А. Комиссарова, В. В. Краснощеков, В. Э. Куприянова-Ашина, В. М. Курицын, М. Н. Певзнер, Ю. И. Сергеева, Е. И. Степанова, Т. М. Трегубова.

Социологическими исследованиями особенностей международной академической мобильности в современных условиях в зарубежных вузах занимались Flavio Antonio Ceravolo (Италия), Erica Waagene (Норвегия), William K Cummings (США), S. Marginson (Великобритания), V. Lynn Meek (Австралия), Futao Huang (Япония), Jisun Jung, Rui Yang (Китай), в российских вузах - А. Л. Арефьев, В. В. Воронов, Т. И. Грабельных, Д. Л. Константиновский, Э. О. Леонтьева, Л. И. Найденова, В. В. Орлова, В. Ф. Пугач, Л. В. Рожкова, А. Ю. Слепухин, И. М. Фадеева, С. А. Шаронова, Ф. Э. Шереги.

Сетевое взаимодействие вузов изучали П. А. Амбарова, Е.С. Баразгова, Ю.Р. Вишневский, А. Н. Безрукова, Р. А. Заякина, Г. Е. Зборовский, А. Е. Зубарев, Г. А. Краснова, Г. В. Можаева, Е А. Неретина, М. В. Ромм, С. А. Рябченко, В. А. Тесленко, Р. Ш. Уразбаева и др.

Научные труды указанных авторов позволили проанализировать особенности формирования и развития международной академической мобильности в системе российского и мирового высшего образования. Между тем, несмотря на большое количество работ по проблематике диссертационного исследования, существует необходимость в социологическом изучении современного состояния и факторов формирования и развития международной академической мобильности в сетевом взаимодействии вузов, важным из которых выступает российско-китайское сетевое взаимодействие.

Объектом диссертационного исследования является международная академическая мобильность как социальный процесс.

Предметом исследования выступают условия и факторы формирования и развития международной академической мобильности в сетевом взаимодействии российских и китайских вузов.

Цель диссертационного исследования: исследовать особенности и противоречия формирования и развития международной академической мобильности в сетевом взаимодействии российских и китайских вузов в современных условиях.

Достижение цели предполагало решение следующих исследовательских **задач:**

- раскрыть специфику международной академической мобильности как социального процесса;
- выявить внутренние и внешние факторы, основные тенденции развития международной академической мобильности в сфере высшего образования в России;
- определить основные характеристики международной академической мобильности в сетевом взаимодействии российских и китайских вузов;
- исследовать основные факторы формирования международной академической мобильности в сетевом взаимодействии вузов на региональном уровне.

Теоретико-методологическую основу диссертации составляют институциональный и сетевой подходы, теории социальной мобильности, концептуальные положения которых представлены в теории социальной стратификации и мобильности (П. А. Сорокин), теории структурации и общества модерна (Э. Гидденс, Т. Парсонс), теории глобализации (И. Валлерстайн), теориях модернизации (А. Турен, П. Штомпка), теориях социальных сетей (М. Грановеттер, Х. Уайт), теориях социальной интеграции (З. Т. Голенкова, Т. И. Заславская, Ж. Т. Тощенко), современные идеи развития высшей школы зарубежных ученых (C. Kerr, L. Gade, M. Kawaoka, M. Van Der Wende) и

отечественных (А. Л. Арефьев, Ю. Р. Вишневский, Г. Е. Зборовский, А. Е. Зубарев, Т. И. Грабельных, Д. Л. Константиновский, В. В. Орлова, В. Ф. Пугач). Разработке теоретической базы диссертации способствовали научные взгляды о социокультурных (Н. Я. Данилевский) и научно-образовательных параметрах развития региона в их взаимосвязи, становлении сетевых взаимодействий в сфере высшего образования, уникальности институционального развития высшей школы в условиях установления новых интеграционных международных связей, усложнении горизонтальных и вертикальных векторов социальной мобильности в современном обществе (В. В. Воронов, В. А. Галичин, И. И. Жуковский, А. П. Клемешев, В. С. Корнеевец, О. О. Мартыненко, А. Ю. Мельвиль, Ю. И. Сергеева, А. Ю. Слепухин, В. М. Филиппов).

Эмпирическую базу диссертационной работы составили:

Результаты экспертного опроса на тему «Механизмы активизации международной академической мобильности в иркутских вузах: подходы, мнения, оценки», проведенного в 2014 году для определения комплекса мер по развитию механизмов международной академической мобильности в вузе. В экспертном опросе участвовали руководители и специалисты в сфере международной академической мобильности 6 ведущих вузов г. Иркутска. Всего опрошено 54 эксперта.

Результаты мониторинговых исследований качества и эффективности взаимодействия вузов с работодателями в Иркутской области, проведенные с 2013 по 2017 года для изучения и анализа отношения работодателей к проблеме востребованности в регионе выпускников с высшим образованием международного уровня. В исследованиях приняло участие: 2013 г. – 117 экспертов; 2014 г. – 117 экспертов; 2015 г. – 117 экспертов; 2016 г. – 163 эксперта; 2017 г. – 148 экспертов. Метод сбора информации – анкетный опрос, целевая выборка.

Результаты 2-х мониторинговых исследований выпускников ИСН ИГУ 2000-2015 гг., проведенных в 2013 и в 2016 гг., посвященных выявлению состояния научно-образовательного пространства региона и тенденций

интернационализации высшего образования. В 2013 г. опрошено 380 выпускников, в 2016 г. - 507 выпускников. В качестве метода сбора информации использовался анкетный опрос, целевая выборка.

Результаты сравнительного социологического исследования «Основные факторы активизации международной академической мобильности в российских и китайских вузах», осуществленного диссертантом лично в декабре 2013 г. в государственном китайском вузе, расположенном в провинции Ляонин в городе Шэньян. В экспертном опросе приняли участие руководители и специалисты, работающие в международных отделах разных подразделений, а также профессорско-преподавательский состав вуза, включая зарубежных преподавателей. Всего опрошено 55 экспертов. В качестве метода сбора информации использовался анкетный опрос.

Также в исследовании участвовали студенты и аспиранты разных факультетов и курсов (факультета русского языка, факультета китайского языка как иностранного, международного института экономики и лингвистики, факультета французского языка, факультета иностранных языков, исторического факультета, института экономики и факультета международных экономических отношений). Всего опрошено 200 чел. В качестве метода сбора информации использовался анкетный опрос, целевая выборка.

Результаты (стенограмма) глубинного интервью с участниками областного научно-практического круглого стола «Новый этап активизации международной академической мобильности в иркутских вузах (в аспекте проблем развития кадрового потенциала Иркутской области на период до 2020 г.)», проведенного в 2014 г. в ИГУ (г. Иркутск) с участием Комиссии по науке и образованию Общественной палаты Иркутской области. Опрошено 60 ведущих экспертов 6-ти вузов Иркутской области, Министерства экономического развития Иркутской области, члены Комиссии по науке и образованию Общественной палаты Иркутской области.

Результаты статистического анализа данных Института статистики ЮНЕСКО, Росстата, Иркутскстата, Центра социологических исследований

Министерства образования и науки РФ по интернационализации высшего образования на разных уровнях за период с 1999 по 2017 гг.

Результаты контент-анализа документальных источников - международных и национальных нормативных правовых актов, в которых отражены основные положения образовательной и социально-экономической политики Российской Федерации, регулирующие отношения в области международной академической мобильности в системе высшей школы на трех уровнях: международном, федеральном и региональном.

Результаты контент-анализа, проведенного для подсчета смысловых единиц, отражающих основные характеристики международной академической мобильности в названиях научных публикаций зарубежных авторов в 2-х журналах: журнал «Journal of Studies in International Education» (США) и журнал «Higher Education» (Нидерланды) за период с 2003 по 2014 гг., и последующей интерпретации выводов. Анализу были подвергнуты порядка 1200 статей, которые были представлены в 170 выпусках.

Результаты включенного наблюдения, проведенного в зарубежных вузах (автор исследования являлся активным участником международной академической мобильности). Полевое исследование проведено в рамках европейского и азиатского направлений: в финском (в 2009 году) и в двух китайских высших учебных заведениях (с 2011 по 2012 годы, в 2013 году). На первом этапе диссертант выиграл грант «Эразмус Мундус» на семестровое обучение по специальности «Социология» в Университете Турку в Финляндии с 25.08.2009 г. по 23.12.2009 г. Во время второго периода реализации качественного метода автор являлся иностранным студентом и провел наблюдение в китайском вузе с 09.2011 г. 01.2012 г. в городе Цицикар (КНР), где проходил полугодовую стажировку по изучению китайского языка. На третьем (завершающем) этапе наблюдение проходило в декабре 2013 года в рамках зарубежной стажировки автора в государственном китайском вузе города Шэньян – в Ляонинском университете.

Результаты анализа сайтов 25 динамично развивающихся организаций

региона по проблемам востребованности специалистов с высшим образованием международного уровня в реализации инвестиционных проектов Иркутской области в период до 2020 года и сайтов 6-ти ведущих иркутских вузов. Анализу был подвергнут 31 веб-сайт образовательных организаций.

Данные вторичного анализа материалов социологических исследований разного уровня, проведенных Институтом международных организаций и международного сотрудничества НИУ «ВШЭ», Фондом «Общественное Мнение», АНО «Левада-Центр» с 2007 по 2017 гг. по всероссийским репрезентативным выборкам.

Научная новизна диссертационной работы состоит в выявлении основных факторов, определяющих формирование и развитие международной академической мобильности в сетевом взаимодействии российских и китайских вузов в современных условиях:

1) уточнено определение «международной академической мобильности» как процесса реализации регионально-образовательных (в том числе научно-образовательных и профессионально-образовательных) стратегий субъекта образовательной деятельности при перемещении из одной позиции в другую (из российского вуза в зарубежный вуз и / или из зарубежного вуза в российский вуз) в динамике развития мирового и регионального научно-образовательного пространства;

2) разработана периодизация основных этапов развития международной академической мобильности в России по показателю конкурентоспособности вуза на мировом рынке образовательных услуг;

3) предложена многоуровневая классификация академической мобильности в системе высшего образования, раскрывающая специфику международной академической мобильности по трем основаниям: субъект мобильности, способ и длительность обучения, место получения образовательных услуг;

4) доказано, что смена направлений интернационализации (европейского, азиатского, российского, американского и др.) и неравномерное

развитие международной академической мобильности в системе высшего образования в России оказывают существенное влияние на развитие сетевого взаимодействия российских вузов с вузами других стран, углубляя противоречия, вызванные ограниченным доступом международной академической мобильности для широкого круга студентов, преподавателей и невысокой реализуемостью существующих моделей развития международной академической мобильности с учетом потребностей разных вузов;

5) выделены общие и специфические для российских и китайских вузов факторы, определяющие содержание и формы сетевого взаимодействия в процессе международной академической мобильности;

6) определено содержание потребностей разных социальных субъектов в развитии международной академической мобильности между российскими и китайскими вузами на региональном уровне: работодателей, преподавателей, студентов, руководства вузов, исследователей;

7) предложена модель организации и развития международной академической мобильности в высшей школе в условиях трансформации мирового научно-образовательного пространства и определены основные пути ее реализации в сетевом взаимодействии российских и зарубежных вузов.

Положения, выносимые на защиту:

- доказано, что новая российская модель международной академической мобильности включает использование как европейского опыта интернационализации высшей школы, так и собственного с учетом специфики регионов и отдельных вузов;

- раскрыты основные внешние и внутренние факторы, определяющие развитие интернационализации высшей школы в России на основе расширения сетевых взаимодействий российских вузов с зарубежными: глобализация как процесс системных вызовов и угроз, необходимость повышения конкурентоспособности вуза на мировом рынке образовательных услуг, формирование научно-образовательных центров мирового уровня, усложнение региональных связей, модернизация высшей школы в России, применение

международных показателей при оценке конкурентоспособности вузов, активизация их взаимодействия с бизнес-сообществом и другие;

- предложена периодизация трех основных этапов развития международной академической мобильности в России по показателю конкурентоспособности вуза на мировом рынке образовательных услуг, начиная с 1946 г. и по настоящее время:
1) «начальный» по формированию и внедрению концепции конкурентоспособности на мировом рынке образовательных услуг;
2) «поддерживающий», на котором стратегия активизации международной академической мобильности закрепила базовые идеи развития и внедрения принципа конкурентоспособности на мировом рынке образовательных услуг;
3) «развивающий» этап, когда международная академическая мобильность как социальный процесс выходит на новый уровень своей институционализации, проявляющийся через расширение социальной основы международного сотрудничества в научно-образовательной сфере посредством формирования современных центров институционализации высшей школы;

- показано на материалах эмпирических исследований, что основными факторами выбора зарубежных партнеров международной академической мобильности в рамках сетевого взаимодействия российских и китайских вузов являются: ресурсный потенциал вуза (28,3%), качество образования (20,3%), репутация университета (19,6%). Специфику выбора вузом партнеров международной академической мобильности определяют обменные процессы в рамках заключенных соглашений (21,1%), грантовая деятельность (20,4%);

- обосновано, что сетевое взаимодействие при развитии международной академической мобильности определяется региональными особенностями: для Восточной Сибири и Дальневосточного региона оптимальным является взаимодействие российских и китайских вузов;

- выявлено, что в качестве адаптивной модели развития международной академической мобильности российских вузов с зарубежными может выступить региональная сетевая «International professional-active» модель, основным преимуществом которой является опора на сетевые взаимодействия;

- разработаны рекомендации по расширению и активизации международной академической мобильности российских вузов с зарубежными образовательными организациями.

Соответствие темы диссертации специальности ВАК 22.00.04 — Социальная структура, социальные институты и процессы выражается в реализации требований следующих пунктов:

24. Понятие «социальная мобильность», ее основные направления и виды. Социальная мобильность как фактор изменения контуров социальной стратификации.

26. Социальные функции системы образования; функциональность и дисфункциональность профессионального образования. Рынок труда и профессиональное образование.

30. Возрастные когорты в системе социально-структурных отношений. Молодежь на рынке труда, перспективы трудоустройства. Региональные особенности.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в изучении процессов институционализации высшей школы в условиях социальных трансформаций на рубеже XX–XXI вв. Исследована динамика развития мирового и национального научно-образовательного пространства в аспекте международной академической мобильности, что способствует расширению дисциплинарных границ данной отрасли социологической науки. Предложенный в диссертационном исследовании сетевой территориально-дифференцированный подход открывает возможности к изучению международной академической мобильности в российских вузах в современных условиях с учетом региональной специфики. Концептуальные положения о влиянии внешних и внутренних факторов на развитие международной академической мобильности формируют новые области знания о современных процессах и механизмах развития международной академической мобильности в вузах российских регионах.

Полученные результаты могут учитываться при разработке программ международной академической мобильности применительно к расширению

сетевого взаимодействия вузов, в особенности между Россией и Китаем, при планировании и реализации перспективных направлений развития вузов в сфере международной деятельности, а также стратегий кадровой политики региона для формирования спроса на выпускников, обладающих образованием международного уровня. Адаптивной моделью развития международной академической мобильности российских вузов с зарубежными в современных условиях может являться региональная сетевая «International professional-active» модель.

Основные положения работы могут быть использованы при чтении учебных курсов «Социология образования», «Методология и методы социологических исследований», «Социология молодежи», «Современные социологические теории» для студентов социологических факультетов.

Достоверность результатов, полученных автором, подтверждается совпадением теоретических положений работы с результатами проведенных социологических исследований при использовании апробированных методов сбора и анализа эмпирических данных, обоснованностью выводов и рекомендаций.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертации докладывались и обсуждались на 13-ти международных, 13-ти всероссийских, в том числе 6-ти с международным участием и 5-ти региональных конференциях: III Всероссийском социологическом конгрессе «Социология и общество: пути взаимодействия» (г. Москва, 2008 г.); XVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2010» (г. Москва, 2010 г.); Международной научно-практической Интернет-конференции «Иркутск: традиции и проектирование будущего» (г. Иркутск, 2011 г.); IV Всероссийском социологическом конгрессе (г. Москва, 2012 г.); Международной социологической конференции «Продолжая Грушина» (г. Москва, 2012 г.); Всероссийской научной конференции «Активные формы и методы обучения в формировании профессиональных компетенций: освоение российскими вузами инновационных продуктов и технологий» (г. Иркутск, 2012

г.); X Международной научно-методической конференции «Новые образовательные технологии в вузе» (г. Екатеринбург, 2013 г.); Второй Всероссийской научной конференции с международным участием «Углубление профессионализации, инновационная активность и академическая мобильность в условиях модернизации высшей школы: технологии социального партнерства вузов с субъектами регионального развития» (г. Иркутск, 2013 г.); V Международной научно-практической конференции «Информация и образование: границы коммуникации» (INFO`13) (г. Горно-Алтайск, Республика Алтай, 2013 г.); II Конгрессе Социологической ассоциации Украины «Социология и общество: взаимодействие в условиях кризиса» (г. Харьков, Украина, 2013 г.); VIII Байкальских международных социально-гуманитарных чтениях (г. Иркутск, 2014 г.); Региональном научно-практическом круглом столе «Новый этап активизации международной академической мобильности в иркутских вузах (в аспекте проблем развития кадрового потенциала Иркутской области на период до 2020 года)» (г. Иркутск, 2014 г.); X Международной научной конференции («Байкальская встреча») «Проблемы евразийства и интеллигенция» (г. Улан-Удэ, 2014 г.); IV Всероссийской научной конференции с международным участием «Социальное образование в России и мире: смена парадигм и поиск новых решений» (г. Иркутск, 2014 г.); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР» (г. Владивосток, 2015 г.); Пятой Всероссийской научной конференции с международным участием «Роль социального образования в развитии института общественного мнения в условиях глобальных вызовов» (г. Иркутск, 2015 г.); «European Review of Social Science» (г. Прага, Чехия, 2015 г.); Второй Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР» (г. Владивосток, 2016 г.); Всероссийской научной конференции «Управление социальными изменениями в нестабильных условиях» (г. Москва, 2016 г.); V Всероссийском социологическом конгрессе (г. Москва, 2016 г.); Международной научно-практической конференции «Социально-демографические процессы в

глобальном мире: современная стратегия Российского государства и основные направления ее реализации в Сибири и на Дальнем Востоке» (г. Иркутск, 2017 г.); XI Международной научной конференции «Сорокинские чтения - 2017» (г. Москва, 2017 г.); VI Всероссийской научной конференции с международным участием «Роль социального образования в обеспечении национальной безопасности» (г. Иркутск, 2018 г.) и др.

Основные результаты диссертационного исследования были использованы автором и внедрены в учебный процесс ФГБОУ ВО «ИГУ». Ключевые положения диссертации в значительной мере отражены в научно-практических рекомендациях, выполненных с участием автора для руководящего состава вузов, работодателей, профильных министерств и др. на базе Общественной палаты Иркутской области.

По теме диссертации опубликовано 33 научные работы общим объемом 9,9 п.л., в том числе 6 работ опубликованы в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК.

Глава 1. Теоретико-методологические подходы к исследованию международной академической мобильности

1.1 Международная академическая мобильность как социальный процесс

История и теория международной академической мобильности основывается на передовых традициях развития научной мысли. В понимание данных процессов со временем заметный вклад внесла социологическая наука. Исследование социальных процессов и социальных институтов выступило ее приоритетным направлением. История социологической мысли показывает, что специфика международной академической мобильности как социального процесса непосредственно связана с развитием таких институтов как наука и образование. С развитием общества появляются новые стимулы в развитии науки, ее основных отраслей. В современную эпоху заметно возросло влияние науки как главного фактора социальных изменений. Научно-образовательная среда, формирующаяся в стенах академий и университетов разных эпох, способствовала конструированию стратегий международной академической мобильности, видению ее принципов и механизмов. В ходе социального развития возрастают регулятивная и коммуникативная функции мировой науки, становление которой способствовало появлению мирового образования.

Из истории развития высшего образования известно о специфике становления ведущих научно-образовательных центров, на базе которых формировались новые модели знания, передовые традиции и научные школы. Поддерживался спрос на инновационные разработки в образовании и науке. Одними из таких разработок, на наш взгляд, и стали модели международной академической мобильности. Их появление стало возможным благодаря развитию теоретического знания, а позже и прикладного, а также опоре на опыт международного сотрудничества. Иными словами, рассматриваемые исторические модели стали ответом на динамику потребностей в государстве и обществе.

Принимая во внимание условия и основные направления развития концепций науки и образования, в числе внутренних факторов становления и

развития моделей международной академической мобильности мы выделяем три: 1) способность субъекта научно-образовательной деятельности к переоценке и критическому восприятию существующих технологий познавательной деятельности; 2) формирование методологии научных изысканий, например, форм и методов познания, применимой к решению задач, касающихся совершенствования высшей школы, исходя из стоящих перед ней вызовов; 3) динамику разработки и внедрения новых моделей научного знания, научных открытий, научной культуры и научных традиций. Названные факторы всегда находились в фокусе методологического поиска.

Взаимосвязь общенаучного и ментального компонентов во многом отражена в развитии институтов науки и высшего образования. С позиции общенаучной методологии каждой эпохе соответствует своя модель мировой науки и мирового образования.

Понимая под социальным институтом систему структурированных интегративных взаимодействий субъектов, деятельность которых подвержена как саморегулированию, так и регулированию посредством «нормативных стандартов», считаем важным акцентировать внимание на «нормативных компонентах культурных систем в качестве конститутивных структур социальных систем»[1], поскольку именно внедрение «нормативных образцов» в социальную систему с целью интеграции в значительной степени определяет содержание процесса институционализации. При определении ключевых понятий «социальный институт» и «институционализация» мы опирались на передовые традиции классических и современных социологических теорий (М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Спенсера, П. Бергера, Э. Гидденса, Н. Лукмана, Т. Парсонса и др.). В учете передового опыта видится залог успешного развития образования и науки.

Разделяя такую идею, допускаем, что в процессе развития институтов науки и образования происходит закономерное совершенствование ментальных характеристик международной академической мобильности по национально-

[1] Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с анг. М. : Аспект Пресс, 1998. С. 17.

территориальному признаку (российская, американская, европейская и т.д.). Отличительной стороной ментальной модели всегда выступает национальный интерес. Примечательно, что в разные исторические эпохи происходит переоценка устоявшихся моделей знания и концепций мобильности, как и критический пересмотр принципов организации и построения знания и принципа универсализма. В условиях социальных институциональных трансформаций сохраняется потребность в осмыслении предшествующего опыта. Только в процессе научного поиска, ориентирующего на получение качественно нового знания на базе передовых научных традиций и школ, возможно формирование новейших моделей международной академической мобильности. В этом русле новое звучание приобретает проблема сложного в высшем образовании.

При изучении особенностей международной академической мобильности как социального процесса в диссертационной работе требовалось проанализировать тот научный потенциал, который был накоплен в рамках существующих научных подходов. Опираясь на идеи П. А. Сорокина[2] в предложенной им концепции социальной стратификации и мобильности, на классические теории модернизации (М. Вебер[3], Т. Парсонс[4], Ф. Теннис[5], П. Штомпка[6]), теории структурации и общества модерна (Э. Гидденс[7]) и современные теории социальной интеграции и трансформационного развития, включая российских авторов (З. Т. Голенкова[8], Т. И. Заславская[9], Ж. Т. Тощенко[10]), нами выявлено, что отличительной характеристикой фундаментальных и прикладных исследований в сфере высшего образования и международной академической мобильности выступает их междисциплинарный характер.

---

[2] Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
[3] Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М. : Прогресс, 1990. 808 с
[4] Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с анг. М. : Аспект Пресс, 1998. 270 с.
[5] Теннис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д. В. Скляднева. СПб. : Владимир Даль, 2002. 386 с.
[6] Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ., под ред. В. А. Ядова. М. : Аспект-Пресс, 1996. 416 с.
[7] Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурации. 2-е изд. М. : Академ. проект, 2005. 528 с.
[8] Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества // Социол. исслед. 1999. № 9. С. 27–34.
[9] Заславская Т. И., Ядов В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8–22.
[10] Тощенко Ж. Т. Социальные парадоксы высшего образования в России // Экономика образования. 2012. № 1. С. 31-34.

Приоритетные направления исследований при этом сформировались в социологии. Данное обстоятельство можно объяснить усилением взаимосвязей и взаимозависимостей в развитии высшей школы и необходимостью привлечения междисциплинарных методов, что предопределяет стратегию и логику изучения природы рассматриваемого явления, его структуры и закономерностей развития.

При проведении категориального анализа международной академической мобильности в качестве исходного понятия социальной мобильности было выбрано определение, предложенное П. А. Сорокиным, понимаемое им как «…любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую»[11]. Применимость данного определения обусловлена тем, что для международной академической мобильности представляет важность именно динамика изменения позиций субъектов в процессе обучения (из российского вуза в зарубежный вуз и / или из зарубежного вуза в российский вуз). Выделенное значение считаем главным. Кроме того, такое определение позволяет установить субъект-субъектные и / или субъект-объектные взаимозависимости при любых «стартовых» условиях. При таком понимании, международная академическая мобильность входит в структуру академической мобильности, которая, в свою очередь, отражает процесс социальной мобильности в целом. Система высшего образования отчетливо демонстрирует возможности социального лифта при перемещении субъекта образовательного процесса из позиции «студента как носителя традиционных знаний» в «студента, обладающего знаниями иностранных языков, умениями на уровне лучших мировых практик, навыками межкультурных коммуникаций», или из позиции «выпускника российского вуза» в «профессионала международного уровня». Переход («перемещение») субъекта происходит благодаря механизмам вертикальной и горизонтальной академической мобильности. Признаки мобильности рассмотрим более подробно.

В научной литературе распространены подходы, раскрывающие базовые

[11] Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. М. : Политиздат, 1992. С. 373.

признаки академической мобильности. В этой связи сформировались научные дискурсы (диалоговый, академический, профессиональный, творческий и др.). В духе традиций одной научной школы, академическая мобильность сравнивается с «межстрановым диалогом» («если… сформировавшийся в родной стране ученый… начинает (временно или постоянно) работать за рубежом, то его деятельность как в культурологическом, так и в собственно научном плане происходит в режиме межстранового диалога»)[12], то, в русле другой, академическая мобильность отражает непрерывность научного творчества. Выделяется и собственно академический подход С. И. Гессена, когда академическая мобильность, проявляясь через принцип академической свободы, выступает базовым признаком Университета, отличающим его от специальной школы тем, что «…Университет выполняет особую миссию, он является институциональной формой абсолютной ценности – научного знания»[13]. В начале XXI в. вопросы «особой миссии» университета приобретают все более интернациональный и глобальный характер.

При этом необходимо отметить, что в научных разработках и нормативных правовых актах по своим значениям категории «академическая мобильность» и «международная академическая мобильность» отождествляются. Такой подход наиболее распространен. С учетом того, что непременной характеристикой процесса академической мобильности выступает международная составляющая, а главнейшими детерминантами ее развития являются международные образовательные процессы, то в отношении рассматриваемой концепции используется термин «международная академическая мобильность». Данная категория отражает сущность одного из сложных социальных феноменов XXI века.

Первым международным документом, закрепившем отличительные особенности категории «академическая мобильность», стала Рекомендация Комитета министров Совета Европы для государств-участников по академической

---

[12] Водопьянова Е. Единство непохожих. Национальное измерение европейской науки // Свобод. мысль-XXI. 2004. № 2. С. 84–92.
[13] Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М. : Школа-Пресс, 1995. С. 315.

мобильности от 02.03.1995 г. № R (95), принятая в г. Страсбург[14]. Документ заложил основу для понимания содержания этой категории. Обобщив признаки, содержащиеся в Рекомендации по развитию академической мобильности преподавателей и студентов в вузе, авторы издания О. О. Мартыненко, Н. В. Жукова и П. С. Красовский определяют академическую мобильность как «…это перемещение кого-либо, имеющего отношение к образованию, на определенный (обычно до года) период в другое образовательное учреждение (в своей стране или за рубежом) для обучения, преподавания или проведения исследований, после чего учащийся, преподаватель или исследователь возвращается в свое основное учебное заведение»[15]. По своему основному значению указанное понятие не связано с эмиграцией или продолжительным периодом обучения или работы за рубежом. В этой части мы разделяем мнение ученых. Речь идет об обязанности возвращения субъекта образовательного процесса в свой вуз. Такая идея в диссертационной работе получила дальнейшее развитие.

Согласно проекту Концепции развития академической мобильности в Российской Федерации, разработанному в 2013 г. в рамках программы Национального фонда подготовки кадров: «Разработка предложений по организации российских программ академических обменов для российских и зарубежных научно-педагогических работников», с отсылкой к Рекомендации № R (95) 8 Комитета министров Совета Европы государствам-членам по академической мобильности[16] категория «академическая мобильность» также раскрывается как «…обучение, преподавание, проведение исследований за рубежом, после чего учащийся, преподаватель или исследователь возвращается в

---

[14] Рекомендация Комитета министров Совета Европы государствам-членам по академической мобильности [Электронный ресурс] : принята на 531 заседании заместителей министров 2 марта 1995 года (Страсбург) // Национальный информационный центр / ФГБУ «Главэкспертцентр» : сайт. – URL : http://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/recomendations/Council_Europe_1995 (дата обращения: 10.06.2018).

[15] Мартыненко О. О., Жукова Н. В., Красовский П. С. Методические рекомендации по развитию академической мобильности студентов и преподавателей в вузе [Электронный ресурс] / Единое окно доступа к образовательным ресурсам : информ. система. URL: http://window.edu.ru/library/pdf2txt/896/61896/31818 (дата обращения: 05.09.2018). С. 6.

[16] Рекомендация Комитета министров Совета Европы государствам-членам по академической мобильности [Электронный ресурс] : принята на 531 заседании заместителей министров 2 марта 1995 года (Страсбург) // Национальный информационный центр / ФГБУ «Главэкспертцентр» : сайт. – URL : http://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/recomendations/Council_Europe_1995 (дата обращения: 10.06.2018).

свое основное учебное или научное заведение»[17]. По направленности академическая мобильность разграничивается на входящую – приезд иностранных преподавателей, исследователей, учащихся в страну или исходящую – выезд преподавателей, исследователей, учащихся за границу. В методологии анализа данных в социологии такой подход является достаточно распространенным. Кроме того, помимо физической выделяют институциональную мобильность (образование филиалов учебных заведений в других государствах, трансграничных кампусов) и мобильность программ (реализация совместных образовательных программ, программ двойных дипломов)[18].

Категориальный анализ позволил выявить, что до сих пор не выработан общий подход к трактовке понятия «международная академическая мобильность». Важно учитывать, что большинство российских вузов, опираясь в своей международной деятельности на Положение «Об Управлении международных связей» или Положение «Об организации международной академической мобильности», характеризуют международную академическую мобильность как «…обучение студентов и аспирантов в зарубежных вузах, а также работу преподавателей и сотрудников в зарубежных образовательных или научных учреждениях»[19]; «…образовательные услуги, которые студент получает в зарубежном вузе с выездом к месту обучения и обучением по очной форме обучения»[20]; «…получение студентами образования вне своего вуза при условии зачета / признания в своем вузе дисциплин (кредитов), полученных в зарубежном

---

[17] Проект Концепции развития академической мобильности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Институт международных организаций и международного сотрудничества НИУ «ВШЭ» : сайт. – URL: http://intpr.ntf.ru/DswMedia/koncepciyaakademicheskoymobil-nosti_itog.pdf (дата обращения: 20.08.2018). С. 2

[18] Проект Концепции развития академической мобильности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Институт международных организаций и международного сотрудничества НИУ «ВШЭ» : сайт. – URL: http://intpr.ntf.ru/DswMedia/koncepciyaakademicheskoymobil-nosti_itog.pdf (дата обращения: 20.08.2018). С. 2

[19] Положение об организации международной академической мобильности в ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет» [Электронный ресурс] : утв. ректором ТГТУ 30.01.2012 г. (протокол заседания Уч. совета ТГТУ № 1) // Тамбовский государственный технический университет : сайт. – URL : http://www.tstu.ru/structure/depart/m_ums-oam/pdf/polozh_akad_mobile.pdf (дата обращения: 03.07.2018).

[20] О введении в действие Положения об академической мобильности студентов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс] : утв. приказом Ректора НИУ ВШЭ от 28.06.2013 г. № 6.18.1-01/2806-06 // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : сайт. – URL http://www.hse.ru/docs/89067457.html (дата обращения: 01.06.2018).

вузе»[21]; «…направление обучающихся Университета в целях обучения, повышения квалификации и совершенствования научной и образовательной деятельности, в том числе в рамках международного академического обмена в другие иностранные образовательные, научные, иные организации…, а также обучение и стажировка в Университете обучающихся из иностранных образовательных, научных, иных организаций с последующим возвращением в направившую организацию в течение определенного периода, как правило, не более одного календарного года»[22]. Следует согласиться с основным содержанием названных форм проявления международной академической мобильности, так как в них системно учитывается, что международная академическая мобильность непосредственно связана с получением образовательных услуг в зарубежных странах, что является ее отличительным признаком. Обратимся к другим интерпретациям исследуемого понятия.

Зарубежные ученые также трактуют международную академическую мобильность как студенческое или факультетское перемещение через национальную границу: «…international academic mobility is generally conceived as including both students'and faculties' movements across borders»[23]. В целом, проведенный анализ концептуальных положений, представленных в научных изысканиях А. Л. Арефьева, Т. Парсонса, П. А. Сорокина, С. И. Гессена, О. О. Мартыненко, Н. В. Жукова, П. С. Красовского, Е. Водопьяновой, M. Rostan, E. A. Höhle позволил выявить общее представление в понимании международной академической мобильности как процесса перемещения субъектов в научно-образовательном пространстве. Однако в предложенных определениях не в полной мере учитывается специфика реализации различных стратегий субъектов

---

[21] Положение об организационно-административном порядке международной академической мобильности студентов Иркутского государственного технического университета [Электронный ресурс] : утв. и. о. ректора ИрГТУ 21.08.2013 г. // ФГБОУ ВО Иркутский Национальный исследовательский технический университет : сайт. – URL: http://www.istu.edu/docs/international/mobilnost_outgoing/Polozhenie%20ob%20akademicheskoy%20mobilnosti.pdf (дата обращения: 01.07.2018).

[22] Порядок организации международной академической мобильности обучающихся [Электронный ресурс] : утв. приказом Ректора ИГУ от 13.11.2018 г. № 800 // ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» : офиц. сайт. – URL : https://isu.ru/ru/about/umo/perehod_VPO/prikazi_IGU.html (дата обращения: 28.11.2018).

[23] Rostan M., Höhle E. A. The International Mobility of Faculty [Electronic resource] // The Internationalization of the Academy : Changes, Realities and Prospects / ed.: F. Huang M. Finkelstein M. Rostan. – Springer Netherlands, 2014. – Vol. 10. – P. 79–104. – DOI 10.1007/978-94-007-7278-6_5.P. 79.

образовательной деятельности, применительно к условиям региона, особенностям его регионального развития. Это послужило основанием для уточнения понятия «*международная академическая мобильность*», которое мы стали трактовать как *процесс реализации регионально-образовательных (в том числе научно-образовательных и профессионально-образовательных) стратегий субъекта образовательной деятельности при перемещении из одной позиции в другую (из российского вуза в зарубежный вуз и / или из зарубежного вуза в российский вуз) в динамике развития мирового и регионального научно-образовательного пространства.* В развитии категориального поля социологической науки видится наш вклад.

Из существующих классификаций академической мобильности наибольший интерес представляют две. В первой, разработанной А. Е. Зубаревым и Е. А. Белевичем, выделяются разные виды мобильности в зависимости от субъектов, объектов, видов, форм и типов мобильности[24]. Во второй, предложенной В. В. Краснощековым, аргументируется необходимость выделения классификации программ академической мобильности, разделяя их на две большие группы: «программы, приводящие к присуждению степеней, и программы, не приводящие к присуждению степеней»[25]. Такое видение способствует решению актуальных задач в сфере международной деятельности вузов.

В ходе исследования при систематизации научных подходов и их сравнении нами была разработана многоуровневая классификация академической мобильности в системе высшего образования по трем основаниям: а) субъект мобильности (студент, преподаватель, исследователь, сотрудник вуза); б) способ и длительность обучения (традиционная, дистанционная; краткосрочная, долгосрочная); в) место получения образовательных услуг (рисунок 1), по которой отчетливо прослеживается взаимосвязь рассматриваемых понятий, а также

---

[24] Зубарев А. Е., Белевич Е. А. К вопросу о содержании и классификации международной академической мобильности // Science Time. 2016. № 5. С. 233.

[25] Краснощеков В. В. К определению и классификации программ международной академической мобильности [Электронный ресурс] / Современные проблемы науки и образования : электрон. науч. журн. 2015. № 6. URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=23035 (дата обращения: 03.11.2018).

критерий выделения международной академический мобильности от других видов академической мобильности по принципу территориального распределения (места осуществления мобильности).

Рисунок 1 - Многоуровневая классификация академической мобильности в системе ВО

Особое место в предложенной классификации уделено международной академической мобильности. Отметим, что по своему содержанию международная академическая мобильность соотносится с понятиями: 1) «зарубежная академическая стажировка» (загранстажировка); 2) «транснациональное образование» (трансграничное образование)[26]; 3) «образовательный туризм» (академтуризм); 4) «образование без границ» в контексте его международной составляющей. Все выделенные понятия отражают специфику процесса обучения за рубежом, то есть перемещения / передвижения агента (актора) образовательного и научного процессов из одной страны в другую, а также особенности реализации учебных программ или систем знаний. Они также формируют понятийное поле проблемы выхода высшего образования в России на новый этап модернизации и интернационализации.

При углубленном изучении были выявлены различия в содержании исследуемых понятий. С точки зрения А. Л. Арефьева, под «загранстажировками» понимается «…полезный обмен научными идеями, исследовательским и

[26] Кодекс профессиональной практики при предоставлении транснационального образования [Электронный ресурс] : утв. на 2-ой сессии Комитета Лиссабонской Конвенции о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе 06.07.2001 (г. Рига) // Санкт-Петербургский государственный университет : сайт. – URL: http://bologna.spbu.ru/images/kod.prof.prak.docx (дата обращения: 03.06.2018).

технологическим опытом»[27]. Традиционно, зарубежными академическими стажировками признаются грантовые программы поддержки международной академической мобильности (к примеру, Fulbright Program (с 1946 г.; в России с 1972 г.), Erasmus+ (действует с 2014 по 2020 гг.), заменившая Erasmus Mundus, Tempus и др.), проекты DAAD (германская служба академических обменов), Chevening (британская программа)), каникулярные программы (working holidays, CAMP), программы подготовки к поступлению в зарубежные вузы (Education First), языковые курсы, оплачиваемые и неоплачиваемые стажировки (work and travel, hospitality program, AU Pair, Nanny), включая волонтерские проекты (agricultural trainee) и другие.

В данном случае наше внимание акцентируется на освоении новых знаний, обмене опытом, приобретении умений и навыков, что не является ключевой характеристикой транснационального образования. Содержание понятия «транснациональное образование» раскрыто в Кодексе профессиональной практики, где оно трактуется как «…все виды учебных программ высшего образования, или комплектов курсов обучения, или образовательных услуг (включая программы дистанционного образования), при предоставлении которых обучающиеся находятся в стране, отличной от той, в которой расположено учебное заведение, присуждающее квалификации»[28]. Цитируемый Кодекс был принят на 3-ем заседании Рабочей группы по транснациональному образованию, проведенному в ноябре 1999 г. в Иерусалиме. В дальнейшем он прошел согласование с сетью Европейских национальных информационных центров по академическому признанию и мобильности (ENIC) на 7-м заседании сетей ENIC и NARIC, проведенном в Брюсселе в 2000 г. Обращаем внимание на важность прохождения процедур согласования по наиболее значимым вопросам в развитии мирового образования.

---

[27] Арефьев А. Л., Дмитриев Н. М. Зарубежные научно-учебные стажировки [Электронный ресурс] : социол. анализ. М. : ЦСП, 2003. 140 с. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/publ/Zarubeznye_NU_Stazirovki.pdf (дата обращения: 30.01.2018).

[28] Кодекс профессиональной практики при предоставлении транснационального образования [Электронный ресурс] : утв. на 2-ой сессии Комитета Лиссабонской Конвенции о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе 06.07.2001 (г. Рига) // Санкт-Петербургский государственный университет : сайт. – URL: http://bologna.spbu.ru/images/kod.prof.prak.docx (дата обращения: 03.06.2018).

В числе транснациональных мероприятий, согласно установленным требованиям, как «совместные» мероприятия, так и «не совместные». В числе первых – «…франчайзинг, породнение, совместное присуждение степеней, с помощью которых учебные программы, части курсов обучения или другие образовательные услуги учебного заведения, присуждающего квалификации, предоставляются другим учебным заведением, являющимся его партнером»[29] Рассматриваются в статусе «не совместных» - «…организация филиалов, офшорных, корпоративных или международных учебных заведений, с помощью которых учебные программы, части курсов обучения или другие образовательные услуги предоставляются непосредственно учебным заведением, присуждающим квалификации»[30]. Очевидно, что организация и проведение подобных мероприятий отличается своей спецификой, своими принципами взаимодействий.

Интерес ученых к понятию «образовательный туризм» демонстрирует его значимость при анализе актуальных проблем развития экономики региона. Примечательно, что многие ученые определяют «образовательный туризм» как «…разновидность туризма, обеспечивающего получение образования или повышение квалификации в течение непродолжительного временного периода (А. В. Бабкин, Э. А. Лунин и др.). В ряде работ образовательный туризм рассматривается как инновационная образовательная технология (В. Л. Погодина), значимый фактор глобализации и интернационализации образования (В. А. Титов, В. А. Фарбер и др.), как быстро развивающийся сектор экономики туризма, завоевывающий признание во всем мире (Н. А. Козлова)»[31]. Нами выявлено, что в общемировом масштабе образовательный туризм активно развивается с конца 1940-х гг. параллельно с расширением международных туристских связей. На сегодняшний день совмещение образования и отдыха в других странах делает

---

[29] Кодекс профессиональной практики при предоставлении транснационального образования [Электронный ресурс] : утв. на 2-ой сессии Комитета Лиссабонской Конвенции о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе 06.07.2001 (г. Рига) // Санкт-Петербургский государственный университет : сайт. – URL: http://bologna.spbu.ru/images/kod.prof.prak.docx (дата обращения: 03.06.2018).

[30] Там же.

[31] Певзнер М. Н., Петряков П. А., Николаева А. Н. От образовательного менеджмента к менеджменту образовательного туризма: экономический и педагогический аспекты // Вестн. Новгород. гос. ун-та. 2011. № 64. С. 59.

образовательный туризм востребованным с динамично растущим спросом[32], что объясняется большим количеством специализированных организаций в области международного сотрудничества (центров обучения за рубежом, языковых школ, туристических агентств), которые активно продвигают подобный неформальный вид образования. Для регионов, приоритетным направлением развития которых является туризм (например, для Иркутской области), образовательный туризм – перспективная сфера.

В числе других категорий, позволяющих понять специфику международной академической мобильности, – понятие «образование без границ», которое с необходимостью сегодня отражает внедрение дистанционного или электронного образования в вузе. Поворот в сторону цифрового общества открывает новые возможности для его развития. «Образование без границ» не исключает и дистанционную международную академическую мобильность. «Образование без границ» предполагает сетевое обучение на открытых образовательных ресурсах всего мира, или, как закреплено в Положении «Об академической мобильности студентов НИУ «ВШЭ», – «…это образовательные услуги, которые студент получает на сайтах online образования»[33]. Положительным моментом в этом случае является возможность выбора зарубежного государства и зарубежной образовательной организации, увеличивая экономию временных и финансовых ресурсов (у потенциального абитуриента появляется возможность стать студентом иностранного вуза, не выезжая за пределы страны). Через такие механизмы активно формируются потребности информационного общества.

В XXI в. все чаще стали использоваться современные способы осуществления международной академической мобильности: *дистанционная онлайн-мобильность* и / или *виртуальная мобильность,* когда обучение происходит посредством получения образовательной услуги на Интернет-

---

[32] Сергеева Ю. И. Международный образовательный туризм как историческая традиция [Электронный ресурс] // Развитие гуманитарных наук : Междунар. науч. практ. конф. Познань, 27–29 февр. 2012 г. URL : http://конференция.com.ua/pages/view/298 (дата обращения: 03.02.2018).

[33] О введении в действие Положения об академической мобильности студентов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс] : утв. приказом Ректора НИУ ВШЭ от 28.06.2013 г. № 6.18.1-01/2806-06 // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : сайт. – URL http://www.hse.ru/docs/89067457.html (дата обращения: 01.06.2018).

порталах и коммуникаций с преподавателями через e-mail или онлайн-сервисы на веб-сайтах без реального перемещения студента в зарубежный вуз; *международный образовательный коучинг,* когда ведущие мирового коучинга (эксперты, преподаватели, наставники) помогают обучающемуся самостоятельно достичь высоких результатов, обеспечивая его регулярными заданиями и последовательно контролируя ход и результат их выполнения в рамках единого мирового научно-образовательного пространства.

Кроме того, заслуживают рассмотрения наиболее распространенные виды и формы международной академической мобильности, отраженные в англоязычных названиях: *incoming mobility* (входящая мобильность), *outgoing mobility* (исходящая), *degree mobility* (получение степени бакалавра или магистра в зарубежном высшем учебном заведении), *credit mobility* (семестровая мобильность, в результате которой студент получает необходимое количество кредитов), *visiting students* (*guest students)* или *free-movers* (в отличие от официальной обменной программы студент («фри-мувер») по собственному желанию, зачастую и за свой счет, обучается на полугодовых или годовых программах в зарубежном вузе), *welcome course* (краткосрочные зарубежные стажировки по конкретному направлению, например, курсы углубленного изучения иностранного языка), *traineeship* или *internship* (прохождение производственной или преддипломной практики за рубежом), *cooperation in research* (совместные международные научные исследования) и другие формы.

Как мы видим, институционализация науки и образования наглядно отражает тенденцию к критическому осмыслению и многофакторному анализу, критической переоценке международной академической мобильности как социального процесса. По этому поводу представляется заслуживающей внимания позиция C. Kerr, M. L. Gade, M. Kawaoka как авторов известных научных трудов конца XX столетия, предпринявших попытку осуществить сравнительный анализ «дивергентной» и «конвергентной» моделей

универсального образования[34]. Учеными выделено 3 основных исторических этапа, обусловивших динамику международных образовательных процессов. Представляется справедливым выделение *первого этапа* как периода становления университетов в Средневековье и в эпоху Возрождения на основе универсального образования. В это время при обучении отсутствует узкая специализация, знания же проявляются в своей универсальной форме. Созданная университетами среда закономерно породила в обществе мыслителей энциклопедического ума. В данный период, благодаря соблюдаемым требованиям открытости академических границ и принципа универсальности, появляются первые отличительные признаки международной академической мобильности.

Позже развитие университетов проходит с вектором усиления дифференциации и специализации знания, с чем и связывается *второй период*, выделенный C. Kerr, M L. Gade, M. Kawaoka[35]. Их исследования показывают, что на этом историческом этапе образование соответствует интересам государств, в соответствии с которыми системно осуществляется подготовка специалистов в узких областях. Высшее образование выступает инструментом осуществления социально-экономических и иных функций государств-наций. При реализации институционального подхода к развитию международного сотрудничества широко используется ключевая мысль C. Kerr, M. L. Gade, M. Kawaoka[36]. Проведенный анализ позволил нам заключить, что *международная академическая мобильность становится одним из главных инструментов реализации национальных стратегий государств с учетом востребованности знаний в разных сферах общества*. В силу этого представляется закономерным, что термин «академическая мобильность» встречается в стратегиях современной миграционной политики России[37], ее инновационного[38], инвестиционного[39]

---

[34] Kerr C., Gade M. L., Kawaoka M. Higher education cannot escape history: issues for the twenty first century / Albany : State University of New York Press, 1994. 248 p.

[35] Там же.

[36] Куприянова-Ашина В. Э., Чанг Жу Интернационализация высшего образования: российские подходы // Междунар. процессы. 2013. № 11. С. 85–94.

[37] Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : утв. Президентом РФ 13.06.2012 // Президент России : офиц. сайт. – URL : http://www.kremlin.ru/acts/15635 (дата обращения: 02.03.2018).

развития и др.

Относительно 2-ой половины XX в., датируемой рамками третьего периода, определяемого C. Kerr, M. L. Gade, M. Kawaoka через смешение обеих моделей, отметим суть основной идеи, выражающейся в создании «космополитичных университетов», преобразовавшихся в эффективных агентов государств на мировой сцене благодаря включению в глобальный образовательный универсум[40]. Учитывая наблюдаемые тенденции в развитии мирового научно-образовательного пространства, с этим утверждением можно согласиться. Глобализация, а также сопутствующие ей интеграционные процессы и закономерности стали серьезным фактором для преобразований соответствующих процессов.

На рубеже XX-XXI столетий особое внимание уделяется закреплению принципов международной академической мобильности в России на законодательном уровне, государство ориентирует на новые прорывные направления развития российских университетов, согласно лучшим мировым стандартам. В соответствии с указами Президента Российской Федерации последних лет это находит отражение в системе целевых индикаторов национального развития России. В конце первого десятилетия XXI в. начинают складываться социально-политические и социально-экономические предпосылки для выделения следующего этапа развития международной академической мобильности и международного сотрудничества, обусловленных международными вызовами. Ведущими факторами формирования международной академической мобильности отныне выступают международные вызовы (механизмы международной безопасности, знания международного права, методов регулирования профессионально-образовательной и научно-образовательной мобильности в динамике мирового рынка труда). Видим системный характер их влияния на международную академическую мобильность

---

[38] Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 8.12.2011 № 2227-р // Собр. законодательства РФ. – 2012. – № 1. – Ст. 216.

[39] Об утверждении Инвестиционной стратегии Иркутской области на период до 2025 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Иркутской области от 28.08.2014 № 701-рп // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» в локальной сети Ин-та социал. наук Иркут. гос. ун-та.

[40] Куприянова-Ашина В. Э., Чанг Жу Интернационализация высшего образования: российские подходы // Междунар. процессы. 2013. № 11. С. 85–94.

как социальный процесс.

В качестве примера обратимся к мнению Ю. И. Сергеевой на основные этапы развития академической мобильности в системе европейского высшего образования. Исследователем предложена периодизация из 5-ти этапов, начиная с XII в. по сегодняшний день. В отличие от периодизации C. Kerr, M. L. Gade, M. Kawaoka, настоящая периодизация в значительной мере выстроена с позиции социально-политического, а также стратификационного подходов. *Первый период* (XII – XIV вв.) отражает особенности становления международной академической мобильности в университетах Европы Средневековья. Прежде всего, на этом этапе формируется ее организационная структура. На это обстоятельство обращают внимание и другие исследователи. В данный период зарождение «целенаправленных образовательных путешествий» связывается с появлением первых университетов на юге Европы[41]. Дальнейшее их распространение на северные территории сопровождается активизацией миграции преподавателей и студентов, в связи с широким распространением национальной культурной истории и традиций отдельно взятого государства. С этой точки зрения выделение начального этапа формирования академической мобильности в европейской высшей школе видится оправданным.

В соответствии с представленной интерпретацией, *второй этап* (начало XV – конец XIX вв.) демонстрирует тенденцию к увеличению числа международных академических контактов с другими странами с выделением особенностей национальных и региональных образовательных структур. Сравнивая особенности выделенного этапа со спецификой современного периода развития международной академической мобильности, необходимо подчеркнуть, что в то время уже поднимались вопросы стабильности и жизнеспособности национальных образовательных систем, их внедрения и адаптации в иные системы образования. Общественно-хозяйственные катаклизмы XIX столетия вызвали затруднения в процессе расширения социальной основы для становления

[41] Сергеева Ю. И. Международный образовательный туризм как историческая традиция [Электронный ресурс] // Развитие гуманитарных наук : Междунар. науч. практ. конф. Познань, 27–29 февр. 2012 г. URL : http://конференция.com.ua/pages/view/298 (дата обращения: 03.02.2018).

международной академической мобильности. Как обоснованно отмечает Ю. И. Сергеева, на данном этапе мобильность была открыта лишь для обеспеченных социальных групп. В силу недоступности международной академической мобильности в результате углубления социального неравенства, проблемы международного сотрудничества в системе высшего образования носили элитарный характер и не входили в число приоритетных направлений государственной политики[42]. Знание истории вопроса чрезвычайно важно.

Мы согласны с позицией данного автора также в том, что в *третьем периоде* (начало XX в. – 1945 г.) вследствие мировых войн и военно-политических конфликтов продолжают сокращаться международные академические контакты. В процессе развития международной академической мобильности появляются новые формы ее осуществления. Одной из таких форм является форма академической мобильности, обусловленная национальными интересами государств. В системах научной аргументации четко прослеживаются и вопросы национальной безопасности. До середины XX века международная академическая мобильность в европейских странах развивалась в направлении «распространения культуры метрополии в колониальных и постколониальных странах»[43].

При анализе и интерпретации международной академической мобильности в аспекте предложенной периодизации, сконцентрируем внимание на специфике *четвертого периода* (1946 – 1991 гг.). На данном историческом этапе, во время противостояния Западной Европы и социалистических стран во главе с СССР выделяются институциональные границы развития международной академической мобильности. По мнению Ю. И. Сергеевой социалистические страны добились значительных успехов в объединении и унификации высшей школы, хотя и не смогли преодолеть некоторую политизированность, используя в том числе механизмы международной академической мобильности[44]. Свидетельством этого является тот факт, что в этот период страны Западной Европы заключали международные договоры, направленные на развитие

[42] Сергеева Ю. И. Указ. соч.
[43] Там же.
[44] Сергеева Ю. И. Указ. соч.

академической мобильности в целях решения определенного круга экономических, социальных и научно-технических проблем. Основные детерминанты международной мобильности (интересы и потребности ведущих субъектов) предопределяли логику регулирования ключевых проблем на мировом уровне. В меньшей степени мы прослеживаем развертывание данного социального процесса, исходя из интересов отдельного регионального (городского) сообщества или отдельно взятого вуза (речь идет об автономных формах функционирования вузов в системе взаимодействия «вуз-город», «вуз-регион»). Только с середины первого десятилетия XXI в. актуализация данных проблем выходит на первые позиции в отношениях России и Европы. Это заметно прослеживается в работе Балтийских образовательных форумов 2007-2008 гг.[45], которые заставили по-новому взглянуть на положение университетов в своем регионе и современном мире.

По периодизации Ю. И. Сергеевой, усиление международной академической мобильности в европейском регионе прослеживается в *пятый период* (с 1992 г. по настоящее время). Мы полагаем, что выделенные границы данного исторического этапа носят относительный характер, исходя из масштабности социальных проблем, начавшихся в 1990-х гг. Позже Болонский процесс, выступая основным интегрирующим внешним фактором, вывел на новый этап институциональное развитие вузов в России, углубил процесс их интернационализации. В представленной периодизации не прослеживается интерпретация новейших условий и факторов, влияющих на развитие международной академической мобильности, например, не раскрывается влияние фактора глобализации образовательных систем, не отражается противоречивость тенденций к интернационализации высшей школы, не видится взаимосвязь между расширением сетевых взаимодействий и повышением конкурентоспособности вузов на мировом рынке образовательных услуг.

В силу отмеченного обстоятельства характеризуется как более обоснованная

---

[45] Ключевые проблемы перехода Иркутского государственного университета на новую модель образования (по результатам социологических исследований) / Т. И. Грабельных [и др.]. – Иркутск : НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2008. – 120 с.

интерпретация интернационализации высшей школы в системе таких ее основополагающих характеристик как системность принимаемых решений по вопросам международного сотрудничества, масштабность протекающих процессов в сфере образования, включенность в интегративное пространство географических областей европейского региона, различных направлений науки и образования, различных социальных слоев общества[46]. Периодизация Ю. И. Сергеевой, построенная с учетом выделенных критериев, отражает векторы социального процесса и типы детерминированных взаимозависимостей в динамике развития науки и образования как социальных институтов. Постепенно в России и мире создаются новые условия для реализации международной академической мобильности, устанавливаются иные границы. Учеными конструируется новая социальная реальность. Усиливается значимость национального фактора, вузы стремятся реализовать свою национальную стратегию, транслируя ее в мировом научно-образовательном пространстве, повышают качество образования и создают привлекательный имидж и репутацию высшего учебного заведения и той территории, где они расположены. Концепция «вуз в регионе» приобретает символическое значение. В связи с этим актуализируется вопрос о региональной специфике социальных изменений, с учетом которой мы можем осмыслить как прошлый, так и настоящий опыт.

О важности учета особенностей и закономерностей регионализации писал еще в своем труде «Устроение общества: Очерк теории структурации» Э. Гидденс, понимая под «регионализацией пространства-времени» «…движение жизненных путей по зонам социального взаимодействия, обладающим различными формами пространственного разграничения»[47]. По мнению ученого, «…регионализация приводит к образованию зон, существенно различающихся по протяженности и масштабам»[48], при этом «…социальная интеграция определяется как взаимодействие в контекстах соприсутствия. Связи, существующие между социальной и системной интеграцией, можно проследить, исследовав модели

---

[46] Сергеева Ю. И. Указ. соч.
[47] Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурации. 2-е изд. М. : Академ. проект, 2005. С. 182.
[48] Там же. С. 189.

регионализации, которые направляют и направляются пространственно-временными траекториями движения индивидов - членов общин или обществ - в процессе их повседневной деятельности. Эти траектории находятся под влиянием и одновременно воспроизводят фундаментальные институциональные характеристики социальных систем, в которых они существуют»[49]. Данные тезисы дополняют наше представление о направленности и содержании процессов академической мобильности, отражающих динамику изменения позиций субъектов в процессе обучения по пространственно-временным траекториям. Сам социолог при этом отмечал, что «…регионализация расширенных диапазонов пространства - времени исследовалась многими авторами, прибегающими к хорошо известным представлениям о «неравномерном развитии» и различиях, существующих между “центром” (“ядром”) и “периферией”»[50]. Обозначенные концептуальные положения способствовали формированию авторского видения международной академической мобильности как социального процесса, позволяющего во многом учитывать региональную специфику.

Учитывая масштабность воздействия глобализации на высшее образование, выделяем в качестве одного из главных признаков развития международной академической мобильности конкурентоспособность вуза на мировом рынке образовательных услуг. С этих позиций мы обозначили три этапа развития международной академической мобильности в России с 1946 года и по настоящее время. Период, датируемый серединой XX - началом XXI вв., нами был взят в связи с тем, что после окончания Второй мировой войны Советский Союз в целях укрепления международного взаимопонимания развивал интернационализацию высшего образования, которая во многом в середине XX в. была обусловлена приоритетами начавшейся «холодной войны». Охарактеризуем каждый из выделенных этапов.

Первый этап (1946 – 1991 гг.) определяется нами как *«начальный»* с точки зрения формирования и внедрения концепции конкурентоспособности на

[49] Гидденс Э. Указ. соч. С. 215.
[50] Там же. С. 200.

общемировом рынке образовательных услуг, когда идеологическая, геополитическая и социально-экономическая конфронтация между государствами способствовала организации и проведению зарубежных образовательных поездок ограниченного числа преподавателей и студентов для получения качественного образования и освоения новейших информационных и коммуникативных технологий, а также для участия представителей зарубежных вузов в международных программах и осуществления последними научных исследований. На этом этапе формирующаяся стратегия международной академической мобильности в России в определенной степени обусловила динамику конкурентоспособности и повышение престижа *отдельного* индивида, вуза и государства на мировом рынке образовательных услуг. Активизация усилий субъектов мобильности имеет место, однако системных взаимовлияний здесь пока не прослеживается.

Начало второго этапа (1992 – 2002 гг.) связано с инфраструктурными изменениями в системе российского высшего образования. В этот период проявляется потребность в обретении устойчивости социального статуса высшей школы. Данные процессы сопровождаются ростом академических контактов между вузами и активизацией международной академической мобильности среди студентов. В силу выявленной специфики этапа, мы определяем его как *«поддерживающий»*. В указанный период существенно расширились возможности получить образование за рубежом, между тем, они были во многом характерны для незначительного числа обеспеченных граждан. Указанная стратегия активизации международной академической мобильности закрепила базовые принципы развития и внедрения стратегии конкурентоспособности российских вузов на мировом рынке образовательных услуг посредством качественного улучшения знаний в области иностранных языков и расширения студенческих обменов по гуманитарным специальностям[51]. Системные взаимовлияния выделяются, но отмечаются «регламентацией», присутствуют

[51] Меморандум о взаимодействии Российской Федерации и Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) от 25.06.1993 г. (г. Москва) // Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 690– 695.

«рамочные» форматы.

Третий этап определяем как *«поступательный»* (2003 г. - по настоящее время). В этот период процесс международной академической мобильности выходит на принципиально новый уровень своей институционализации в России, проявляющийся в расширении социальной основы международного сотрудничества в научно-образовательной сфере посредством формирования новых центров институционализации высшей школы (федеральные, национальные исследовательские, опорные университеты и др.) в регионе и установления их сетевых взаимодействий. Этому способствовало подписание Декларации о создании общеевропейского пространства высшего образования (Болонская декларация) от 19 июня 1999 г. (подписанная Россией 19 сентября 2003 г. на заседании Берлинской конференции)[52]. С этого времени повышается значение фактора конкурентоспособности на мировом рынке образовательных услуг как ведущего фактора активизации международной академической мобильности в российских вузах (получает широкое внедрение международных и национальных систем рейтингования вузов, усиливается динамика экспорта образовательных услуг в России, получает распространение практика применения показателей международной деятельности при оценке эффективности деятельности организаций высшего образования).

Признание значения конкурентоспособности в современном обществе ярко прослеживается в трудах отечественных авторов Т. И. Заславской и В. А. Ядова, которые аргументируют, что сегодня главным направлением модернизации является «…повышение конкурентоспособности обществ в глобализирующемся и непредвиденно изменяющемся мире»[53], при этом, по их мнению, «…конкурентоспособность фундаментально зависит от способности обществ к адекватному ответу на неожиданные вызовы самого разного типа — природные,

---

[52] Зона Европейского высшего образования. Совместное заявление европейских министров образования («Болонская декларация») (Болонья, 19 июня 1999 г.) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» в локальной сети Ин-та социал. наук Иркут. гос. ун-та.

[53] Заславская Т. И., Ядов В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 12.

политические, экономические, социальные и др.»[54]. В диссертационной работе речь идет о повышении конкурентоспособности вузов на мировом рынке образовательных услуг и необходимости ответов на современные вызовы. В этих условиях активно формируются стратегии российских вузов по их вхождению в мировые рейтинговые системы. При этом четко просматривается региональная специфика. Актуализируется задача по расширению сетевого взаимодействия вузов в мировом образовательном пространстве и привлечению ведущих зарубежных партнеров к реализации совместных образовательных программ. Как следствие, по всему миру вузы запускают новые форматы своего участия: «глобальные университеты», «сетевые университеты», «виртуальные университеты» и др., что отражается и на контингенте обучающихся: вузы, независимо от их места расположения, заинтересованы в привлечении большого числа иностранных студентов. Известно, что на международном уровне список вузов-лидеров в общемировом распределении иностранных студентов возглавляют университеты из США, Великобритании, Китая, Германии, Франции, что свидетельствует о высокой степени их конкурентоспособности.

В настоящее время в системе междисциплинарных научных связей прослеживаются процессы, вызванные как внутридисциплинарными революциями (появлением новых объектов и методов исследования, развитием категориального аппарата, формированием новых исследовательских стратегий и научных школ, выдвижением новых парадигм), определяющими ход их развития, так и междисциплинарными тенденциями эволюционно-революционного порядка (интенсивным ростом метатеоретических знаний, одновременным усилением их интеграции и дифференциации). Развитие цифровых технологий и появление онлайн-механизмов международной академической мобильности также способствовало расширению разных форм международной академической мобильности.

Перед мировой наукой, как и перед системой высшего образования, стоит необходимость решения сложных вопросов, таких как внедрение подходов к

[54] Там же.

осмыслению базисных основ науки, усиление эвристической роли методологических идей, регулирование междисциплинарных взаимодействий и разработка перспективных моделей интерпретации. С позиции приоритетных направлений исследования выделим социологические теории, нацеленные на изучение проблемных ситуаций в области высшей школы, по-разному отражающие роль международной академической мобильности в обозначенных процессах: теории постмодерна (З. Бауман[55]), концепции информационного общества (М. Кастельс[56], Э. Тоффлер[57]), теории глобализации (И. Валлерстайн[58]), концепции модернизации (А. Турен[59]), теории социальных сетей (М. Грановеттер[60], Х. Уайт[61]), концепцию институциональных матриц (С. Г. Кирдина)[62]. Такой подход позволяет лучше понять цель и смысл международной академической мобильности и факторы, на нее воздействующие.

Направленность и содержание международной академической мобильности в России отражают такие процессы как модернизация высшей школы и ее интернационализация, повышение качества подготовки выпускников, инновационная активность вузов, углубление практико-ориентированного образования.

При изучении международной академической мобильности как социального процесса представлялось важным выявление внутренней взаимосвязи научных традиций в развитии социологии образования. Обращение к научным трудам зарубежных авторов, таких как P. G. Altbach[63], K. Dittrich[64], Ian R. Dobson[65],

---

[55] Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М. Л. Коробочкина. М. : Весь Мир, 2004. 188 с.

[56] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ., под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.

[57] Тоффлер Э. Шок будущего : пер. с англ. М. : АСТ, 2002. 557 с.

[58] Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2003. 368 с.

[59] Турен А. Возвращение человека действующего: очерк социологии. М. : Науч. мир, 1998. 204 с.

[60] Грановеттер М. Сила слабых связей // Экон. социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.

[61] White H. C. Identity and control: How Social Formations Emerge – 2nd ed. Princeton : Princeton University Press, 2008. 472 p.

[62] Кирдина С. Г. Институциональные матрицы: макросоциологическая объяснительная гипотеза // Социс. 2001. № 2. С. 13–23.

[63] Altbach P. G., Teichler U. Internationalization and Exchanges in a Globalized University [Electronic resource] // Journal of Studies in International Education. 2001. Vol. 5, iss. 1. P. 5–25. DOI: 10.1177/102831530151002.

[64] Dittrich K., Frederiks M., Luwel M. The Implementation of ‘Bologna’ in Flanders and the Netherlands [Electronic resource] // European Journal of Education. 2004. Vol. 39, iss. 3. P. 299–316. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1465-3435.2004.00185.x.

M. Frederiks, M. L. Gade, S. Hölttä, E. A. Höhle, J. Huisman[66], M. Kawaoka, B. M. Kehm, C. Kerr[67], J. Knight[68], M. Luwel, M. Rostan, U. Teichler[69], M. Van Der Wende[70] показало, что «…возросшая научная мобильность открывает возможности для дальнейшей интеграции, культурного обмена и взаимопонимания для всех участников»[71]. При этом M. Rostan и E. A. Höhle учитывают различные формы и способы мобильности, ее временные рамки и продолжительность, приводя в пример реализацию международной академической мобильности за несколько минут (когда отправляешь e-mail за границу) или в течение нескольких поколений: «…the time span involved in international academic mobility may vary from the few minutes needed to send an e-mail abroad to a stay lasting several generations»[72].

Среди отечественных авторов выделяются ученые, чьи труды посвящены изучению различных аспектов международной академической мобильности: С. В. Абламейко[73] (перспективы развития единого образовательного пространства евразийских университетов); Е. А. Авербух[74] (международная образовательная деятельность вуза как фактор его успешности); К. С. Андреева[75] (международная академическая мобильность как фактор развития внутренней

---

[65] Dobson I. R., Hölttä S. The Internationalisation of University Education: Australia and Finland Compared [Electronic resource] // Tertiary Education and Management. 2001. Vol. 7, iss. 3. P. 243–254. DOI: https://doi.org/10.1023/A:1017921021992.

[66] Huisman J., Van der Wende The EU and Bologna: are supra- and international initiatives threatening domestic agendas? [Electronic resource] // European Journal of Education. 2004. Vol. 39, iss. 3. P. 349–357. DOI: 10.1111/j.1465-3435.2004.00188.x.

[67] Kerr C., Gade M. L., Kawaoka M. Higher education cannot escape history: issues for the twenty first century / Albany : State University of New York Press, 1994. 248 p.

[68] Knight J. Internationalisation of Higher Education // Quality and Internationalisation in Higher Education : programme on Institutional Management in Higher Education. Paris, 1999. P. 13–28.

[69] Teichler U., Kehm B. M. Research on Internationalisation in Higher Education [Electronic resource] // Journal of Studies in International Education. 2007. Vol. 11, iss. 3/4. P. 260–273. DOI: 10.1177/1028315307303534.

[70] Van Der Wende M. International Academic Mobility: Towards a Concentration of the Minds in Europe [Electronic resource] // European Review. 2015. Vol. 23, iss. S1. P. S70–S88. DOI: 10.1017 / S1062798714000799.

[71] Там же С. 85.

[72] Rostan M., Höhle E. A. The International Mobility of Faculty // [Electronic resource] // The Internationalization of the Academy : Changes, Realities and Prospects / ed.: F. Huang M. Finkelstein M. Rostan. Springer Netherlands, 2014. Vol. 10. P. 79–104. DOI 10.1007/978-94-007-7278-6_5. P. 81.

[73] Абламейко С. В. Единое образовательное пространство евразийских университетов: перспективы развития [Электронный ресурс] // Информационно-технологическое обеспечение образовательного процесса государств-участников СНГ : сб. докл. Междунар. интернет-конф. – Минск, 2012. – С. 13–31. – URL: http://elib.bsu.by/handle/123456789/27746.

[74] Авербух Е. А., Авербух А. Б. Международная образовательная деятельность вуза как фактор его успешности // Пробл. Высш. образования. 2013. № 1. С. 9–13.

[75] Андреева К. С. Международная академическая мобильность как фактор развития внутренней академической мобильности // Вопр. соврем. науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2012. № 4. С. 85–88.

академической мобильности); Н. Л. Антонова (высшее образование в контексте множественной модерности); А. Л. Арефьев[76] (зарубежные научно-учебные стажировки); В. И. Байденко (современный этап Болонского процесса); В. А. Галичин[77] (процессы экспорта и импорта на рынке образовательных услуг); С. А. Душина[78] (роль мобильности в организации новых форм науки и образования); Г. Е. Зборовский[79] (сетевое взаимодействие вузов в системе высшего образования); А. П. Клемешев[80] (стратегические цели развития университета в эксклавном регионе России); Г. А. Краснова, В. М. Курицын[81] (международное сотрудничество и академическая мобильность преподавателей и студентов); Э. О. Леонтьева[82] (геополитический ресурс высшего образования в условиях глобализации); О. О. Мартыненко[83] (управление академической мобильностью в вузах); А. Ю. Мельвиль[84] («Мягкий путь» вхождения российских вузов в Болонский процесс); А. В. Меренков[85] (проблемы социальной адаптации иностранных студентов в России); М. Н. Певзнер[86] (международная деятельность вуза как средство интернационализации вузовской науки); Е. И. Степанова[87]

---

[76] Арефьев А. Л., Дмитриев Н. М. Зарубежные научно-учебные стажировки [Электронный ресурс] : социол. анализ // М. : ЦСП, 2003. 140 с. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/publ/Zarubeznye_NU_Stazirovki.pdf (дата обращения: 30.01.2017).

[77] Галичин В. А. Модель инфраструктуры экспорта российского образования системой ВПО и международной академической мобильности [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации : офиц. сайт. URL: http://vi.russia.edu.ru/files/material-static/3933/galich.doc (дата обращения: 30.01.2018).

[78] Душина С. А., Ащеулова Н. А. Новые формы организации науки: роль мобильности // Социология науки и технологий. 2011. № 2. С. 69–81.

[79] Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А., Амбарова П. А. Нелинейность развития высшего образования: контуры концепции и возможные макрорегиональные практики // Высш. образование в России. 2016. № 12. С. 34–44.

[80] Клемешев А. П. «Международное измерение» исследований проблем образования в Российском государственном университете имени Иммануила Канта // Российские университеты в общеевропейском научно-образовательном пространстве / под ред. А. П. Клемешева. Калининград. 2007. С. 7–16.

[81] Курицын В. М. Международное сотрудничество и академическая мобильность преподавателей и студентов // Высш. образование в России. 2012. № 10. С. 87–92.

[82] Леонтьева Э. О. Геополитический ресурс высшего образования в условиях глобализации // Научное обеспечение технического и социального развития Дальневосточного региона : сб. науч. ст. к 55-летию Тихоокеан. гос. ун-та. Хабаровск, 2013. С. 87–91.

[83] Мартыненко О. О., Жукова Н. В. Управление академической мобильностью в вузах // Университетское управление: практика и анализ. 2008. № 1. С. 65–75.

[84] Мельвиль А. Ю. «Мягкий путь» вхождения российских вузов в Болонский процесс. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 352 с.

[85] Merenkov A., Antonova N. Problems of Social Adaptation of International Students in Russia [Electronic resource] // New Education Review. 2015. Vol. 41. iss. 3. P. 122–132. DOI: 10.15804 / tner.2015.41.3.10.

[86] Певзнер М. Н., Ширин А. Г. Международная деятельность вуза как средство интернационализации вузовской науки // Успехи соврем. естествознания. 2007. № 13. С. 63–65.

[87] Степанова Е. И. Болонский процесс в России: аргументы «за» и «против» // Журн. социологии и социал. антропологии. 2007. Том 10. № 4. С. 127–142.

(Болонский процесс в России: аргументы «за» и «против»); Т. М. Трегубова[88] (академическая мобильность преподавателей и студентов); М. Ф. Черныш[89] (о модернизации в России и Китае) и др. Наработки отечественных ученых свидетельствуют о систематизации социологического знания по вопросам международной академической мобильности.

Имеющиеся научные разработки нами были дифференцированы по трем группам: 1) традиционного характера (устойчивость и качество образования, международное сотрудничество, адаптация иностранных студентов, положения о непрерывном образовании, концептуальные вопросы развития региональной образовательной систем); 2) инновационного характера (инновационные продукты и технологии в образовании, внедрение инновационных образовательных проектов, интернационализация и модернизация вузов, нелинейность развития высшего образования); 3) «смешанного» типа, при котором в подходах к интернационализации высшей школы имеют место элементы и первых, и вторых (использование компетентностного подхода в качестве инструмента реализации образовательных стандартов в системе высшего образования). Попытка обобщить результаты исследований предпринята в научных трудах: А. Ю. Мельвиля «Мягкий путь» вхождения российских вузов в Болонский процесс» (М., 2005)[90], В. М. Филиппова «Четыре ступени интернационализации: управление процессами интернационализации высшего образования на глобальном, региональном, национальном и институциональном уровнях» (М., 2010)[91] и В. И. Байденко «Болонский процесс: современный этап» (М., 2015)[92]. Данные работы в России имели выраженный резонанс в научной среде.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» определяет международную академическую мобильность в качестве одного из приоритетных направлений международного сотрудничества в сфере образования. В числе

---

[88] Трегубова Т. М. Академическая мобильность преподавателей и студентов // Казан. пед. журн. 2006. №2. С. 28–30.
[89] Черныш М. Ф. О модернизации в России и Китае // Социол. исслед. 2013. № 4. С. 144–150.
[90] Мельвиль А. Ю. Указ. соч.
[91] Филиппов В. М. Четыре ступени интернационализации: управление процессами интернационализации высшего образования на глобальном, региональном, национальном и институциональном уровнях // Высш. образование сегодня. 2010. № 6. С. 4–8.
[92] Байденко В. И. Болонский процесс: современный этап // Высш. образование в России. 2015. № 10. С. 52–60.

других направлений законом предусмотрены: 1) разработка и реализация образовательных программ и научных программ в сфере образования совместно с международными или иностранными организациями; 2) направление обучающихся, педагогических и научных работников российских организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в иностранные образовательные организации; 3) проведение совместных научных исследований, осуществление фундаментальных и прикладных научных исследований в сфере образования, совместное осуществление инновационной деятельности; 4) участие в сетевой форме реализации образовательных программ[93]. В качестве положительных характеристик международной академической мобильности названы: многостороннее развитие исследовательских инициатив; широкие возможности для накопления теоретических и эмпирических знаний; расширение мировоззрения посредством включенности в современные межкультурные коммуникации. В этом проявляется особый подход и интерес государства к обозначенной проблеме. Динамика международной академической мобильности содействует устойчивому социально-экономическому развитию государств и их территорий, поскольку экспорт образовательных услуг приводит к серьезному пополнению государственных бюджетов и фондов всех уровней, что непосредственно отражается на показателях геополитического влияния на мировой арене. По оценкам ведущих экспертов, развитие академической мобильности следует направить на создание условий для формирования национальной инновационной системы, усиление научно-исследовательского и технологического отраслевого потенциала, повышение конкурентоспособности ведущих отраслей экономики[94]. Основной идеей проекта Концепции развития академической мобильности в России стало признание ее инструментального (технологического) значения: «…развитие академической мобильности является важным инструментом для: утверждения прочных и авторитетных позиций

---

[93] Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.

[94] Проект Концепции развития академической мобильности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Институт международных организаций и международного сотрудничества НИУ «ВШЭ» : сайт. URL: http://intpr.ntf.ru/DswMedia/koncepciyaakademicheskoymobil-nosti_itog.pdf (дата обращения: 20.08.2018).

России в мировом сообществе; установления доверительных, равноправных, взаимовыгодных партнерских отношений со всеми странами; популяризации в иностранных государствах российской науки, культуры, образования, русского языка; формирования положительного отношения к России в мире»[95].

Учитывая новейшие научные и социальные практики, международный опыт, считаем, что накопление и использование ресурсного потенциала международной академической мобильности открывает большие перспективы для совершенствования подготовки кадров высшей квалификации и внедрения инновационных подходов к повышению качества высшего образования. Вопросы о качестве высшего образования остаются на сегодняшний день самыми насущными для любого вуза. Появляются новые предложения по осуществлению международной деятельности вузов и мобильности студентов и преподавателей, к примеру, популярны обмены студентами между российскими и зарубежными вузами, все чаще открываются новые направления подготовки, предлагающие получить сразу два диплома (российского вуза и зарубежного вуза), объявляются различные конкурсы на грантовые программы или участие в международных школах (летняя школа на Байкале для иностранных студентов) и другие. Это подтверждают прослеживаемые тенденции как в ведущих столичных вузах страны, как и в региональных.

Однако, в ходе реализации программ международной академической мобильности возникает ряд проблем и противоречий: а) ограниченная доступность международной академической мобильности для широкого круга субъектов (студентов, аспирантов, преподавателей); б) финансовые затруднения; в) невысокий уровень владения иностранными языками; г) бюрократические преграды при сборе документов для подачи заявки; д) адаптация к иной языковой среде вуза; е) географически неравномерное распределение мобильности (в ведущих вузах ее показатели значительно выше, чем в региональных); ж) слабая реализуемость ряда региональных моделей развития международной

[95] Проект Концепции развития академической мобильности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Институт международных организаций и международного сотрудничества НИУ «ВШЭ» : сайт. URL: http://intpr.ntf.ru/DswMedia/koncepciyaakademicheskoymobil-nosti_itog.pdf (дата обращения: 20.08.2018).

академической мобильности. Материалы проведенных исследований являются подтверждением такой ситуации, когда студенты не владеют в полной мере информацией о предоставляемых университетом возможностях международной академической мобильности, они не всегда заинтересованы в таких программах, а работодатели регионов не заинтересованы в создании рабочих мест для специалистов с высшим образованием международного уровня.

К негативным тенденциям в развитии международной академической мобильности можно отнести продолжающийся отток выпускников из регионов (ярким примером является Иркутская область). Очевидно, что решение этой проблемы должно входить в число первоочередных задач региональной политики РФ. Прежде всего, требуется решить проблемы правового и организационного характера, в частности, связанные с социально-бытовыми условиями пребывания за рубежом субъектов мобильности и обеспечением их безопасности, соблюдением условий для их профессионализации. Это должно стать предметом государственной политики по расширению международной академической мобильности в российских вузах. Полагаем, что дальнейшее совершенствование установок и ориентиров международной академической мобильности крайне затруднено без разрешения острых вопросов признания дипломов российских вузов и степеней за рубежом, а также гармонизации образовательных программ. Успешное развитие международной академической мобильности и преодоление проблем во многом зависит от уровня участия региона и его работодателей, формирующих спрос на направления и профессиональные компетенции будущих выпускников. Обозначенная тенденция реализации международных образовательных программ, подготовленных на основе потребностей регионов, так и не получила должной оценки. В этой связи требуется проведение ответственной политики как региона, так и самого вуза.

Несмотря на признание достоинств российского образования за рубежом и распространенное мнение о том, что образование выступает одним из важнейших конкурентных преимуществ России, ее доля на мировом рынке образовательных услуг по сравнению с темпами роста других стран увеличивается незначительно.

Положения об особенностях экспорта образовательных услуг России в процессуальном аспекте на десятилетний период (до 2020 г.) получили закрепление в соответствующем правовом документе[96], где обосновывается, что потеря Россией своего статуса в сфере образования – не только упущенная экономическая выгода, но и потерянные возможности политического влияния государства на международной арене посредством продвижения отечественной науки и наукоемких технологий, российской культуры и русского языка[97]. Отметим, что СССР в течение длительного времени занимал второе место в мире по числу иностранных студентов (после США), в то время как в конце XX – начале XXI вв. по этому показателю Россия занимала лишь 9 позицию. По мнению и оценкам экспертов, Россия в 2015/2016 учебном году занимала 6 место в общемировом распределении контингента иностранных студентов после США, Великобритании, Китая, Германии и Франции[98]. Со дня подписания Болонской декларации в 2003 году и до настоящего времени в России наметилась положительная динамика экспорта образовательных услуг. Статистические данные показывают, что среднегодовые темпы ежегодного прироста иностранных студентов очной формы обучения в российских вузах составляют 9,7% за последние 10 лет. Если в 2016/2017 уч. г. в российских вузах обучалось 173 789 иностранных студентов очной формы обучения, то при сохранении такого темпа, по официальным прогнозам, к 2034-2035 уч. г. число иностранных студентов увеличится до 952 322 чел.[99]. Самым большим по численности контингентом иностранных студентов очной формы обучения с 2011 г. выступают

---

[96] Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011-2020 гг. [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки РФ : офиц. сайт. URL: http://vi.russia.edu.ru/news/discus/concept/3783/ (дата обращения: 30.06.2018).

[97] Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011-2020 гг. [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки РФ : офиц. сайт. URL: http://vi.russia.edu.ru/news/discus/concept/3783/ (дата обращения: 30.06.2018). С.4.

[98] Экспорт российских образовательных услуг [Электронный ресурс] : стат. сб. // Министерство образования и науки РФ. М. : Социоцентр, 2017. Вып. 7. 496 с. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/metod/Arefiev_SB_7_Page_001_496_El_Book_22_11_17.pdf (дата обращения: 01.03.2018).

[99] Численность обучающихся, педагогического и преподавательского персонала, потенциального числа образовательных организаций всех уровней образования: прогноз до 2035 года. [Электронный ресурс] / авт.-сост. Ф. Э. Шереги [и др.]. М. : ЦСП и М., 2017. 408 с. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/2018/Prognoz_2017_22_01_18_001_408.pdf (дата обращения: 01.03.2018).

представители Казахстана (35 111 чел. – в 2015/2016 уч. г.), КНР (22 261 чел.), Туркмении (14 004 чел.)[100].

При изучении исходящей международной академической мобильности, по материалам Института статистики ЮНЕСКО, выявлено, что студенты из России в 2012 г. в первую очередь выбирали направления на учебу в США, Германию, Великобританию, Францию, реже ими выбирались Венгрия, Дания, Португалия и др. В 2015 г. ситуация несколько изменилась – традиционно, на первом месте стоит Германия, затем следуют: Чехия, США, Финляндия, Италия и др., исходя из сведений, представленных в ЮНЕСКО в 2015 г.[101]

В 2012 г. по оценке эффективности деятельности федеральных государственных образовательных учреждений высшего образования в России одним из пяти установленных критериев стал показатель международной деятельности, то есть удельный вес численности иностранных студентов, завершивших освоение ООП ВПО в общем выпуске студентов[102]. Впервые введение такой методики оценки эффективности деятельности вузов вызвало большой общественный резонанс, поскольку следствием явилась оптимизация сети вузов (в особенности региональных). В 2017 г., помимо указанного показателя, в методику расчета дополнительно вошли такие показатели, как: удельный вес численности студентов, прошедших обучение в зарубежных странах не менее семестра (триместра) в общей численности студентов; удельный вес численности иностранных граждан из числа НПР в общей численности НПР; численность зарубежных ведущих профессоров, преподавателей и исследователей, работающих в образовательной организации не менее 1 семестра[103] и др., что свидетельствует о поступательном развитии международной

---

[100] Экспорт российских образовательных услуг [Электронный ресурс] : стат. сб. // Министерство образования и науки РФ. М. : Социоцентр, 2017. Вып. 7. 496 с. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/metod/Arefiev_SB_7_Page_001_496_El_Book_22_11_17.pdf (дата обращения: 01.03.2018).

[101] UNESCO Institute for Statistics [Electronic resource] : official site. – URL : http://www.uis.unesco.org (дата обращения: 26.03.2018).

[102] Мониторинг деятельности федеральных образовательных учреждений высшего профессионального образования. М. : Министерство образования и науки Российской Федерации, 2012. С. 7.

[103] Методика расчета показателей мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования от 14.03.2017 г. № АО-27/05вн // Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы : сайт. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/metod/LO-25-05vn_forma.pdf (дата обращения: 20.09.2018).

академической мобильности в российских вузах. Между тем, результаты проведенных за последние пять лет мониторингов отразились на последующей оптимизации числа вузов России: если на период 2011-2012 учебного года в Российской Федерации функционировало 1080 образовательных организаций высшего образования и научных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, то к 2016 г. их сократилось до 817, а к 2017 г. до 766 единиц[104].

Таким образом, резюмируем, что история и теория международной академической мобильности в России и мире отчетливо показывают нарастающую тенденцию к ее развитию в рамках интеграции межгосударственных образовательных систем, которая на рубеже XX – XXI вв. приобретает самостоятельное значение и становится важным условием эффективного функционирования высших образовательных и научно-исследовательских организаций. Несмотря на существующие противоречия, характерные для современного этапа развития международной академической мобильности, очевидно, что в современном обществе высшее образование выступает в качестве наиболее устойчивого социального института укрепления международных связей.

[104] Федеральная служба государственной статистики РФ [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 16.02.2018).

1.2 Основные факторы и тенденции развития международной академической мобильности в системе высшего образования в России

Глобальные социальные трансформации конца XX – начала XXI вв. кардинально повлияли на выбор новых направлений развития систем высшего образования в России и мире. Возросла потребность в согласованных взаимодействиях и координации усилий всех заинтересованных сторон по урегулированию вопросов, отражающих проблемы и тенденции развития высшей школы. Новый этап интернационализации образования предусматривает решение задач, в том числе связанных с реализацией существующих и новых совместных образовательных программ, главным образом, международных. Цели и задачи государственной политики в сфере международной деятельности вузов отображаются в тексте многих документов стратегического значения. Так, согласно проекту Концепции развития академической мобильности в Российской Федерации, «…Россия всецело осознает значение повышения конкурентоспособности профессионального образования в глобальном пространстве и роль развития мобильности для достижения этой цели, формулируя долгосрочные конкретные задачи и целевые показатели в стратегических документах федерального и отраслевого уровня»[105]. Придание системе высшего образования стратегического статуса повышает к ней исследовательский интерес.

Выделяя глобализацию в качестве главного внешнего фактора развития международной академической мобильности в сфере высшего образования в России, отметим многообразие позиций по уровням и механизмам ее влияния. Так, по мнению Н. Л. Антоновой, при нарастании глобализации «…институт российской высшей школы претерпевает значительные изменения, связанные прежде всего с его выходом на глобальный рынок образовательных услуг, развитие которого актуализирует практики включения в него образовательных

[105] Проект Концепции развития академической мобильности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Институт международных организаций и международного сотрудничества НИУ «ВШЭ» : сайт. URL: http://intpr.ntf.ru/DswMedia/koncepciyaakademicheskoymobil-nosti_itog.pdf (дата обращения: 20.08.2018).

систем разных стран»[106]. При этом под глобализацией высшего образования представители научного сообщества А. Е. Зубарев и В. Ф. Коуров понимают, что это - «…процесс формирования однородной системы высшего образования на основе интернационализации, интеграции, координации, кооперации, унификации различных национальных систем высшего образования…»[107]. По работам отечественных авторов отчетливо прослеживается, что в современных условиях интенсификации глобализационных процессов возникает главное противоречие: с одной стороны, включаясь в интеграционные макропроцессы, государству необходимо следовать общемировым тенденциям (вхождение в мировое научно-образовательное пространство), а с другой – сохранять и поддерживать общенациональные интересы, свою историю и традиции. Кроме того, система высшего образования ни в какие времена не демонстрировала свою однородность.

Одним из способов проявления фактора глобализации является Болонский процесс[108]. Данный феномен имеет свои влияния и последствия в России. Многие годы выбор новой интернациональной парадигмы в развитии высшего образования напрямую связывался с Болонским процессом. В силу чего полагаем, что изучение международной академической мобильности в российской высшей школе на данном этапе должно проводиться с опорой на полученный опыт - как «старый» (до принятия Болонской Декларации), так и «новый» («Болонский процесс» в России), при критической оценке имеющихся национальных и межнациональных проблем и возможности осуществления региональной поддержки перспективных субъектов высшей школы в процессе их встраивания в мировое и региональное научно-образовательное пространство.

Известно, что Декларация о создании общеевропейского пространства высшего образования от 19 июня 1999 г., подписанная Россией 19 сентября 2003 г., высвечивает проблему выхода академической мобильности на новый уровень и

---

[106] Антонова Н. Л. Высшее образование в контексте множественной модерности // Теория и практика общественного развития. 2018. № 6. С. 11–12.

[107] Зубарев А. Е., Коуров В. Ф. Глобализация высшего образования и факторы ее определяющие // Ученые заметки ТОГУ : электрон. науч. изд. 2014. Т. 5. № 4. С. 141. URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2014/TGU_5_168.pdf (дата обращения: 30.08.2018).

[108] Bologna Process [Electronic resource] : official site // European Higher Education Area. URL: http://www.ehea.info/ (дата обращения: 15.06.2018).

усиливает ее экономическую составляющую на рынке образовательных услуг и рынке труда. Начало реализации Болонской декларации было положено в декабре 2000 г. (г. Ницце). Это было связано с утверждением документа «План мероприятий по развитию мобильности и умений» на заседании Европейского Союза. В его содержании определялся ряд мер по обеспечению сравнимости систем образования и обучения, а также официального признания знаний, умений и квалификаций. В дальнейшем система комплексных мер по развитию мобильности и квалификаций была скорректирована и принята «Рекомендация Европейского парламента и Совета» (2001 г.), составными компонентами которой выступили предложения по усилению мобильности в странах европейского сообщества для групп обучающихся и их наставников. Государством такие меры поддерживались.

История социальной мысли подтверждает, что вопрос выбора пути развития России ставился всегда: «Принадлежит ли Россия к Европе?». В поиске культурно-исторических смыслов Европы, по мнению Н. Я. Данилевского, «Россия не принадлежит к Европе»[109]. На фоне установления новых международных отношений и дипломатических договоренностей, международных конфликтов и введения санкций европейских государств по отношению к России (в контексте углубления украинского кризиса и сирийского вопроса) в 2013-2018 гг., слова Н. Я. Данилевского являются пророческими. При этом Болонский процесс в России уже получил свое развитие. Вопрос о целесообразности и / или нецелесообразности сделанного выбора может показать только время. Это был выбор, по какому пути будет развиваться система высшего образования в России. В рассматриваемом контексте проблема критической точки (точки бифуркации) является актуальной. И. Валлерстайн, характеризуя пути выхода из современного кризиса обращал на это особое внимание[110]. Отметим, что только глубокий анализ и объективные прогнозы позволят осуществить на новом этапе очередной выбор высшей школы в России в мировом научно-

---

[109] Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Терра, 2008. 704 с.

[110] Валлерстайн И. Иммануил Валлерстайн о современном кризисе / пер. с англ., под ред. Н. В. Романовского. Социол. исслед. 2009. № 6. С. 91–94.

образовательном пространстве.

Наглядными примерами интернационализации высшего образования с учетом региональной специфики служит опыт развития высшей школы в других странах. Зарубежные ученые в числе главных факторов развития международной академической мобильности и привлечения иностранных студентов выделяют: экономический фактор («зрелая» развитая экономика государства или страны с формирующимся рынком, развивающейся экономикой); языковой фактор (страны, в которых английский язык является основным / официальным языком или одним из официальных языков и страны, где английский не является официальным языком); территориальный фактор (азиатские страны и неазиатские страны)[111]. Так, например, в англоязычных странах (Австралия, Великобритания, США) нет языкового барьера для большого числа «англоговорящих» студентов из разных стран, поэтому их стратегии интернационализации направлены на повышение конкурентоспособности высшего образования с учетом политических и экономических аспектов. Австралия изначально способствовала интернационализации своего высшего образования посредством предоставления его в рамках программы помощи зарубежным странам, а с конца 1970-х гг. развивала ее как «торговлю» путем взимания платы за обучение с иностранных студентов[112]. Опыт Германии, Италии, Норвегии, Финляндии, Португалии, Северной Кореи, Японии и других неанглоязычных стран представляется уникальным в силу «снятия» главного ограничивающего фактора - языкового барьера. Например, финский язык является достаточно сложным для изучения иностранцами и не способствует привлечению студентов из-за рубежа, поэтому большую роль в интернационализации высшего образования в Финляндии играет Болонский процесс. Реализация программ международной академической мобильности на английском языке, таких как «Эразмус Мундус», и использование английского языка преподавателями в процессе обучения способствовало ускорению интернационализации высшего образования в Финляндии и

[111] The International Dimension of Teaching and Learning [Electronic resource] / H. Coates [et al.] // The Internationalization of the Academy: Changes, Realities and Prospects / eds.: F. Huang M. Finkelstein M. Rostan. Springer Netherlands, 2014. Vol. 6. P. 105–118. DOI: 10.1007/978-94-007-7278-6_6.
[112] Там же. С. 107.

выравниванию доли исходящих и входящих студентов. Изучая опыт интернационализации высшей школы зарубежных стран, подчеркнем, что поскольку государственным языком на всей территории Российской Федерации является русский язык, то ограничивающим фактором входящей и исходящей международной академической мобильности также может являться языковой барьер. Для развития международной академической мобильности понимание такого опыта очень важно. Разделяем мнение А. Л. Арефьева о том, что «…стажироваться и учиться за рубежом без владения языком принимающей страны невозможно»[113]. В этом отношении Россия следует примеру стран Евросоюза, развивающих с 2002 года в системе образования принцип «родной язык плюс два иностранных»[114], благодаря которому существенно расширяются возможности для развития международной академической мобильности. Так, зарубежные авторы U. Teichler, I. Ferencz, B. Wächter, L. Rumbley, S. Bürger, U. Lanzendorf в своем исследовании картирования мобильности в европейском высшем образовании отмечают сложившуюся в 32 странах Европы современную тенденцию к увеличению более чем в два раза числа иностранных студентов, обучающихся в европейских странах по сравнению с числом европейских студентов, обучающихся в других зарубежных странах. Авторы выделяют страны с наибольшим количеством входящих иностранных студентов (Великобритания, Бельгия, Швейцария и Франция) и страны с наибольшим количеством исходящих студентов (Словакия, Исландия, Литва), в Финляндии прослеживается равное соотношение числа входящих и исходящих студентов[115]. Накопленный опыт служит основанием для корректировки мер в ходе реализации актуальных задач и приоритетных направлений.

В современных условиях наряду с развитием традиционных форм международной академической мобильности наглядно прослеживается

---

[113] Арефьев А. Л. Социология языка. Национальные и иностранные языки в российской системе образования : монография ; под ред. академика РАН Г. В. Осипова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2018. С. 295.

[114] Арефьев А. Л. Социология языка. Национальные и иностранные языки в российской системе образования : монография ; под ред. академика РАН Г. В. Осипова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2018. С. 295.

[115] Mapping mobility in European Higher Education. Vol. I. Overview and Trends: a study produced for the Directorate General for Education and Culture (DG EAC) of the European Commission. Brussels, June 2011 / U. Teichler [et al.]; ed. by U. Teichler, I. Ferencz, B. Wächter. Bonn : DAAD, 2011. P. 63.

становление новейших институциональных механизмов. Политика государства в сфере образования ярко проявляется и в аспекте предоставления украинским беженцам возможности получать бесплатное образование в российских высших учебных заведениях. Например, на первом этапе тринадцать федеральных университетов России получили квоту более чем на полторы тысячи мест, включая необходимые условия для абитуриентов[116], которая впоследствии была увеличена до двух с половиной тысяч мест уже в 17 вузах[117]. Параллельно с этим, в указанный период идет и обратный процесс. В качестве примера приведем следующие факты: «…в связи с позицией МИД России Минобрнауки России приняло решение не направлять российских студентов и стажёров в Египет в 2014 году в связи со сложной политической и криминогенной ситуацией в этой стране»[118]; в 2016 г. не осуществлялось сотрудничество с Турцией из-за возникших политических рисков[119] и др. В целом, по отраслевой программе исходящей международной академической мобильности по линии Минобрнауки РФ в 2016 г. направлено на обучение и кратковременные стажировки более 528 чел. в 21 страну[120]. Основной миссией действующей программы является «…предоставление возможности гражданам РФ получить образовательные услуги (пройти кратковременные стажировки) в зарубежных странах, полностью или частично оплачиваемые за счёт принимающей стороны»[121]. Отчетливо видно, что эффективность реализации указанной программы детерминирована текущей международной обстановкой.

В целях эффективной реализации Федерального закона «Об образовании в РФ» и во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. № 967 «О мерах по укреплению кадрового потенциала Российской Федерации»

---

[116] Для прибывших в поисках убежища с Украины граждан выделено более 1500 мест в федеральных вузах России [Электронный ресурс] // Российское образование : федер. портал. URL: http://www.edu.ru/news/education/17192/ (дата обращения: 23.07.2018).

[117] Минобрнауки России: расширен перечень вузов, принимающих соотечественников из Украины [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации : офиц. сайт. URL: http://минобрнауки.рф/новости/4317 (дата обращения: 21.08.2018).

[118] Результаты реализации программы исходящей международной академической мобильности [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки РФ : офиц. сайт. URL: http://im.interphysica.su/ (дата обращения: 15.04.2018).

[119] Там же.

[120] Там же.

[121] Там же.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 июня 2014 г. № 568 была утверждена Программа социальной поддержки граждан Российской Федерации, самостоятельно поступивших в ведущие иностранные образовательные организации и обучающихся в них по специальностям и направлениям подготовки, качество обучения по которым соответствует лучшим мировым стандартам, и обеспечения их трудоустройства в организации, зарегистрированные на территории Российской Федерации, в соответствии с полученной квалификацией[122].

Очередная мера государства символизирует его последовательный курс на развитие международной академической мобильности. Реализация государственной политики в России в сфере науки и высшего образования и тенденции в трансформации мирового научно-образовательного пространства предусматривает переход на новую ступень развития высшей школы. При оценке качества высшего образования в России и мире сегодня широко используются международные и национальные системы рейтингования вузов (Всемирный рейтинг университетов Times Higher Education, Академический рейтинг университетов мира Шанхайского университета, Global University Rankings и др.). В числе базовых показателей они включают блок по международной деятельности, отражающий такие индикаторы, как: мобильность студентов и преподавателей; «долю иностранных студентов к общей численности обучающихся»[123]; долю публикаций, изданных в зарубежных журналах или в международном соавторстве; соотношение числа лиц, получивших степень PhD, из числа преподавательского состава; «долю ОП, прошедших международную аккредитацию, долю ОП на иностранных языках от общего числа ОП»[124] и др.

Есть основание сделать вывод, что чем устойчивее позиции вуза по указанным критериям, тем выше оценка качества образования и его

---

[122] О мерах по социальной поддержке граждан Российской Федерации, самостоятельно поступивших в ведущие иностранные образовательные организации и обучающихся в них по специальностям и направлениям подготовки, качество обучения по которым соответствует лучшим мировым стандартам, и по обеспечению их трудоустройства в организации, зарегистрированные на территории Российской Федерации, в соответствии с полученной квалификацией : постановление Правительства РФ от 20.06.2014 г. № 568 // Рос. газ. 2014. 25 июня.

[123] Пугач В. Ф., Жуковская М. Э. Рейтинги вузов: международный и российские подходы // Высш. образование в России. 2012. № 8/9. С. 15–25.

[124] Там же.

конкурентоспособность на мировом рынке образовательных услуг. Важно отметить устойчивость позиций лидеров всемирных рейтингов в сфере высшего образования, а именно ведущих британских, американских, французских, швейцарских, канадских, японских и других университетов. Так, например, согласно Академическому рейтингу университетов мира[125] в России за последнее десятилетие наблюдается нестабильная динамика с отрицательными показателями по некоторым годам (в 2004 г. – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова занимал 66 место в мировом рейтинге, в 2017 г. находился на 93 месте, а в 2018 г. на 86, в то время как Санкт-Петербургский государственный университет занимает в 2018 г. место в диапазоне с 301 по 400)[126]. По отдельным предметным областям другие российские вузы также входят в обозначенный рейтинг, например, по направлению «Социология» НИУ ВШЭ в 2017 г. занимает 51-75 место в мире (в России – 1 место)[127]; МФТИ в 2018 г. занимает место в диапазоне с 401 по 500[128]. Что касается региональных вузов, то начиная с 2016 г. Новосибирский государственный университет входит в Академический рейтинг университетов мира и в 2018 г. занимает позицию между 401 и 500 местом[129]. Проведенный анализ показывает, что региональные вузы РФ по ряду позиций занимают достаточно устойчивые позиции в других рейтинговых системах по разным показателям - по трудоустройству и востребованности выпускников, по научным исследованиям, по репутации вуза, по интернационализации и проч. Такая картина отражается и в результатах социологических исследований.

Одновременно, о появлении новых институциональных механизмов в развитии международной академической мобильности свидетельствуют решения ведущих российских вузов по формированию собственной системы присуждения

---

[125] Academic Ranking of World Universities (ARWU) [Electronic resource] / Shanghai Ranking Consultancy : site. – URL: http://www.shanghairanking.com/index.html (дата обращения: 15.09.2018).
[126] Там же.
[127] Статистические данные о факультете социальных наук НИУ ВШЭ [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : сайт. URL: https://social.hse.ru/figures (дата обращения: 25.09.2018).
[128] Academic Ranking of World Universities (ARWU) [Electronic resource] / Shanghai Ranking Consultancy : site. – URL: http://www.shanghairanking.com/index.html (дата обращения: 15.09.2018).
[129] Там же.

ученых степеней PhD - РУДН PhD RUDN (2008 г.), СпБГУ PhD SPbSU (2013 г.)[130], СФУ PhD SibFU (2014 г.)[131], НИ ТГУ PhD TSU (2016 г.)[132] и других российских вузов.

Государственная политика в сфере образования РФ нацелена на повышение международного статуса российских вузов и улучшения качества их образования с точки зрения признанных во всем мире требований и современных тенденций. Прежде всего речь идет о: совершенствовании материально-технической базы; создании инновационных инфраструктур в вузе и регионе; формировании и развитии государственных научных центров, научных школ и научных направлений мирового уровня, в том числе создании 15 и более научно-образовательных центров мирового уровня на основе интеграции университетов и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики; продвижении российских научных журналов в международное научно-информационное пространство[133] и др. Реализация курса на углубление профессионализации, повышение мобильности субъекта образовательной деятельности и мн. др. будет способствовать такому выходу.

Между тем, проведенные исследования показывают, что реализация объявляемых принципов (требований, нормативов) по расширению международной академической мобильности может иметь затяжной характер в силу ряда причин: изменение внешнеполитической обстановки; появление новых внешних и внутренних вызовов; несовершенство нормативно-правовой базы; отсутствие должного спроса на специалистов с высшим образованием международного уровня в регионе; внутриполитическая динамика и др. В

---

[130] В СФУ будут присваивать PhD [Электронный ресурс] // Сибирский федеральный университет : сайт. URL: http://news.sfu-kras.ru/node/13895 (дата обращения: 25.07.2018).

[131] Положение о порядке присуждения ученой степени PhD в Сибирском федеральном университете (PhDSibFU) [Электронный ресурс] : принято на заседании Ученого совета ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» от 30.06.2014 г., протокол № 6 URL: http://www.sfu-kras.ru/docs/9083/pdf/43737 (дата обращения: 23.07.2018).

[132] Положение о порядке присуждения ученой степени Doctor of Philosophy Национального исследовательского Томского государственного университета (PhD TSU) [Электронный ресурс] : утв. Ученым советом НИ ТГУ от 29.06.2016 г., протокол № 6. URL: http://phdru.com/mydocs/phdtsu.pdf (дата обращения: 23.07.2018).

[133] Объявление о начале проведения открытого конкурса по государственной поддержке программ развития и продвижению российских научных журналов в международное научно-информационное пространство [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации : сайт. URL: http://минобрнауки.рф/новости/4376 (дата обращения: 23.07.2018).

подтверждение высказанной позиции приведем и тот факт, что на сегодняшний день привлечение профессорского состава и молодых исследователей из-за рубежа в Россию как носителей передовых образовательных технологий, уникального профессионального опыта и межкультурных коммуникаций не носит широкого распространения в вузах по всем субъектам РФ, бóльшая часть иностранных кадров сосредоточена в вузах Центрального федерального округа и Северо-Западного федерального округа.

Имеют место и другие примеры, демонстрирующие необходимость переосмысления интернациональной парадигмы в развитии высшего образования в России с учетом региональной специфики и динамики мирового научно-образовательного пространства. Например, если в НИУ ВШЭ только по Факультету социальных наук в 2016-2017 уч. году в образовательном процессе было задействовано 50 чел. из числа зарубежных и российских граждан в должности профессоров, преподавателей, обладающих степенью PhD зарубежных университетов[134], то по Иркутскому государственному университету Институту социальных наук этот показатель составляет 0. Указанные обстоятельства свидетельствуют о развитии высшей школы в России в новых условиях, выходящих за рамки провозглашенных принципов Болонской Декларации, в соответствии с которыми Болонский процесс определялся не иначе как процесс сближения и гармонизации систем образования стран Европы с целью создания единого европейского пространства высшего образования[135]. Речь идет о принципах развития научно-образовательного пространства в России с учетом повышения конкурентоспособности высшей школы на мировом рынке образовательных услуг, а также интересов и потребностей отдельных регионов.

Системный и ресурсный кризис в России конца 1990-х – начала 2000-х гг. как внутренний фактор оказал значительное воздействие на формирование международной академической мобильности в российской образовательной

---

[134] Статистические данные о факультете социальных наук НИУ ВШЭ [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : сайт. URL: https://social.hse.ru/figures (дата обращения: 25.09.2018).

[135] Зона Европейского высшего образования. Совместное заявление европейских министров образования («Болонская декларация») (Болонья, 19 июня 1999 г.) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» в локальной сети Ин-та социал. наук Иркут. гос. ун-та.

системе высшей школы. Появилась необходимость в анализе и оценке того пути, по которому развивалась система высшего образования, как и вся государственная политика в сфере образования. Встал вопрос об активном поиске альтернативной модели или новой стратегии развития образования[136][137]. На уровне государства, образовательного и научного сообщества анализируются и обсуждаются привлекательные и отрицательные стороны отечественной и зарубежных образовательных систем. В России такие вузы, как МГИМО, РУДН, СПбГУ и другие, реализующие наиболее активно внешнюю политику по развитию международных связей и привлечению иностранных студентов выступили первыми с инициативами по вхождению высшей школы России в мировое научно-образовательное пространство. По линии научно-образовательного сообщества в первые три года первого десятилетия XXI века были инициированы специальные дискуссии по проблемам и перспективам Болонского процесса для России. Министерство образования и науки России поддерживало подобную деятельность, о чем свидетельствуют инструктивное письмо от 28.11.2002 г. № 14-52-988ин/13 и Приказ от 2 июля 2003 года № 2847 «О проведении эксперимента по использованию зачетных единиц в учебном процессе»[138].

Учитывая нерешенность проблем в системе высшего образования и возросший спрос на ее открытость и инновационность, предлагаемая альтернатива виделась достаточно привлекательной. Другой вопрос – был ли объективно предопределен такой выбор в России? Подвергались ли комплексному анализу и прогнозировались ли пути развития отечественной образовательной системы в период действия Болонской Декларации и под воздействием глобализации? По механизмам решения проблем отчетливо видно взаимовлияние внешних и внутренних факторов на развитие международной академической мобильности в системе высшего образования в России.

После подписания Декларации обсуждения ключевых проблем ее внедрения

---

[136] Вульфсон Б. Л. Стратегия развития образования на Западе на пороге XXI века. М. : Изд-во УРАО, 1999. 208 с.
[137] Красноженова Г. Ф. Высшая школа России : проблемы сохранения интеллектуального потенциала. М. : Мысль, 1998. 216 с.
[138] Болонский процесс и Болонская декларация [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский Томский государственный университет : сайт. URL: http://csd.tsu.ru/node/113 (дата обращения: 23.07.2018).

продолжались. В материалах Балтийских образовательных форумов 2007-2008 гг. отчетливо прослеживаются дискуссии представителей высшей школы, науки, власти, общественности региона[139]. На научно-образовательной платформе принимают участие зарубежные и отечественные ученые. Во всех дискуссиях отражалась идея о том, что «…в рамках интернационализации образования важно сохранить собственную фундаментальную научную базу, стандарт и качество образования»[140]. По мнению президента Европейского общества высшего образования К. Хиппонена, сеть университетов расширилась, в связи с чем важно продолжить линию развития профессионального университетского образования, при этом, «…чрезвычайно важно региональное сотрудничество»[141]. На этом этапе на разных уровнях высказываются предупреждения о том, что «…по сути, в России идет имитация Болонского внедрения» (А. Ю. Мельвиль)[142]. В. А. Глазырин отмечает, что «…в итоге получается, что Россия подчиняется стандартам Болонской декларации, но не является равноправным участником процесса установления общих для всех правил»[143].

Поставленный выше вопрос о выборе пути развития высшей школы в России мы напрямую связываем с вопросом о рациональном выборе новой интернациональной парадигмы в развитии высшего образования. Если на рассматриваемом этапе было принято решение о дальнейшем распространении границ научно-образовательного пространства европейского типа, то на сегодняшний день присутствуют все необходимые условия для качественного перехода в общемировой, признающий национальные и региональные особенности различных государств (отмечается значимость как научно-, так и профессионально-образовательной и регионально-образовательной составляющих академической мобильности, столь важных для России). В Сибири и на Дальнем

---

[139] Ключевые проблемы перехода Иркутского государственного университета на новую модель образования (по результатам социологических исследований) / Т. И. Грабельных [и др.]. Иркутск : НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2008. С. 88–100.
[140] Там же. С. 90.
[141] Ключевые проблемы перехода Иркутского государственного университета на новую модель образования (по результатам социологических исследований) … С. 93.
[142] Ключевые проблемы перехода Иркутского государственного университета на новую модель образования (по результатам социологических исследований) … С. 95.
[143] Глазырин В. А. Болонская Декларация: интеграция или поглощение российского высшего образования? // Унив. Упр.: практика и анализ. 2006. № 1. С. 80.

Востоке с 2007 года также активно проводились научно-практические мероприятия по обсуждению актуальных проблем модернизации и интернационализации высшей школы.

Установлено, что Болонская декларация выступила значимым документом для высшего образования в России и определила логику его развития на среднесрочную и долгосрочную перспективу. Включение научно-образовательного сообщества в обсуждение хода Болонского процесса способствовало осознанию как последствий вхождения России в европейское научно-образовательное пространство, так и становления собственных национально-территориальных образовательных площадок. С реализацией Болонской Декларации появились новые импульсы для формирования новой модели высшего образования в России посредством совместной реализации новых инициатив и внедрения новых идей касательно поступательного развития системы высшего образования. В этой связи, анализируя в 2015 г. современный этап развертывания Болонского процесса, В. И. Байденко замечает, что «…несмотря на неравномерный, противоречивый и многопроблемный характер Болонского процесса, многие национальные образовательные системы, входящие с разной степенью адекватности в Европейское пространство высшего образования, отмечают благотворное влияние его очевидно позитивных достижений и проявлений»[144].

Противоречивый характер влияния внешних и внутренних факторов на развитие международной академической мобильности в России свидетельствует о том обстоятельстве, что данная система так и осталась «чужой» для России. В настоящее время вектор интернациональности на вхождение и развитие сетевых взаимодействий в европейском образовательном пространстве начинает достаточно быстро смещаться в общемировой вектор макрообразовательных процессов. Это является отражением общемировых тенденций в трансформации отношений «Россия-Европа», «Россия-Азия», «Россия-Америка», как и процесса глобализации в целом. Ныне развитие отношений происходит за пределами

[144] Байденко В. И. Болонский процесс: современный этап // Высш. образование в России. 2015. № 10. С. 58.

европейского влияния.

Выявлено, что в современных условиях осуществляется закономерный сдвиг направления развития высшего образования по пути интернационализации с традиционно европейской модели на евразийскую модель (Китай, Япония, Корея и др.). Допускаем, что определяющее влияние на такого рода изменения в европейской образовательной модели (появление в ней «трещин») оказал мировой экономический и финансовый кризис 2008 г. Проблемы повышения качества высшего образования для России по-прежнему остаются актуальным вопросом, несмотря на провозглашенные цели в рамках Болонской декларации - Декларации о создании общеевропейского пространства высшего образования (с 1999 г.). Актуальный вопрос во все времена для системы образования в России. О формальных признаках «болонизации» российской высшей школы свидетельствуют мнения отечественных ученых. Так, по мнению Е. И. Степановой, «…систематический анализ по Болонскому процессу обнаруживает, что нигде не затрагивается проблематика содержания образования, а речь идет только об организационных формах и их внедрении»[145]. Проведенные в 2007-2009 гг. социологические исследования по интернациональности как критерию качества высшего образования данные тезисы подтверждают.

С особой тревогой о реформировании российской высшей школы по пути европейской модели говорил ректор МГУ им. М. В. Ломоносова В. А. Садовничий: «…приняв западный стиль образования, Россия начнет «готовить лаборантов для Запада»[146]. В условиях появления новых вызовов, европейская модель уже не может являться единственной (исключительной) моделью эффективного развития российского вуза, на смену ей должна прийти новая модель, включающая в себя как позитивный опыт Запада, так и Востока и учитывающая приоритеты социально-экономического развития регионов.

Только учет совместного влияния внешних и внутренних факторов развития международной академической мобильности позволит объективно

---

[145] Степанова Е. И. Болонский процесс в России: аргументы «за» и «против» // Журн. социологии и социал. антропологии. 2007. Т. 10. № 4. С. 133.

[146] Степанова Е. И. Болонский процесс в России: аргументы «за» и «против» // Журн. социологии и социал. антропологии. 2007. Т. 10. № 4. С. 139.

оценить значение национальных особенностей в системе высшего образования в России. Исследования показали, что Россия как связующее звено между Западом и Востоком сегодня стоит на пути реализации новых приоритетных направлений в развитии системы высшего образования, о чем свидетельствует политика по развитию государственных научных центров. При таком подходе требует развития культурно-цивилизационная парадигма. Солидарны с Л. Г. Сандаковой в том, что в культурологическом плане под «Западом» следует понимать европейскую и американскую культуру, под «Востоком» же - культуры стран Центральной, Юго-Восточной Азии, Ближнего и Дальнего Востока, Северной Африки[147]. На наш взгляд, для формирования современной национальной модели высшей школы в России необходимо, с одной стороны, учитывать принципы классической европейской модели, базирующейся на традициях европейской культуры, а, с другой стороны, быть ориентированными на возрастающее влияние российских и евразийских идей. Полагаем, что новая национальная модель международной академической мобильности включает использование как европейского опыта интернационализации высшей школы, так и своего собственного опыта с учетом региональной специфики. Речь идет об учете взаимовлияния западных и восточных традиций, отражающихся в процессе международной академической мобильности, и определяющих так или иначе дальнейший выбор путей развития высшей школы в России.

Возрастание взаимовлияния мировоззренческих и ментальных траекторий отражается в концептуальных положениях современных авторов: «…взаимодействие Запада и Востока с неизбежностью приводит к холистическому, целостному видению мира»[148], «средством формирования новой философии является «культурный синтез Востока и Запада»[149], которые составляют базовый уровень методологического синтеза при изучении процессов развития международной академической мобильности в свете «Болонского

---

[147] Сандакова Л. Г., Бурзалова А. А. Диалог культур Запада и Востока как основа целостного мировоззрения // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2012. Спецвыпуск. С. 3.
[148] Сандакова Л. Г., Бурзалова А. А. Указ. соч. С. 6.
[149] Мантатов В. В. Глобализация, устойчивое развитие и общество будущего (по материалам XXII Всемирного философского конгресса) // Век глобализации. 2009. № 1. С. 177.

процесса» и новых направлений регионального развития. По некоторым современным прогнозам, «…постиндустриальная цивилизация будет переходной стадией, … на которой произойдет своеобразная конвергенция цивилизаций Востока и Запада»[150]. Как известно, «…теория социокультурной конвергенции родилась под влиянием обострения отношений между СССР и США, а также сближения культур Востока и Запада и впервые увидела свет в опубликованной книге П. Сорокина «Россия и Соединенные Штаты»[151]. Как и теория социальной мобильности, указанная концепция на протяжении всего столетия и по настоящий день имеет большую эвристическую значимость, которая проявляется и при осмыслении и анализе проблем развития высшей школы в России в аспекте выделения ее национального компонента в мировом контексте.

По мнению сторонников евразийского интеграционного процесса, в системе высшего образования «сегодня мы… стоим перед необходимостью создания механизма эффективного равновесия между повышением конкурентоспособности субъектов евразийского образовательного пространства, стремлением сотрудничать и соблюдением общих интересов и целей»[152]. Евразийство как общественно-философская концепция на рубеже XX-XXI вв. во многом стала определять условия развития социальной, экономической, политической, культурной сфер современного российского общества, и, соответственно, их равновесие. Учитывая современные тенденции к распространению идей, отражающих «евразийские интеграционные процессы», нацеленные на формирование крупного пространства евразийских отношений («евразийского партнерства»), в том числе на государственном уровне, конституируем «стирание» основных границ между странами евразийского региона, что позволяет говорить об утверждении сегодня новых моделей взаимодействия.

Так, в рамках международного форума, посвященного вопросам

---

[150] Сандакова Л. Г., Бурзалова А. А. Указ. соч. С. 3.

[151] Бадмаева М. В. П. Сорокин о возможностях и перспективах взаимодействия социокультурных систем в период кризиса // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2012. № 6. С. 77.

[152] Абламейко С. В., Самохвал В. В., Полонников А. А. Единое образовательное пространство евразийских университетов: перспективы развития [Электронный ресурс] // Информационно-технологическое обеспечение образовательного процесса государств-участников СНГ : сб. докл. Междунар. интернет-конф. – Минск, 2012. URL: http://elib.bsu.by/handle/123456789/27746. С. 29.

интеграционного взаимодействия на евразийском пространстве (г. Санкт-Петербург) Президент РФ В. В. Путин отметил: «…Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»[153]. 29 мая 2014 г. произошло событие, которое символизирует начало нового этапа при переходе на евразийскую модель, - был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), который, по словам В. В. Путина, «…имеет действительно эпохальное, историческое значение, открывает самые широкие перспективы для развития экономик и повышения благосостояния граждан наших стран»[154]. Россия, заявляя о своей роли как лидере в интеграционных процессах на пространстве Евразийского экономического сообщества, безусловно, должна тщательно отслеживать и прогнозировать новые тенденции[155]. В современных условиях обозначилась острая потребность в новых моделях знания по вопросам евразийской консолидации и интеграции. Евразийский путь отмечается в творчестве отечественных ученых, политиков, общественных деятелей. Одним из распространенных понятий стало «евразийская интеграция». По мнению Г. И. Осадчей, модель социального взаимодействия стран-участниц процесса евразийской интеграции можно определить как «…систему взаимообусловленных социальных действий, реализуемых в рамках определенной наднациональной стратегии данного интеграционного объединения»[156].

О тенденциях развития международной академической мобильности под влиянием евразийского фактора писали С. В. Абламейко, А. М. Магеррамов, В. А. Садовничий, И. И. Тучков и многие другие ученые. Так, президент Евразийской ассоциации университетов, ректор МГУ им. М. В. Ломоносова

---

[153] Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Евразийская интеграция в XXI веке : сб. ст. / ред. А. А. Климов [и др.]. М., 2012. С. 16.

[154] Путин В. В. Заявления для прессы по итогам заседания Высшего Евразийского экономического совета [Электронный ресурс] // Президент России : офиц. сайт. URL: http://kremlin.ru/transcripts/45790 (дата обращения 30.05.2018).

[155] Проект Концепции развития академической мобильности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Институт международных организаций и международного сотрудничества НИУ «ВШЭ» : сайт. URL: http://intpr.ntf.ru/DswMedia/koncepciyaakademicheskoymobil-nosti_itog.pdf (дата обращения: 20.08.2018).

[156] Осадчая Г. И. Модель социального взаимодействия стран-участниц процесса евразийской интеграции: теоретико-методологические основы конструирования // Социал.-гуманит. знания. 2014. № 3. С. 204–218.

В. А. Садовничий указывал на необходимость «…сохранения и воспроизводства русского языка в странах евразийского пространства и активное участие в этой высокой деятельности национальных университетов»[157], поскольку «…историческая миссия наших евразийских университетов – оберегать наши общие культурные основы, развивая национальную культуру и национальное образование»[158]. Мы разделяем такую точку зрения и полагаем, что в сфере высшей школы поэтапное смещение международных образовательных акцентов в сторону евразийской модели выражается в следующих тенденциях: стремительном росте спроса и предложений на традиционные и новые образовательные услуги в азиатских странах; совершенствовании механизмов институционализации международной академической мобильности в глобальном масштабе и др.

Таким образом, данный этап развития международной академической мобильности характеризуется пересмотром ключевых показателей эффективности деятельности таких социальных институтов, как образование и наука. Данные процессы сопровождаются и развитием самой науки как системы знаний. Формируются новые модели методологического анализа, которые служат основанием для разработки современных концепций и стратегий развития социальных институтов. Одним из таких новшеств последних десятилетий в развитии отечественной науки является разработка «институциональных матриц»[159]. В таком ракурсе концепция интегрализма, рассматриваемая П. А. Сорокиным,[160] приобретает особое значение при понимании современных социальных процессов.

Поиск ответов на глобальные вызовы и угрозы требует объединения усилий разных сторон. Следовательно, возникает потребность в координации их действий и совершенствовании механизмов международной академической мобильности на всех уровнях высшего образования в нашей стране. В этих условиях повышается

---

[157] Садовничий В. А. Образование будущего. Евразийские университеты XXI века // Университеты в евразийском образовательном пространстве. М. 2017. С. 18.
[158] Там же. С. 19.
[159] Кирдина С. Г. Институциональные матрицы: макросоциологическая объяснительная гипотеза // Социс. 2001. № 2. С. 13–23.
[160] Назарько Е. В. Интегральная социология П. А. Сорокина // Социосфера. 2010. № 1. С. 62–63.

роль субъектов государственной политики в сфере международного сотрудничества в высшей школе. Складываются новые предпосылки для формирования постсовременной стратегии вхождения вузов Российской Федерации в мировое научно-образовательное пространство. На выбор векторов развития международной академической мобильности (европейского, евразийского, российского, восточного, американского и др.) повлияли факторы, связанные с динамикой конкурентоспособности вуза на мировом рынке образовательных услуг. Выделяем и разделяем точку зрения И. И. Жуковского по вопросам специфики вхождения России в сети международного научно-образовательного взаимодействия, а именно в том, что в настоящее время необходимо изучить и переосмыслить накопленный опыт других стран, в том числе и стран бывшего социалистического лагеря, которые, преодолевая схожие системные, инфраструктурные и кадровые проблемы, активно используют возможности европейских и глобальных сетей для своего развития[161].

Выбор вектора интернационализации, безусловно, повышает степень ответственности тех лиц, которые разрабатывают решения по данному блоку вопросов (экспертов, аналитиков). Просматривается потребность дальнейшей модернизации современной научно-образовательной сферы в контексте сохранения национальных интересов при заключении международных правовых актов, лежащих в основе гармоничных связей в сфере академической мобильности. В новых международных условиях в отношении особенностей реализации европейского вектора в России сохраняет актуальность большое количество нормативных документов. К подобным документам можно причислить Лиссабонскую конвенцию Совета Европы «О признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе» (Конвенция от 11 апреля 1997 г. № 165), ратифицированную Россией (от 04 мая 2000 г. № 65-ФЗ)[162]. Важно отметить, что ректоры 250-ти университетов, утвердившие в 1988 г.

---

[161] Жуковский И. И. Университет в сетевых связях современного мира // Вестн. МГИМО-Университета. 2013. № 2. С. 71.

[162] Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе : заключена в г. Лиссабоне 11.04.1997 : ратифицирована Федер. законом от 04.05.2000 г. № 65-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2000. № 39. Ст. 3836.

Великую Хартию европейских университетов, объявили, что они поддерживают мобильность студентов и преподавателей, а общая политика сопоставимости в области статусов, степеней, экзаменов и назначения стипендий – это основной инструмент, который должен гарантировать осуществление актуальных задач высших учебных заведений[163]. В Меморандуме о взаимодействии РФ и ООН по вопросам образования, науки и культуры от 25.06.1993 г. содержится заявление России о готовности внести свой вклад в работу по улучшению знания иностранных языков и расширению обмена студентами и преподавателями (п. 3)[164]. В Сорбонской совместной декларации Министров образования Великобритании, Германии, Италии и Франции по гармонизации архитектуры европейской системы высшего образования от 25 мая 1998 г. подчеркивается, что европейское пространство высшего образования как открытое образовательное пространство требует непрерывных усилий для устранения барьеров и разработки рамочной структуры для преподавания и обучения, для роста мобильности и межгосударственной кооперации[165].

В Коммюнике, составленном по итогам Берлинской конференции, указано, что мобильность студентов, преподавателей и административного состава вузов является необходимым условием формирования общеевропейского пространства высшего образования[166]. Близкие по смыслу положения отражаются в Коммюнике конференций министров, ответственных за высшее образование 19 мая 2001 г. (г. Прага) и 19-20 мая 2005 г. (г. Берген). Исследование международно-правовых актов не будет завершенным без анализа Декларации ассоциации европейских университетов «После берлинской конференции: роль университетов» от

---

[163] Великая Хартия Европейских Университетов от 18 сентября 1988 г. [Электронный ресурс] // Национальный информационный Центр по академическому признанию и мобильности / РУДН Минобрнауки РФ : сайт. URL : http://www.russianenic.ru/int/bol/charter.html (дата обращения: 11.06.2018).

[164] Меморандум о взаимодействии Российской Федерации и Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) от 25.06.1993 г. (г. Москва) // Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 690– 695.

[165] Совместная декларация о гармонизации архитектуры европейской системы высшего образования четырех министров, представляющих Великобританию, Германию, Францию и Италию. Париж (Сорбонна), 25 мая 1998 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» в локальной сети Ин-та социал. наук Иркут. гос. ун-та.

[166] Формирование общеевропейского пространства высшего образования [Электронный ресурс] : коммюнике конф. министров высш. образования от 19.09.2003 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» в локальной сети Ин-та социал. наук Иркут. гос. ун-та.

04.07.2003 г.[167], ориентированной на дальнейшее становление и совершенствование процесса международной академической мобильности.

Вследствие того, что Российская Федерация имеет целью создание единого образовательного и экономического пространства с постсоветскими странами, то взаимодействие России со странами участниками СНГ является одним из ключевых направлений развития академической мобильности[168]. В этом проявляется значение одного из внешних факторов развития международной академической мобильности в системе высшего образования в России. В настоящее время принята и действует «Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 года», в рамках которой реализуется подпрограмма «Кадры»[169]. В обозначенной программе заложена современная правовая основа для создания координирующего органа подпрограммы – Межгосударственного агентства (бюро) академической мобильности[170].

Из наиболее значимых документов, отражающих современные тенденции в развитии высшего образования, следует выделить Концепцию интегративного университета Шанхайской организации сотрудничества: цели и этапы создания[171]. Согласно предложенной в Концепции интегративной модели под «Университетом» понимается сеть уже существующих университетов в государствах - членах ШОС, а также странах-наблюдателях[172]. В настоящее время в 2018-2019 учебном году по программам Университета ШОС обучаются в

---

[167] Декларация Ассоциации европейских университетов «После Берлинской конференции: роль университетов» (Грацкая декларация). Лювен, 04 июля 2003 г. [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский государственный университет : сайт. URL : http://bologna.spbu.ru/documents/131-2012-07-10-10-20-27 (дата обращения: 11.06.2018).

[168] Модельный образовательный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств. Общая часть : утв. постановлением пленарного заседания Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (г. Санкт-Петербург) от 16.11. 2006 № 27-12 // Информ. бюл. / Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. 2007. № 39, ч. 2. С. 9.

[169] О межгосударственной программе инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 года [Электронный ресурс] : решение Совета глав правительств СНГ от 18.10.2011. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» в локальной сети Ин-та социал. наук Иркут. гос. ун-та.

[170] О межгосударственной программе инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 года [Электронный ресурс] : решение Совета глав правительств СНГ от 18.10.2011. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» в локальной сети Ин-та социал. наук Иркут. гос. ун-та.

[171] Концепция Университета Шанхайской организации сотрудничества: цели и этапы создания : утв. 23.10.2008 на 2-ом Совещании министров образования государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (г. Астана) // Официальные документы в образовании. 2009. № 16. С. 80–87.

[172] Там же.

ведущих российских вузах 235 иностранных студентов из стран ШОС[173].

В этом наглядно проявляется воздействие внутреннего фактора развития международной академической мобильности под влиянием внешних факторов. В настоящее время Россия со многими странами имеет двусторонние соглашения о совместной работе в сфере реализации международной академической мобильности. Перечислим только часть международных Соглашений, Заявлений и Деклараций, подписанных РФ с другими государствами: 1) Республикой Южная Осетия (Соглашение о взаимном признании образовании и (или) квалификаций от 12.04.2017 г.); 2) Французской Республикой (соглашение о взаимном признании образования, квалификаций и ученых степеней от 29.06.2015 г.); 3) Федеративной республикой Бразилия (Совместное Заявление шестого заседания российско-бразильской комиссии высокого уровня по сотрудничеству от 20.02.2013 г.); 4) Исландией (Декларация о партнерстве для модернизации от 29.11.2011 г.); 5) Итальянской республикой (Соглашение о взаимном признании документов об образовании от 03.12.2009 г.); 6) Азербайджанской республикой (Соглашение о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях от 23.09.2002 г.) и др.[174].

Стремление России к расширению связей с другими государствами были обозначены во взаимодействии с: 1) Республикой Корея в Меморандуме в сфере высшего образования от 22.11.2017 г.; 2) Республикой Армения, Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой в Меморандуме о сотрудничестве по вопросам образовательного и научно-технологического сотрудничества на евразийском пространстве от 13.04.2016 г.; 3) Китайской Народной Республикой в Меморандуме о реализации плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере от 06.12.2012 г.; 4) Швейцарской Конфедерацией в Меморандуме о сотрудничестве в области физической культуры и спорта от 21.09.2009 г.; 5) Королевством Испания в

---

[173] Российские вузы приняли более 200 иностранных студентов по программам УШОС в 2018/2019 учебном году [Электронный ресурс] // Университет Шанхайской организации сотрудничества : сайт. URL : http://uni-sco.ru/news/78/2018_06_30.html (дата обращения: 11.12.2018).

[174] Козлова Е. С., Кузьмин И. А. Международно-правовое регулирование академической мобильности как социального процесса в высшей школе // Вестн. Иркут. гос. тех. ун-та. 2013. № 9. С. 261–268.

Декларации о стратегическом партнерстве от 03.03.2009 г.[175]. Высокая степень конкретизации отношений в сфере международной академической мобильности прослеживается во взаимодействии РФ и Республики Молдова.

Проведенный анализ документальных источников позволил нам выявить особенности правового регулирования отношений в сфере международного сотрудничества российских вузов. Выявлено, что современное международное право является эффективным и сложным инструментом регулирования международных отношений в условиях стабильного развития. В то же самое время международные вызовы и социальные риски требуют его обновления и совершенствования.

При реализации многоуровневой модели высшего образования, внедрения и изменения федеральных государственных образовательных стандартов, введения профессионально-общественной аккредитации, увеличение спроса на инновационную деятельность и др. под влиянием международных и социальных вызовов отчетливо прослеживаются как позитивные, так и негативные тенденции, отражающие содержание основных проблем. С одной стороны, происходит расширение границ академической мобильности с опорой на государственную поддержку при совершенствовании правовой базы,[176] учитываются потенциальные ресурсы отечественных и зарубежных образовательных организаций, идет процесс формирования и развития внутренней инфраструктуры доминантных видов деятельности в организации. С другой стороны, невысокий спрос на международную академическую мобильность свидетельствует о имеющей место декларативности в ходе выполнения основных образовательных программ. Тезис подтверждается и не видением реальных перспектив ее развития. В силу этого, на сегодняшний день мы констатируем отсутствие должного темпа интернационализации в сфере высшего образования, только устанавливаются институциональные основы по разработке и реализации концептуальных подходов к организации международного сотрудничества и эффективных

[175] Там же.

[176] Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг. [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки РФ : офиц. сайт. URL : http://vi.russia.edu.ru/news/discus/concept/3783/ (дата обращения: 30.06.2018).

способов его поддержки. По мнению В. А. Галичина, серьезным ограничением в развитии академической мобильности в российских вузах видится «…отсутствие национальной программы (программ) поддержки академической мобильности студентов и преподавателей, системы грантов и других мер, позволяющих реализовать различные образовательные потребности граждан, а также способствовать повышению эффективности экспорта образовательных услуг и конкурентоспособности российских вузов»[177]. Таким образом, пока не идет речи о соразвитии национальной (российской) и международной моделей академической мобильности - доминируют ориентации на зарубежные модели и механизмы их внедрения[178]. Есть основания констатировать, что на современном этапе принимаются во внимание интересы и стратегические цели государства, между тем, вопрос о ресурсных возможностях региона не прослеживается достаточно четко.

Интернационализация образования интеграционной направленности, отражая системное влияние глобализационных процессов и усиление структурных взаимозависимостей между высшей школой и наукой и другими социальными институтами, способствовала и способствует углублению международного сотрудничества, в связи с чем ставятся приоритетные задачи по совершенствованию механизмов академической мобильности[179]. Нельзя не отметить и наметившуюся тенденцию к «инвентаризации» инструментов академической мобильности. Фактически, переосмыслению и переоценке сегодня подвергается достаточно большой (устоявшийся) их набор. Таким образом, здесь рассматриваются такие инструменты академической мобильности, как «…программы, обеспеченные финансовыми, информационными,

---

[177] Галичин В. А. Модель инфраструктуры экспорта российского образования системой ВПО и международной академической мобильности [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации. Российское образование для иностранных граждан : офиц. Сайт. URL: http://vi.russia.edu.ru/files/material-static/3933/galich.doc (дата обращения: 30.01.2018).

[178] Грабельных Т. И., Козлова Е. С. Высшее профессиональное образование и развитие академической мобильности в России в начале XXI века: национальный и институциональный аспекты // Новый этап модернизации и интернационализации высшего образования: базовые индикаторы : науч.-метод. материалы / ФГБОУ ВПО «ИГУ» ; ред. Т. И. Грабельных, В. А. Решетников. Иркутск, 2013. С. 95–102.

[179] Проект Концепции развития академической мобильности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Институт международных организаций и международного сотрудничества НИУ «ВШЭ» : сайт. URL: http://intpr.ntf.ru/DswMedia/koncepciyaakademicheskoymobil-nosti_itog.pdf (дата обращения: 20.08.2018).

организационными и другими ресурсами и направленные на достижение конкретного результата»[180]. Политика по сохранению и перераспределению ресурсов, реализуемая странами, не может не отразиться и на качестве выбираемых инструментов.

В силу чего, реализация стратегических национальных задач, предусматривающих расширение академической мобильности, требует более взвешенного политического подхода, включающего как совершенствование таких инструментов, так и их постоянное обновление на федеральном и институциональном уровне[181]. Показательно, что в научном обиходе получило широкое распространение понятие «*инструменты мягкой силы*»[182]. Не вызывает сомнений, что *от эффективности таких инструментов зависит качественная основа развития международной академической мобильности*. В русле прослеживаемых тенденций обращаем особое внимание на значимость таких инструментов и механизмов для развития международной академической мобильности в системе высшего образования в России, как: а) «формирование единой, прозрачной и доступной информационной среды; б) создание эффективного механизма межведомственного согласования и учета потенциала / приоритетов ведущих вузов при формировании планов приема иностранных студентов и специалистов / отправки студентов и сотрудников вузов с учетом социально-экономических и внешнеполитических задач развития РФ … в) распространение успешного опыта ведущих вузов для содействия институционализации академической мобильности в России»[183] и др. Безусловно, реализация предложенных и иных механизмов влечет за собой качественное реформирование системы высшего образования. По всему миру университеты корректируют свои национальные образовательные планы с учетом новаций

---

[180] Там же. С. 3.

[181] Проект Концепции развития академической мобильности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Институт международных организаций и международного сотрудничества НИУ «ВШЭ» : сайт. URL: http://intpr.ntf.ru/DswMedia/koncepciyaakademicheskoymobil-nosti_itog.pdf (дата обращения: 20.08.2018).

[182] Проект Концепции развития академической мобильности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Институт международных организаций и международного сотрудничества НИУ «ВШЭ» : сайт. URL: http://intpr.ntf.ru/DswMedia/koncepciyaakademicheskoymobil-nosti_itog.pdf (дата обращения: 20.08.2018). С. 7.

[183] Там же. С. 10.

(Германия, Великобритания, Австралия, Новая Зеландия, Франция)[184]. Например, «пошаговый план перехода на "новое" высшее образование в США связан с формированием личностно-ориентированной экосистемы вузовского образования и технологической поддерживающей образовательной среды вузов»[185].

Деятельность Министерства образования и науки РФ (ныне – Министерство науки и высшего образования РФ) в сфере международного сотрудничества российских вузов в значительной степени направлена на реализацию проектов, которые «…содействуют развитию сотрудничества российских и иностранных образовательных и научных организаций; расширению международной академической мобильности обучающихся, педагогических, научных и иных работников системы образования, привлечению иностранных граждан к обучению в российских организациях, осуществляющих образовательную деятельность, обеспечению взаимного признания образования и (или) квалификации»[186]. Среди реализуемых проектов в сфере образования и науки в Российской Федерации выделяются: «Международная академическая мобильность»[187], «Глобальное образование»[188], «Повышение конкурентоспособности ведущих университетов Российской Федерации среди ведущих мировых научно-образовательных центров (5-100)»[189], «Продвижение русского языка за рубежом»[190], «Привлечение ведущих ученых в российские образовательные и научные организации»[191], «Интеграция

---

[184] Реформа высшего образования: отечественный и зарубежный опыт [Электронный ресурс] : бюл. в сфере образования // Аналит. центр при Правительстве РФ. 2017. Вып. 12. URL: http://ac.gov.ru/files/publication/a/13584.pdf (дата обращения: 04.05.2018).

[185] Реформа высшего образования: отечественный и зарубежный опыт [Электронный ресурс] : бюл. в сфере образования // Аналит. центр при Правительстве РФ. 2017. Вып. 12. URL: http://ac.gov.ru/files/publication/a/13584.pdf (дата обращения: 04.05.2018).

[186] Международная академическая мобильность [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки РФ : офиц. сайт. URL: http://минобрнауки.рф/projects/академическая-мобильность (дата обращения: 13.04.2018).

[187] Там же.

[188] Глобальное образование [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки РФ : офиц. сайт. URL: http://минобрнауки.рф/проекты/глобальное-образование (дата обращения: 13.04.2018).

[189] Повышение конкурентоспособности ведущих университетов Российской Федерации среди ведущих мировых научно-образовательных центров (5-100) [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки РФ : офиц. сайт. URL: http://минобрнауки.рф/проекты/5-100 (дата обращения: 13.04.2018).

[190] Продвижение русского языка за рубежом [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки РФ : офиц. сайт. URL: http://минобрнауки.рф/проекты/продвижение-русского-языка-за-рубежом (дата обращения: 13.04.2018).

[191] Привлечение ведущих ученых в российские образовательные и научные организации [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки РФ : офиц. сайт. URL: http://минобрнауки.рф/проекты/привлечение-ведущих-ученых (дата обращения: 13.04.2018).

российской науки в международное научно-техническое пространство»[192] и др. Указанные проекты являются свидетельством тех перемен, которые в современных условиях происходят в сфере международного сотрудничества российских вузов.

Показательно, что в России в 2017 г. утвержден паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» на период с 24.05.2017 г. по 15.11.2025 г. с целью «…повысить привлекательность и конкурентоспособность российского образования на международном рынке образовательных услуг и таким образом нарастить несырьевой экспорт Российской Федерации»[193]. В качестве результатов заявлены следующие: создание Консорциума вузов, обеспечивающего точки роста экспорта российского образования и организационно-методическое сопровождение внедрения целевой модели деятельности российского вуза по экспорту образования (в 2018 году в 20 вузах, в 2019 в 40 вузах, в 2020 в 100 вузах, в 2021 – в программы развития всех российских вузов); разработка и использование в мониторинге эффективности деятельности российских вузов индекса экспортной активности вуза; создание благоприятных условий для иностранных граждан в период их обучения в России[194]и т.д. В планах реализации 1 сентября 2018 г. - вывод на международное образовательное пространство первых 10 образовательных программ в дистанционном формате на иностранных языках, к 15 октября 2018 г. - запуск программ «Послы Российского Образования» и «Благоприятная среда для иностранных учащихся», к 15 февраля 2019 г. – программы «Образовательные туристические маршруты России»[195].

При анализе ключевых проблем развития международной академической мобильности в системе высшего образования в России особое место занимает

---

[192] Интеграция российской науки в международное научно-техническое пространство [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки РФ : офиц. сайт. URL: http://минобрнауки.рф/проекты/международная-интеграция-науки (дата обращения: 13.04.2018).

[193] Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» [Электронный ресурс] : утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 30.05.2017 г. протокол № 6 // Правительство России : офиц. сайт. URL: http://government.ru/news/28013/ (дата обращения: 04.05.2018).

[194] Там же.

[195] Там же.

институт сетевых взаимодействий. Исходя из современной социологической макротеории, оформившейся в середине XX в., определением «сетевой» наделяются не столько социальные группы или социальные институты, сколько социальные связи и отношения, объединяющие всех действующих субъектов (акторов) (M. Granovetter, B. Latour, S. Wasserman, B. Wellman, H. C. White). Ученые отмечают, что «…в последние годы сетевые теории: теория “актор–сеть” и реляционная социология, - демонстрируют плодотворность идей, высказанных много десятилетий назад классиками социологии»[196]. В отечественной социологии концептуальные положения сетевой теории изложены в научных трудах Г. В. Градосельской, И. Ф. Девятко, Д. В. Мальцевой, В. В. Радаева, М. А. Сафоновой и др. В русле сетевой тематики в 2014 г. в НИУ ВШЭ была образована международная лаборатория прикладного сетевого анализа (ANR-Lab). Применительно к системе высшего образования, в качестве субъектов сети могут выступать: университеты в разных регионах и странах, органы администрации, правительства, работодатели (государственные органы, промышленные кластеры, бизнес-сектор), студенты. Под сетевым взаимодействием вузов Г. Е. Зборовский и П. А. Амбарова понимают «…систему взаимосвязей образовательных организаций высшей школы в созданном ими общем пространственно-временном образовательном континууме, в котором действуют механизмы реализации инновационных проектов в области содержания высшего образования, управления им и научных исследований»[197]. Таким образом, сетевое взаимодействие вузов в широком смысле – это сеть взаимосвязанных по основным целям и направлениям своей деятельности субъектов, имеющих отношение к высшему образованию и процессам профессионализации, а в узком смысле – многостороннее взаимовыгодное сотрудничество вузов с другими субъектами в пространственно-временном измерении по вопросам реализации международной академической мобильности.

---

[196] Мальцева Д. В., Романовский Н. В. О современных сетевых теориях в социологии // Социол. исслед. 2011. № 8. С. 28.

[197] Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Сетевое взаимодействие вузов в системе высшего образования уральского макрорегиона // Экономика региона . 2017. Т. 13. вып. 2. С. 449.

Примечательно, что с конца XX в. по всему миру стали открываться сетевые университеты (немецкие, британские и др.). На наш взгляд, современная тенденция к развитию сетевых взаимодействий в сфере высшей школы имеет ряд неоспоримых преимуществ: сетевой университет выступает в качестве перспективной научно-образовательной площадки и престижного канала мобильности для студентов разных стран (участников сети), при этом образовательные услуги предоставляются с позиции лучших мировых стандартов, передового опыта и социокультурных инноваций.

В подтверждении данной позиции приведем точку зрения Г. А. Красновой и В. А. Тесленко, которые утверждают, что «…через институциональные партнерства и благодаря информационным технологиям региональные вузы расширят свое присутствие на международном рынке образования и увеличат численность иностранных студентов»[198]. Авторы, анализируя уникальную сетевую немецкую модель «made in Germany», отмечают, что «…сетевые университеты с участием немецких вузов создаются политическими инициативами сверху вниз … именно государственное финансирование позволяет немецким высшим учебным заведениям успешно реализовывать сетевое взаимодействие в рамках бинациональных университетов за рубежом»[199]. Среди ключевых принципов реализации вузами сетевых проектов немецкие ученые выявили: «…знание зарубежных образовательных рынков; создание и поддержка институциональных партнерств в рамках интернационализации вуза; управление проектами сетевого взаимодействия; обеспечение финансового планирования; соблюдение установленных принципов сотрудничества в рамках сетевого взаимодействия; качество обучения; информирование; кадровое обеспечение образовательного процесса»[200]. Учитывая зарубежный опыт, допускаем, что благодаря сетевой модели вузы- и страны-участники сетевого взаимодействия с необходимостью повысят исходящую и входящую международную академическую мобильность. Полагаем, что *чем больше размер сети, плотнее ее*

---

[198] Краснова Г. А., Тесленко В. А. Концептуальные подходы к сетевому взаимодействию вузов: лучшие практики и зарубежный опыт // Вестник МПГУ: Сер. Информатика и информатизация образования. 2018. № 1. С. 79.
[199] Там же. С. 79, 81.
[200] Там же. С. 83–85.

связи и шире диапазон возможных участников сети, тем с большим эффектом будет протекать процесс интернационализации высшего образования, экспорта и импорта образовательных услуг в России.

Что касается российского опыта, то следует отметить, что общие требования к реализации образовательных программ, закрепленные в ст. 15. Федерального Закона «Об образовании в Российской Федерации» (закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ), подразумевают также сетевую форму реализации образовательных программ, которая «…обеспечивает возможность освоения обучающимся образовательной программы с использованием ресурсов нескольких организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе иностранных, а также при необходимости с использованием ресурсов иных организаций»[201]. Проанализировав зарубежный и российский опыт реализации сетевого взаимодействия, отечественные ученые А. Е. Зубарев и С. А. Рябченко пришли к выводу о том, что «…для проведения эффективного сетевого взаимодействия каждому партнеру образовательных программ необходимо использовать сбалансированную систему показателей и критериев для оценки возможности сетевого образования и повышения результативности»[202]. Разделяя данную точку зрения, утверждаем, что к числу основных условий для успешного сетевого взаимодействия вузов в сфере международного сотрудничества относятся четыре:

Во-первых, это расширение многостороннего формата сотрудничества вуза с ведущими университетами по всему миру по различным областям эффективного и взаимовыгодного обмена студентами и образовательными программами. В качестве примера можно привести заключение договора о сотрудничестве при проведении совместных летних и / или зимних школ (площадок) на базе вузов с учетом национальных традиций страны и особенностей культурной программы для повышения заинтересованности, узнаваемости (бренда) образования и укрепления доверия к межкультурному взаимодействию. Другим примером может

---

[201] Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.

[202] Зубарев А. Е., Рябченко С. А. Современный опыт и возможности сетевого партнерства в области высшего образования // Вестник Тихоокеан. гос. ун-та. 2016. № 2. С. 160.

служить прохождение производственных практик на базе международных организаций или зарубежных вузов при реализации сетевого взаимодействия;

Во-вторых, развитие виртуальной мобильности в процессе сетевого взаимодействия вузов, открывающей для субъектов образовательной деятельности возможности интегрирования в мировое научно-образовательное пространство и повышения конкурентоспособности студентов. Представляется, что в современных условиях прогрессивного развития цифровых и информационных технологий в образовательном процессе следует активнее применять лучшие мировые интернет-практики электронного образования (онлайн-мобильность студентов по Skype; проведение онлайн-курсов (лекций, семинаров) зарубежными преподавателями, учеными; доступ к зарубежным образовательным онлайн-ресурсам, например, электронным библиотекам; доступ к образовательным онлайн-платформам и проч.). Эксперты В. В. Гриншкун и Г. А. Краснова отмечают, что «…одной из тенденций, получивших развитие в разных странах мира, является появление национальных виртуальных университетов, финансируемых правительствами стран»[203]. В России в рамках сетевого взаимодействия вузов на сегодняшний день действует виртуальный Университет Национальной технологической инициативы «20.35»[204], который включает в сеть образовательные организации, передовые компании и цифровые платформы;

В-третьих, выделение государственных квот и / или стипендий для привлечения большего числа иностранных студентов по наиболее востребованным направлениям подготовки в вузы российских регионов в целях выравнивания неоднородной мобильности. Полагаем, что при реализации механизмов государственной поддержки и повышении спроса на обучение в региональных вузах будет происходить равномерный отток иностранных граждан из столичных вузов, например, в Сибирь и на Дальний Восток для реализации перспективных направлений социально-экономического развития указанных территорий, в силу чего может замедлиться скорость образовательной миграции

[203] Гриншкун В. В., Краснова Г. А. Виртуальные университеты: факторы успеха и перспективы развития // Вестник РУДН. Сер. Информатизация образования. 2018. Т. 15. № 1. С. 7.
[204] Там же. С. 14.

местной (региональной) молодежи в центральные вузы страны;

В-четвертых, повышение публикационной активности в рамках сетевого взаимодействия вузов, предполагающего проведение совместных научных исследований (в том числе, в рамках грантовой деятельности) и подготовку совместных публикаций в зарубежных журналах, журналах Scopus, Web of Science, ВАК.

В России результатом реализации государственной политики в сфере международного сетевого сотрудничества вузов в 2008 г. стали сетевой университет Шанхайской организации сотрудничества и сетевой университет СНГ. В 2016 г. в соответствии со статьей 5 Меморандума о взаимопонимании о создании Сетевого университета БРИКС от 18 ноября 2015 г. стал перечень образовательных организаций высшего образования – участников Сетевого университета БРИКС, утвержденный Приказом Министерства образования и науки РФ от 10.02.2016 г. № 99, в который вошли 12 ведущих вузов России[205]. В соответствии с целями внешней политики, очевидно, что «… *должны быть созданы новые сетевые университеты БРИКС и Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) для поддержки интеграционных процессов и расширения кооперации со странами регионов*»[206]. Так, имеет место точка зрения А. Е. Зубарева о том, что центром территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) нового типа «…может стать совместный международный Российско-Китайский сетевой университет приграничного сотрудничества «проточного» типа, соответствующий принципу «один университет – две страны – две двери»…»[207]. Всего с участием российских вузов на сегодняшний день действуют 7 сетевых университетов, помимо вышеназванных существуют Евразийский сетевой университет, Российско-

---

[205] Перечень образовательных организаций высшего образования – участников Сетевого университета БРИКС [Электронный ресурс] : приказ Минобрнауки РФ от 10.02.2016 г. № 99 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» в локальной сети Ин-та социал. наук Иркут. гос. ун-та.

[206] Проект Концепции развития академической мобильности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Институт международных организаций и международного сотрудничества НИУ «ВШЭ» : сайт. URL: http://intpr.ntf.ru/DswMedia/koncepciyaakademicheskoymobil-nosti_itog.pdf (дата обращения: 20.08.2018).

[207] Зубарев А. Е. Стратегическая роль университета в формировании территории опережающего развития как фактор реиндустриализации экономики // Стратегии бизнеса. 2016. № 4. С. 53.

Французский сетевой университет, Вьетнамо-Российский технологический университет и Российско-Китайский сетевой университет.

Систематизация и анализ существующих подходов и концептуальных идей, представленных в научных изысканиях отечественных и зарубежных авторов, позволили нам разработать типологию сетевых взаимодействий в российском вузе по трем признакам: научно-образовательному, профессионально-образовательному и регионально-образовательному (таблица 1). Из таблицы 1 видно, что традиционное взаимодействие «российский вуз – зарубежный вуз» относится к типу «отдельных сетевых взаимодействий», взаимодействие «вуз как субъект открытых сетевых взаимодействий» – «работодатель как субъект социально-экономической системы» мы относим к типу «системных сетевых взаимодействий», взаимодействие «вуз+работодатель – регион» подразумевает тип «территориальных системных сетевых взаимодействий». Нами установлено, что в соответствии со стратегическими целями государства *повышению эффективности деятельности вузов будет способствовать становление сетевых взаимодействий на базе сетевого территориально-дифференцированного подхода с учетом потребностей социально-экономических систем регионов*.

В соответствии с направлениями государственной политики в сфере высшего образования критерии общероссийской оценки эффективности образовательных организаций с 2012 г. содержат в себе показатели по международной активности вуза.

Таблица 1

Типология сетевых взаимодействий в российском вузе

№ п/п	Типологический признак	Типы сетевых взаимодействий	Описание сетевых взаимодействий (СВ)	Примеры сетевых взаимодействий
1.	Научно-образовательный	**Тип «отдельных сетевых взаимодействий»:** российский вуз - российский вуз; российский вуз – зарубежный вуз; зарубежный вуз – зарубежный вуз	СВ исторически предопределены (Э. Роттердамский, М. В. Ломоносов и др.) и связаны с развитием международного сотрудничества в едином научно-образовательном пространстве (на уровне российских и/или зарубежных университетов) с целью приобретения новых знаний, получения фундаментального образования, проведения научных исследований.	Вхождение российских вузов в Болонский процесс посредством распространения международных контактов между российскими и зарубежными вузами, в том числе сетевых.
2.	Профессионально-образовательный	**Тип «системных сетевых взаимодействий»:** «вуз как субъект открытых сетевых взаимодействий» – «работодатель как субъект социально-экономической системы»	СВ получили развитие в России в последнее десятилетие, в том числе посредством внедрения кластерного подхода. Предусмотрены Федеральным законом № 273 ФЗ РФ от 29.12.2012 г. «Об образовании в Российской Федерации».	Углубление международного сотрудничества в транснациональных и трансграничных регионах («международных регионах»), а также в регионах с опережающим развитием.
3.	Регионально-образовательный	**Тип «территориальных системных сетевых взаимодействий»:** «вуз+работодатель – регион»	Становление СВ на базе сетевого территориально-дифференцированного подхода.	Стратегии повышения эффективности деятельности вузов с учетом потребностей социально-экономических систем регионов.

В последующие годы с момента их внедрения (2013-2017 гг.) произошла корректировка и дополнение процедур и критериев осуществления мониторинга эффективности вузов. *Государственная политика по применению показателей международной деятельности при оценке эффективности деятельности организаций высшего образования в России является внутренним фактором развития международной академической мобильности.* К обсуждению привлекались ведущие эксперты в сфере высшего образования, которые поддержали курс на расширение критериев мониторинга и индивидуализацию подхода к вузам в зависимости от их территориальной, а также отраслевой принадлежности. В результате согласования экспертных оценок и утверждения методики проведения мониторинга сформирован «территориально-дифференцированный подход» к оценке эффективности деятельности вузов.

Исходя из специфики развития регионов и приоритетных ориентиров региональной политики, в основу социологического видения формирования и развития международной академической мобильности нами заложен обозначенный подход. Предусмотренный Федеральным законом «Об образовании» (2012 г.) сетевой подход в развитии международного сотрудничества также был положен в основу социологической концепции. В процессе анализа основных факторов и тенденций развития международной академической мобильности в системе высшего образования в России и с учетом новых социальных реалий территориально-дифференцированный подход был нами расширен и охарактеризован как «*сетевой территориально-дифференцированный подход*».

Методология исследования позволяет характеризовать его как комплексный, опирающийся на региональный подход, уникальность которого проявляется через *системный и ресурсный подходы в их взаимосвязи к анализу интегральных процессов развития региона.* Другой характеристикой «сетевого территориально-дифференцированного подхода» является его уникальность как *территориально-институционального* подхода. На протяжении последних лет ведущие вузы России как *центры институционализации российской высшей школы - федеральные, национальные исследовательские, опорные университеты - участвуют в решении перспективных задач своего региона, отдельных территорий. Соответственно, на уровне региона формируется государственный заказ на обучение, спрос на направления подготовки и др.*

В условиях региональных различий и приоритетов регионального развития наиболее заметно воздействие современных факторов на процесс международной академической мобильности в системе высшего образования. Еще одной характеристикой «сетевого территориально-дифференцированного подхода» можно определить степень развития его научного потенциала как сетевого подхода, обуславливающего возможность анализа и оценки программ международной академической мобильности, международного сотрудничества, в целом, через призму сложных сетевых взаимодействий. Современная политика

государства важную роль отводит регионам в процессе развития механизмов сетевых взаимодействий, независимо от их типа (в том числе взаимодействий «образование-наука-производство», содержащих международную составляющую). Как мы полагаем, реализация возможностей сетевого территориально-дифференцированного подхода, несомненно, будет способствовать повышению эффективности современной региональной политики.

Что касается новых векторов регионального развития России, то с 2008 г. они определяются стратегиями социально-экономического развития на долгосрочную перспективу[208], и могут быть сгруппированы по группам: интеграция регионов в мировую экономическую систему, учитывая неравномерное развитие территорий и неравенство исходных социально-экономических условий; консолидация конкурентных преимуществ инновационного регионального развития; инфраструктурная поддержка стратегически важных территорий опережающего развития («макрорегионов») в России; концентрация научно-образовательного потенциала регионов для обеспечения интернациональных функций в мировом разделении труда; развитие сети инновационных и федеральных университетов[209].

Согласно прогнозу социально-экономического развития России до 2030 г., подготовленного Минэкономразвития, инновационный сценарий развития РФ предполагает существенное усиление составляющей общенационального роста, связанной с разработкой инноваций и повышением качества человеческого капитала за счет увеличения инновационной компоненты развития, что обеспечивается за счет вклада науки и технологий и повышения вклада человеческого капитала (прежде всего – образования), увеличения государственных и частных расходов на научную деятельность и опытно-конструкторские разработки. Основной предпосылкой и, одновременно, следствием этого будет формирование сети университетов, обладающих

---

[208] Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика : итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Кн. 1. / под науч. ред. В. А. Мау, Я. И. Кузьминова. М. : Дело, 2013. 430 с.

[209] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития РФ) // Офиц. сайт информационно-правового портала «Гарант» [Электронный ресурс]. URL : http://base.garant.ru/70309010/#block_13 (дата обращения: 12.08.2018 г.).

компетенциями мирового уровня. *За счет государственной поддержки ведущих университетов будет обеспечен рост конкурентоспособности российского профессионального образования, интеграция вузов в международную академическую среду*[210]. *Выделенные векторы во многом определяют и новые векторы интернационализации высшей школы в России*.

Таким образом, специфика современного периода развития международной академической мобильности в высших учебных заведениях России выражается в разработке новой модели развития международной академической мобильности под влиянием внешних и внутренних факторов. К числу *внешних факторов* мы относим: глобализацию как процесс системных вызовов и угроз; Болонский процесс; мировой экономический и финансовый кризис 2008 г.; изменение внешнеполитической обстановки; сдвиг вектора развития высшего образования по пути интернационализации с традиционно европейской направленности на формирующуюся евразийскую модель; формирование единого образовательного и экономического пространства с постсоветскими странами и взаимодействие России с государствами-участниками СНГ; международные системы рейтингования вузов и фактор конкурентоспособности вуза на мировом рынке образовательных услуг. *Внутренними факторами выступают*: системный и ресурсный кризис в России конца 1990-х – начала 2000-х гг.; появление новых социальных вызовов; внутриполитическая динамика; государственная политика по применению показателей международной деятельности при оценке эффективности деятельности организаций высшего образования в России; формирование и развитие государственных научных центров, научных школ и научных направлений мирового уровня; двусторонние соглашения о совместной деятельности в области осуществления международной академической мобильности с иностранными государствами; развитие сетевых взаимодействий; несовершенство нормативно-правовой базы; экономический фактор (совершенствование материально-технической базы); языковой фактор (знание

[210] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития РФ) // Офиц. сайт информационно-правового портала «Гарант» [Электронный ресурс]. URL : http://base.garant.ru/70309010/#block_13 (дата обращения: 12.08.2018 г.).

иностранных языков); территориальный фактор (региональные различия в РФ); отсутствие должного спроса на специалистов с высшим образованием международного уровня в регионе.

Видится перспективной реализация сетевого подхода с учетом особенностей территорий на базе предложенной концепции развития международной академической мобильности в системе высшего образования.

Выводы по главе 1. Теоретический анализ международной академической мобильности как социального процесса позволил выявить следующее.

Систематизированы научные подходы к изучению истории и теории международной академической мобильности как социального процесса, что позволило определить особенности применения институционального, сетевого, интегрального и др. подходов к исследованию международной академической мобильности на современном этапе развития мировой науки и образования. При уточнении определения «международной академической мобильности» сделан акцент на динамику изменения позиций субъектов в процессе обучения через механизмы академической мобильности в соответствии с теорией социальной мобильности, у истоков которой стоял П. А. Сорокин. Предложено определение международной академической мобильности как процесса реализации регионально-образовательных (в том числе научно-образовательных и профессионально-образовательных) стратегий субъекта образовательной деятельности при перемещении из одной позиции в другую (из российского вуза в зарубежный вуз и / или из зарубежного вуза в российский вуз) в динамике развития мирового и регионального научно-образовательного пространства. Разработана многоуровневая классификация академической мобильности в системе высшего образования по трем основаниям: а) субъект мобильности; б) способ и длительность обучения; в) место получения образовательных услуг. Проведен анализ существующих периодизаций развития международной академической мобильности (C. Kerr, M. L. Gade, M. Kawaoka и Ю. И. Сергеевой), с опорой на которые в работе представлена современная периодизация основных этапов развития международной академической мобильности в России по фактору

конкурентоспособности вуза на мировом рынке образовательных услуг. Выявлено, что современный этап развития международной академической мобильности отличается от предыдущих внешними и внутренними факторами взаимовлияния, формированием сетевых взаимодействий вузов и выходом на новый уровень своей институционализации.

Доказано, что современный вектор интернационализации на вхождение и развитие сетевых взаимодействий в европейском образовательном пространстве сегодня постепенно начинает смещаться в общемировой вектор макрообразовательных процессов. Новая модель международной академической мобильности включает использование как европейского опыта интернационализации высшей школы, так и своего собственного опыта с учетом региональной специфики. Сделан вывод, что одной из перспективных моделей сетевого взаимодействия вузов в развитии международной академической мобильности выступает российско-китайская модель. Обосновано, что сетевой университет выступает в качестве прогрессивной научно-образовательной площадки и престижного канала мобильности для студентов, преподавателей, исследователей, сотрудников вузов разных стран - участников сети. Выявлено, что положительный эффект от сетевого взаимодействия вузов могут получить и региональные вузы.

Глава 2. Состояние международной академической мобильности в сетевом взаимодействии российских и китайских вузов: противоречия, факторы формирования

2.1 Основные характеристики международной академической мобильности в сетевом взаимодействии российских и китайских вузов

С целью изучения особенностей и противоречий формирования и развития международной академической мобильности в сетевом взаимодействии российских и китайских вузов в современных условиях были проведены социологические исследования с использованием различных методов.

Взаимодействие России и Китая в сфере образования насчитывает уже 70-летнюю историю, китайские студенты впервые появились в российских вузах в 1950-1951 уч. г. в количестве 400 чел.[211] Начиная с 1993 г., ректоры вузов Сибири, Дальнего Востока РФ и Северо-Восточных регионов Китая регулярно проводят совместные мероприятия[212], в 2012 г. была создана Ассоциация вузов, объединившая указанные регионы двух стран[213].

В свете углубления российско-китайского сотрудничества представляют интерес данные социологических исследований последних лет. Так, по результатам всероссийского социологического опроса «О России и странах мира», проведенного Фондом «Общественное Мнение» 9 июля 2017 г., обнаружилось, что на вопрос «С какими из этих стран у России сейчас наиболее близкие, дружественные отношения?» - более половины опрошенных (62%) выбрали Китай, при этом 48% россиян указали, что именно сотрудничество с КНР сейчас важнее всего для российской экономики[214]. Учитывая, что китайские студенты уже несколько лет представляют один из самых больших по численности контингентов иностранных студентов в российских вузах, мы можем констатировать прямую зависимость интенсивности международной

---

[211] Лю Цзея. Развитие российско-китайских отношений в области образования // Образование и наука. 2013. № 10 (109). С. 93.
[212] Там же, С. 96.
[213] Там же, С. 97.
[214] Фонд «Общественное мнение» [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL : http://fom.ru/ (дата обращения: 16.09.2018).

академической мобильности от межгосударственных отношений на мировой арене. Китайский ученый Лю Цзея также обращает внимание на «…укрепление российско-китайского партнерства и стратегического взаимодействия в области образования … на фоне процессов глобализации, усложняющейся международной обстановки…»[215]. В научном труде подчеркивается, что в первую очередь это происходит «благодаря поддержке национальных лидеров двух государств»[216].

В XXI в. основные отрасли экономики Китая интенсивно развиваются, что отражается и на повышении конкурентоспособности китайских вузов на международном уровне. Профессор Rui Yang (楊銳) из Гонконгского университета отмечает, что «…интернационализация высшего образования в Китае достигла высоких результатов и способствовала текущей трансформации китайской системы в одну из крупнейших, возможно, самых перспективных в мире»[217]. Анализируя влияние глобализации на китайское образование, профессор Shibao Guo (郭世宝) и профессор Yan Guo (郭燕) отмечают, что «Китаю удалось противостоять современной глобализации до 1978 г., когда он начал политику «открытых дверей»[218], после которой развитие международной академической мобильности достигло «беспрецедентного уровня»[219]. Действительно, Китай в настоящее время является крупнейшим в мире источником иностранных студентов (по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОСЭР), 24% иностранных студентов, обучающихся в вузах стран ОЭСР, из Китая, что в 2015 г. составило 746058 чел.)[220]. В России доля иностранных студентов из стран Азии, проходивших обучение в отечественных вузах в учебном 2015-2016 году составила 24,3% от всех регионов мира (это второе место после стран СНГ (54,4%)), примечательно, что почти половина (45,7%) от всех иностранных

---

[215] Лю Цзея. Указ. соч. С. 96.
[216] Там же, С. 91.
[217] Spotlight on China: Chinese Education in the Globalized World. Vol. 2 / ed. S. Guo, Y. Guo. Rotterdam : Sense Publishers, 2016. P. 36.
[218] Spotlight on China: Chinese Education in the Globalized World. Vol. 2 / ed. S. Guo, Y. Guo. Rotterdam : Sense Publishers, 2016. P. 1.
[219] Там же С. 6.
[220] International Migration Outlook 2018. [Electronic resource]. 42nd ed. Paris : OECD Publishing, 2018. 412 p. DOI: https://doi.org/10.1787/migr_outlok-2018-en.

студентов из стран Азии – это иностранные граждане именно из Китая[221]. Характеризуя современное состояние российско-китайского научно-образовательного сотрудничества, Л. Н. Смирнова указывает на проведение крупных культурных мероприятий государственного уровня, особо отмечая проведенные в 2009-2010 г. перекрестные годы русского языка и китайского языка, перекрестные годы молодежных обменов 2014-2015 г.[222], что, несомненно, отвечает стратегическим целям двух стран.

Разработанный в процессе реализации Национального фонда подготовки кадров Проект концепции развития академической мобильности в России указывает на необходимость развития взаимных отношений с Китаем как условие получения российской системой дополнительных возможностей для выхода на мировой уровень[223]. С учетом географической близости Китая с регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири, явным преимуществом при трудоустройстве в совместные российско-китайские предприятия выступает владение сотрудниками китайским языком, занимающим 4-ое место по популярности в России. Это обстоятельство определяет интенсификацию развития многообразных форм и видов международной академической мобильности российских студентов и преподавателей в вузы КНР, что, в свою очередь, влечет развитие сетевого взаимодействие российских и китайских вузов. Если проанализировать статистику по исходящей международной академической мобильности, то общее число российских граждан, обучавшихся в китайских вузах в 2015-2016 уч. г., составило 16 197 чел. (более чем в 250 китайских вузах, расположенных в 21 провинции Китая). При этом еще 10 лет назад в 2005-2006 уч. г. было только 3 527 чел.[224].

---

[221] Численность обучающихся, педагогического и преподавательского персонала, потенциального числа образовательных организаций всех уровней образования: прогноз до 2035 года [Электронный ресурс] / авт.-сост. Ф. Э. Шереги [и др.]. М. : ЦСП и М., 2017. 408 с. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/2018/Prognoz_2017_22_01_18_001_408.pdf (дата обращения: 01.03.2018).

[222] Смирнова Л. Н. Научно-образовательное сотрудничество – основа инновационной модели отношений России и Китая // Рос. совет по междунар. делам. 2016. № 3. С. 4.

[223] Проект Концепции развития академической мобильности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Институт международных организаций и международного сотрудничества НИУ «ВШЭ» : сайт. URL: http://intpr.ntf.ru/DswMedia/koncepciyaakademicheskoymobil-nosti_itog.pdf (дата обращения: 20.08.2018).

[224] Арефьев А. Л. Социология языка. Национальные и иностранные языки в российской системе образования : монография ; под ред. академика РАН Г. В. Осипова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2018. С. 243-244.

Обращение к качественному методу социологического исследования – включенному наблюдению позволило нам получить новые глубинные знания о зарубежных стажировках. Так, начиная с сентября 2011 г. по январь 2012 г. диссертант принимал активное участие в международной научной стажировке на базе Цицикарского Института межкультурных коммуникаций (Китай), а в декабре 2013 г. – языковой стажировке в государственном университете провинции Ляонин, расположенном в г. Шеньян (Китай). Это позволило сформулировать несколько важных выводов для исследования. Содержание потребностей разных социальных субъектов в развитии международной академической мобильности между российскими и китайскими вузами на региональном уровне выражается в следующем: для работодателей - важно принять на работу в совместную российско-китайскую компанию выпускника, который учился за границей, владеет иностранным языком и навыками межкультурной коммуникации; для преподавателей - обучить иностранных студентов общекультурным и профессиональным компетенциям; для студентов - получить диплом о высшем образовании в зарубежной стране, преодолеть языковой барьер; для руководства вузов - учитывать максимальный 5% показатель при формировании отчета по эффективной интернационализации вуза; для исследователей - доступ к передовым зарубежным технологиям и базам данных, совместные исследования и публикации.

Особенности международной академической мобильности в российско-китайских взаимодействиях в сфере высшей школы проявляются, преимущественно, через призму способов межкультурной адаптации применительно к заявленным требованиям высших учебных заведений, местным традициям и обычаям, а также соответствующим бытовым условиям. Выписка из дневника наблюдения: «*для иностранных студентов в Китае учебные занятия организованы в основном на китайском языке*». Помимо негативной (наличие преград для эффективной коммуникации) у сложившейся ситуации есть и положительная сторона – у иностранных студентов формируется мощный стимул улучшить свой уровень владения китайским языком, благодаря «включенному»

взаимодействию с носителями языка. «*Учебные группы характеризуются как мультинациональные, состоящие из представителей стран Европы, Америки, и, преимущественно, Кореи, Японии и России, которые сидят за одной партой и организуют общий быт в общежитии»* (запись из дневника).

Из дневника наблюдения можно заметить, каким образом в Китае обеспечивается решение организационных и иных проблем: «у*чеба начинается строго в 8 ч. утра, в день по 3-4 пары (грамматика, устная речь, чтение, аудирование) с обязательным двухчасовым перерывом на обед. В течение внеклассного времени есть возможность заниматься спортом, ходить на экскурсии, изучать богатую азиатскую культуру или участвовать в студенческих мероприятиях. Формой контроля усвоения знаний являются промежуточные тесты и заключительные экзамены по всем предметам во время сессии».* Следует отметить, что требования в вузах Китая по отношению к китайским студентам более строгие. Так, Г. Ш. Азитова и М. Н. Краснова утверждают, что «занятия в вузе начинаются с 8.00 и продолжаются до 18.30 с перерывом с 12.00 до 14.00. С половины седьмого до девяти вечера проводятся различные факультативы, которые обязательны для всех»[225]. Поскольку форма обучения в китайских вузах платная, абитуриенты сдают вступительные экзамены и на одно место может претендовать от 150 до 300 чел. (в результате реформы 2007 г. в Китае насчитывается 1908 государственных вузов), то «китайские студенты отличаются своей собранностью, дисциплинированностью и трудолюбием»[226].

Помимо проблем межкультурной адаптации российских студентов определенные сложности возникают в связи с высокой стоимостью образовательных программ, качеством образования, престижем и авторитетом вуза (его статусом в китайском и общемировом академическом рейтинге), непроработанными мерами государственной поддержки, сопоставимости предъявляемых к квалификации требований и других противоречий.

---

[225] Азитова Г. Ш., Краснова М. Н. Особенности системы образования в Китае [Электронный ресурс] // Соврем. пробл. науки и образования : электрон. науч. журн. 2017. № 5. URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=26953 (дата обращения: 12.12.2018).
[226] Там же.

Безусловно, схожие трудности испытывают на себе и иностранные граждане, прибывшие на обучение в российские вузы, в особенности это касается овладения ими русского языка. Д. В. Цукановой и С. А. Шароновой была отмечена тенденция к ухудшению знаний русского языка у иностранных абитуриентов, что объясняется снижением общемирового статуса и восстребованности русского языка за рубежом[227]. Вопросы адаптации иностранных студентов в иноэтничной среде вуза нашли свое отражение в трудах Н. Л. Антоновой, А. В. Меренкова[228].

Результаты включенного наблюдения позволили узнать специфику международной академической мобильности не только восточного направления (китайские вузы), но и западного (финский вуз) и провести сравнительный анализ. Специфика включенного наблюдения, через участие в глобальной академической программе «Эразмус Мундус» по отделению социальных наук по специальности «Социология» в Университете Турку (Финляндия) отмечены в дневнике следующим образом: «*мы изучали такие предметы, как «Социальная политика Европейского союза», «Образование и социальное равенство в странах северной Европы», «Современные методы исследования в социологии», «История и культура Финляндии», «Английский язык» и многие другие дисциплины. Обучение проходило на английском языке, по окончанию каждого курса необходимо было написать эссе и сдать экзамен, при этом на экзамен отводилось 3 попытки, лучший результат записывали в табель. Каждый студент имел возможность самостоятельно сделать выбор из большого числа академических дисциплин, включая инновационные междисциплинарные курсы, в пользу тех предметов, которые показались ему наиболее интересными в профессиональном плане, и оценить степень усвоения материала по системе кредитов ECTS*». По итогам включенного наблюдения мы отмечаем принципиальные различия китайского и финского вузов в подходах к обучению иностранных студентов: во-первых, язык

---

[227] Цуканова Д. В., Шаронова С. А. Подходы в изучении проблем межкультурной профессиональной коммуникации иностранных кадров и в формировании межкультурных компетенций // Изв. Тул. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 99.

[228] Merenkov A., Antonova N. Problems of Social Adaptation of International Students in Russia [Electronic resource] // New Education Review. 2015. Vol. 41, iss. 3. P. 122–132. DOI: 10.15804 / tner.2015.41.3.10.

подготовки (в Китае - китайский язык, в Финляндии - английский язык), во-вторых, возможность выбора дисциплин (в Китае – отсутствовала, в Финляндии – присутствовала), в-третьих, в Китае был преимущественно коллективный подход к студентам, а в Финляндии – индивидуальный).

Более подробно рассмотрим особенности формирования международной академической мобильности в Иркутском государственном университете с китайскими вузами в рамках сетевого взаимодействия. На настоящий момент в университете действуют 20 договоров и соглашений о сотрудничестве с китайскими вузами. По данным Управления международных связей ИГУ на 1 октября 2018 г. в ИГУ обучаются 399 граждан из Китая. Данные по входящей мобильности из Китая отражаются в следующих программах: на стажировку приехало 52 чел., на подготовительный факультет – 65 чел., по программам бакалавриата и специалитета в ИГУ обучаются 209 китайцев, по программам магистратуры – 59 чел., в аспирантуре обучаются 5 чел., на летнюю школу подали заявки 9 чел. С 1 февраля 2019 г. ожидается еще приезд около 50 студентов из Китая в Международный институт экономики и лингвистики ИГУ. Именно входящая международная академическая мобильность из Китая в иркутский вуз является наиболее массовой. Что касается исходящей мобильности студентов ИГУ в китайские вузы, то мы отмечаем также повышенный интерес: за 2017-2018 уч. г. в Китае обучались 111 студентов из ИГУ.

О результативности сетевого взаимодействия российских и китайских вузов свидетельствуют материалы сравнительного социологического исследования, проведенного в декабре 2013 г. на тему «Основные факторы активизации международной академической мобильности в российских и китайских вузах», охватившего две группы респондентов: экспертов (на первом этапе) и студентов и аспирантов (на втором этапе), работающих и обучающихся в государственном университете провинции Ляонинь в г. Шэньян (КНР). Основной целью исследования был поиск комплексных мер для развития институциональных механизмов международной академической мобильности в сетевом взаимодействии российских и китайских вузов на примере высших учебных

заведений Китая и России. Выбор места проведения исследования был неслучаен, ввиду длительных партнерских и конструктивных отношений, сложившихся между Иркутским государственным университетом и Ляонинским университетом в г. Шэньян. Правовой базой для сотрудничества послужил договор, подписанный в 1994 г. Академическое сотрудничество между вузами проявляется в реализации образовательных программ, в том числе на основе межкультурного взаимодействия породнённых городов (побратимов) с 1992 г. – Иркутска и Шэньяна, опыт которого оценен экспертами в 58,2%, а международная деятельность в 81,1%.

На основе полученных данных выявлены следующие показатели международной академической мобильности:

- ключевые формы и степень интенсификации международной деятельности в китайском высшем учебном заведении по различным направлениям;

- накопленный в международной деятельности опыт вуза с точки зрения реализации образовательных программ в целом и программ международной академической мобильности в частности;

- основные критерии выбора партнеров международной академической мобильности из-за рубежа относительно для построения сетевых взаимодействий вузов России и Китая;

- формат взаимодействия, применимый для высшего учебного заведения при осуществлении программ международной академической мобильности;

- уровень системной организации функционирования языкового обучения;

- перечень специальностей, задействованных при реализации программ международной академической мобильности;

- среднее число иностранных студентов в год, принимающих участие в реализации программ международной академической мобильности;

- список официальных документов, на основе которых регламентируется сотрудничество по международной деятельности конкретной образовательной организации;

- комплексную оценку кадровых возможностей высшего учебного

заведения, применимую для расширения международной академической мобильности;

- уровень объективно-выраженной заинтересованности администрации вуза в повышении качества и расширения форм международной академической мобильности;

- выявленные и подтвержденные перспективы для определения и расширения деятельности вуза в сфере сотрудничества с зарубежными организациями академической направленности по вопросам международной академической мобильности;

- перспективы сотрудничества вуза в области образования и науки с зарубежными партнерами по вопросам расширения международной академической мобильности.

При обосновании концептуальных положений и уточнении трактовки международной академической мобильности нами был задан одинаковый вопрос экспертам и студентам о сущности международной академической мобильности. Было выявлено разделение мнений значительной части опрошенных экспертов и студентов: около 54,5% экспертов указали, что «*к международной академической мобильности относится абсолютно любое перемещение субъекта-участника образовательного процесса и научной работы в границах межгосударственного научно-образовательного пространства»;* с точки зрения 45% студентов, под международной академической мобильностью понимается *«процесс передвижения студента, аспиранта, преподавателя или научного сотрудника на определенный срок в какое-либо зарубежное образовательное учреждение с конкретными образовательными и научными целями»* (таблица 2).

Таблица 2

Мнение экспертов и студентов Ляонинского университета (КНР) о сущности международной академической мобильности, в %

№ п/п	Варианты ответов	Мнение экспертов	Мнение студентов
		Доля в %	Доля в %
1.	Любое передвижение субъекта образовательного процесса и научной деятельности в рамках международного научно-образовательного пространства	54,5%	19,0%
2.	Процесс перемещения студента, аспиранта, преподавателя, научного сотрудника в другое зарубежное образовательное учреждение с образовательными и научными целями на установленный срок	21,8%	45,0%
3.	Реализация образовательных и научных стратегий в динамике развития международного научно-образовательного пространства как межкультурного пространства	23,7%	32,0%
4.	Другое	0,0%	3,0%
5.	Нет ответа	0,0%	1,0%
	Всего	**100,0%**	**100,0%**

Примечательно, что в пояснениях к такому варианту ответа как «Другое» опрошенные студенты пояснили следующее: *«обмен полезным опытом», «международные мероприятия (конференции)», «перспективы для организации и направления делегаций в рамках сотрудничества в области образования в зарубежные вузы», «хорошие условия для знакомства с русскими», «осуществление межкультурного взаимодействия», «проведение дискуссионных площадок международного уровня».* Опираясь на мнения респондентов удалось усовершенствовать исследуемую категорию международной академической мобильности, конкретизировать его дефиницию в качестве особого процесса реализации регионально-образовательных (в том числе научно-образовательных и профессионально-образовательных) стратегий субъекта образовательной деятельности при перемещении из одной позиции в другую (из российского вуза в зарубежный вуз и / или из зарубежного вуза в российский вуз) в динамике развития мирового и регионального научно-образовательного пространства.

Одной из особенностей международной академической мобильности в сетевом взаимодействии российских и китайских вузов является выбор сферы международной деятельности. В этой связи экспертам было предложено выбрать сферу международной деятельности, в которой наиболее активно реализуется международная академическая мобильность в Ляонинском университете (КНР) (таблица 3). Из таблицы 3 наглядно усматривается, что в исследуемом китайском вузе широко представлены и развиты образовательная, научная и межкультурно-коммуникационная виды деятельности.

Таблица 3

Мнение экспертов о сферах международной деятельности, в которых наиболее активно реализуется международная академическая мобильность в Ляонинском университете (КНР), в %

№ п/п	Варианты ответов	Доля в %
1.	В образовательной сфере	31,3%
2.	В научной сфере	27,7%
3.	В сфере межкультурных коммуникаций	26,5%
4.	В других сферах	1,2%
5.	Во всех вышеперечисленных	9,6%
6.	Затрудняюсь ответить	3,7%
Всего		**100,0%**

Проведенный опрос показал, что почти 1/3 от числа опрошенных экспертов (31,3%) связывают процесс мобильности преимущественно с деятельностью *в области образования* на различных его этапах в зарубежных вузах и, прежде всего, с: 1) разработкой совместных образовательных программ (прохождения учебных практик, осуществления академического обмена, выдачи двойных/тройных дипломов, реализации программ двойной аспирантуры); 2) развернутой системой перевода, а также признания в установленном порядке кредитов (т.е. зачетных единиц), их накопления; 3) подготовкой и официальным оформлением индивидуальных планов, содержащих список дисциплин подлежащих освоению студентом в зарубежном вузе и др.

В государственном университете провинции Ляонин в числе основных форм реализации международной академической мобильности фигурируют: совместные образовательные программы (включая программы двойного дипломирования – 17,2%); проведение лекционных, семинарских, а также иных

учебных занятий профессорами (специалистами) из-за рубежа – 12,7%; функционирование специализированных подразделений (филиалов, представительств и т.д.) вуза за рубежом, как это реализовано, например, в Институте Конфуция Иркутского государственного университета – 11,3% и другие виды деятельности.

Вторую позицию (27,7% от общего числа ответов) занимает проявление международной академической мобильности в области *науки*. С учетом возрастающей доли международных исследований в мировой науке, отмечается явное повышение «спроса» на индексируемые показатели, которые отражаются в реферативных базах данных WoS, Scopus и других. Повышенная заинтересованность любого современного вуза в проведении совместных научных исследований с привлечением коллег из-за рубежа в таких обстоятельствах представляется закономерной. В Ляонинском университете для этих целей производится комплекс мер по привлечению в научные исследования вуза зарубежных высококвалифицированных кадров, а также обратные действия по направлению китайских ученых на определенный срок для достижения научных целей за рубежом. По итогам поездки мы пришли к выводу, что в посещенном китайском вузе аккумулирован значительной опыт научно-исследовательской деятельности. Это подтверждается активной деятельностью целой сети научных центров, изданий и научных площадок. Организация научно-практических мероприятий различной направленности с зарубежным участием является частью основной политики вуза. Полагаем, что проводимая в социокультурном контексте институционализация международной академической мобильности становится причиной для дальнейшего расширения социальной основы сотрудничества между высшими учебными заведениями. Исходя из этого, экспертами, работающими в Ляонинском университете, отмечаются следующие ключевые формы научно-ориентированной реализации международной академической мобильности: осуществление научных и студенческих академических обменов (16,7%), проведение научных мероприятий (конференций, круглых столов, семинаров, симпозиумов и т.д.) совместно с зарубежными вузами (12,2%).

Более 1/4 опрошенных экспертов (26,5%) утверждают о преимущественной роли международной академической мобильности в области межкультурного взаимодействия (коммуникации). Политика КНР ориентирована на международную популяризацию китайского языка, а также привлечение студентов из-за рубежа. На системной основе вузы стимулируются к организации и проведению стипендиальных программ, направлением делегаций, стажировок на основе грантов в различных областях. Так, в России расширяется глобальная сеть Институтов Конфуция, систематически проходит выставка «Образование в Китае», организуется конкурс с международным участием под названием «Китайский язык – это мост», и т.д. Из общего числа экспертов 8,6% респондентов обратило внимание на учебные (языковые) практики и культурные обмены в качестве базового условия совершенствования межкультурного общения и, соответственно, международной академической мобильности. Интересно, что более половины (50,8%) экспертов при оценке перспектив развития международной академической мобильности не дифференцируют образовательную и научную сферу, отмечая эти направления одинаково приоритетными. В конечном итоге оставшаяся часть экспертов признала приоритет научной (27%), а не образовательной (17,5%) сферы. Подобное распределение мнений привело нас к выводу о том, что в активизации процессов международной академической мобильности преобладает фактор расширения международных академических контактов по сетевому типу. Сделанный вывод дополнительно подкрепляется тем фактом, что в последнее время Китай ежегодно расширяет финансирование научных программ на 18% и обозначил стратегическую цель достижения к 2020-му году статуса инновационного государства. Примечательно, что в широкой сети китайских образовательных и научно-исследовательских учреждений работают на системной основе возвратившихся посредством репатриации специалисты, которые прошли солидную стажировку (подготовку) в Германии, Соединенных Штатах Америки и в других высокоразвитых странах мира. Большая часть всех руководителей китайских научных центров закономерно имеют опыт исследовательской работы в

зарубежных странах[229].

Активизация международной академической мобильности по мнению 80% опрошенных экспертов связана с международным рейтингом Ляонинского университета, что приведет к расширению межкультурных связей и сотрудничества с субъектами образовательного процесса из зарубежных стран. Расставленные акценты позволяют структурировать имиджевую составляющую, которая влияет на международные связи вуза, а также очерчивают необходимость учитывать при официальной оценке эффективности конкретного вуза удельный вес иностранных студентов, обучающихся в конкретном высшем учебном заведении. В данном смысле показательным представляется мониторинг эффективности российских вузов, осуществлявшийся Министерством образования и науки РФ в 2012 г. и в последующих годах.

Исследуя проблемы и тенденции развития сетевого взаимодействия вузов в широком смысле, нами был задан ряд вопросов экспертам о специфике выбора вузом партнеров международной академической мобильности, определении основных факторов выбора зарубежных партнеров международной академической мобильности в рамках сетевого взаимодействия российских и китайских вузов, приемлемом для вуза формате международного сотрудничества.

Результаты исследования подтвердили, что для развития сетевого взаимодействия с партнерами вузы, в первую очередь, обращают внимание на ресурсный потенциал вуза (28,3%), качество образования (20,3%), репутацию университета (19,6%) (таблица 4).

---

[229] Liaoning University [Electronic resource] : official site. URL : http://www.admissions.cn/lnu/ (дата обращения: 02.09.2018).

Таблица 4

Мнение экспертов об основных факторах выбора зарубежных партнеров академической мобильности в Ляонинском университете (КНР), в %

№ п/п	Варианты ответов	Доля в %
1.	Ресурсный потенциал вуза	28,3%
2.	Качество условий обстановки в вузе, влияющих на эффективность выбора	13,0%
3.	Качество образования	20,3%
4.	Престижность диплома	8,0%
5.	Репутация университета	19,6%
6.	Территориальная близость	2,9%
7.	Этнокультурная среда	6,5%
8.	Затрудняюсь ответить	1,4%
Всего		**100,0%**

При этом эксперты отметили, что чаще всего сотрудничество протекает в формате двухсторонних соглашений (29,5%), многосторонние отношения выбрали 20,5% опрошенных. Сотрудничество в формате сетевых программ выделили только 12,5%, что свидетельствует о том, что сетевое взаимодействие программного формата на сегодняшний день еще не получило широкого распространения в российском и китайском вузах (таблица 5).

Таблица 5

Мнение экспертов о приемлемом формате сотрудничества для Ляонинского университета (КНР), в %

№ п/п	Варианты ответов	Доля в %
1.	Сетевые программы	12,5%
2.	Двухсторонние соглашения	29,5%
3.	Многосторонние соглашения	20,5%
4.	Грантовая деятельность	24,1%
5.	Сотрудничество по персональным приглашениям	8,9%
6.	Другое	0,9%
7.	Затрудняюсь ответить	3,6%
Всего		**100,0%**

В ходе исследования было установлено, что предпочтение отдается договорам о сотрудничестве на долгосрочную перспективу (35,1%) между двумя вузами иди договору о партнерстве и валидации образовательных программ (31,2%). Таким образом, специфику выбора китайским вузом партнеров международной академической мобильности определяют обменные процессы в рамках заключенных соглашений (21,1%), грантовая деятельность (20,4%), получение персональных приглашений от принимающей стороны (14,3%) (таблица 6).

Таблица 6

Мнение экспертов о специфике выбора Ляонинским университетом (КНР) партнеров международной академической мобильности, в %

№ п/п	Варианты ответов	Доля в %
1.	С обменными процессами в рамках заключенных соглашений	21,1%
2.	С грантовой деятельностью	20,4%
3.	С получением персональных приглашений от принимающей стороны	14,3%
4.	С получением персональных запросов от направляющей стороны	9,5%
5.	С индивидуальной договоренностью	4,8%
6.	С реализацией научных интересов	13,6%
7.	С ресурсными возможностями	12,9%
8.	Другое	0,7%
9.	Затрудняюсь ответить	2,7%
Всего		**100,0%**

Однако, по мнению Л. Н. Смирновой, для развития совместных университетов с Китаем российским вузам необходимо «…учитывать при выборе китайского партнера прежде всего его престижность и статус, затем доказанную заинтересованность и мотивацию и только после этого географический фактор и экономическую ситуацию в регионе сотрудничества»[230] Так, действующие в Китае «Проект 985», «Проект 211» и др. могут оказать существенную поддержку для развития сетевого взаимодействия вузов, предоставляя информацию о вузах Китая, соответствующих лучшим мировым стандартам.

О существующих противоречиях в развитии международной академической мобильности в рамках сетевого взаимодействия российских и китайских вузов свидетельствует невысокая заинтересованность самого вуза и отсутствие у него опыта в организации сетевого взаимодействия. По мнению экспертов из Ляонинского университета, «нам достаточно существующих у нас образовательных и научно-исследовательских программ, реализуемых своими силами или с партнёрами внутри Китая» (33,3%); «отсутствие достаточного опыта налаживания международных связей» (12,3%); «недостаточный финансовый ресурс вуза» (12,3%), «неэффективная работа административных структур вуза» (11,1%); «недостаточное знание иностранных языков студентами» (9,9%); «не имеем достаточной информации, чтобы планировать такое сотрудничество» (6,2%). Недостаточную поддержку государством образовательных программ отметили лишь 4,9%.

[230] Смирнова Л. Н. Научно-образовательное сотрудничество – основа инновационной модели отношений России и Китая // Рос. совет по междунар. делам. 2016. № 3. С. 11.

На особенности сетевого взаимодействия российских и китайских вузов обращает внимание в своих работах Г. А. Краснова, которая утверждает, что в современных условиях основные противоречия связаны с: а) языковыми барьерами для всех участников образовательного процесса; б) нормативно-правовыми актами в области миграционной политики, не отвечающими современным требованиям; в) зачислением иностранных студентов в российские вузы по программам международной академической мобильности; г) признанием документов об образовании[231]. К перечисленным выше добавим также проблему, которую отмечает большинство ученых – это создание вузом инфраструктуры для иностранных студентов. Несмотря на то, что в ходе исследования были выявлены ряд противоречий, можно с уверенностью утверждать, что благодаря непрерывному взаимодействию между отдельными регионами и вузами заинтересованных стран, а также содействию государства в целом, в среднесрочной и долгосрочной перспективе международная академическая мобильность между Россией и Китаем выйдет по многим показателям на лидирующий позиции и станет началом положительных изменений в экспорте и импорте образовательных услуг в Российской Федерации.

Известно, что в то же самое время в Китае повышается заинтересованность в развитии совместных с зарубежными странами университетов. Отечественные ученые А. Н. Безруков и Р. Ш. Уразбаев отмечают «…устойчивый интерес китайских партнеров к проектам совместных институтов, центров или подобных структур»[232]. В настоящее время в Китае существуют крупные совместные британские (с 2004 г.), американские (с 2011 г.), австралийские университеты и др., которые обеспечивают передовыми образовательными технологиями высшую школу Китая, размещая свои кампусы на территории КНР. При этом речь идет и о мобильности самих международных образовательных программ. Данная мера повышает входящую международную академическую мобильность студентов в

---

[231] Краснова Г. А. Сетевое взаимодействие вузов: сравнительный анализ подходов к реализации совместных образовательных программ в Китае и России // Вестник РУДН. Сер. Информатизация образования. 2016. № 3. 126-138.

[232] Безруков А. Н., Уразбаев Р. Ш. Сетевое взаимодействие в высшем образовании: Россия, Вьетнам, Китай // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9-1. С. 206.

Китай из Великобритании и США.

Важно отметить, что в 2017 г. был создан первый совместный российско-китайский университет (на базе Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и Пекинского политехнического института), расположенный в г. Шэньчжэне (Китай), с целью «создания уникального комплексного высшего учебного заведения мирового уровня, предоставляющего элитное образование и отвечающего высоким стандартам исследовательской деятельности»[233]. Преимуществом вновь созданной структуры стало обучение в данном вузе по принципу: «три языка (китайский, русский и английский) и два диплома».

При выстраивании вузом стратегии на развитие международной академической мобильности необходимо принимать во внимание и мнение студенческого сообщества.

Представим социально-демографический портрет респондентов, находившихся во время анкетирования на обучении в Ляонинском университете: а) по полу: 68,0% студенты женского пола, 18,0% - студенты мужского пола; б) по возрасту: от 18 до 22 лет составляют 61,0%, от 23 до 27 лет – 23,5%, от 28 до 34 лет – 2,0%; в) курс, на котором проходит обучение опрашиваемый: 1 курс бакалавриата – 7,0%; 2 курс бакалавриата – 8,0%; 3 курс бакалавриата – 29,5%; 4 курс бакалавриата – 36,5%; 5 курс специалитета – 0,5%; 1 курс магистратуры – 11,0%; 2 курс магистратуры – 1,5%; 1 курс аспирантуры – 0,5%. Кроме того, принимались во внимание место проживания (не только государство, но и отдельный город), и опыт владения иностранными языками. 45,4% опрошенных экспертов и 47% обучающихся на вопрос об их участии в процессе международной академической мобильности дали утвердительные ответы.

Таким образом, по результатам проведенного среди студентов социологического опроса, подтвердился тезис о том, что студенты зачастую не владеют полной информацией о предоставляемых университетом возможностях международной академической мобильности. О личной информированности по

[233]Договор о создании совместного высшего учебного заведения между Народным Правительством города Шэньчжэня, Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова и Пекинским политехническим институтом от 11.08.2014 г. // Совместный российско-китайский университет : сайт. URL : http://msuinchina.org/docs/ (дата обращения: 03.12.2018).

вопросам международной академической мобильности ответы студентов распределились следующим образом: половина опрошенных (49,5%) отметили, что располагают информацией, но она недостаточна для принятия решения; 22,5% считают, что зачастую отсутствует необходимая информация; только 15% опрошенных студентов информированы в достаточной степени (таблица 7).

Таблица 7

Мнение студентов, которые находились на момент проведения анкетирования на обучении в Ляонинском университете (КНР), об информированности по вопросам международной академической мобильности», в %

№ п/п	Варианты ответов	Доля в %
1.	Информирован в достаточной степени	15,0%
2.	Располагаю информацией, но она недостаточна для принятия решения	49,5%
3.	Зачастую отсутствует необходимая информация	22,5%
4.	Другое	8,0%
5.	Затрудняюсь ответить	5,0%
Всего		**100,0%**

Необходимо подчеркнуть, что международная академическая мобильность задает новый уровень стандартов в образовательной сфере, а также является одним из факторов повышения конкурентоспособности высшего учебного заведения на международном уровне образовательных услуг.

Проведенное исследование, кроме того, позволило оценить важность международного взаимодействия не только между самими странами, но и между отдельными регионами России и Китая. Признавая достоинства сетевого территориально-дифференцированного подхода к изучению региона «…как сложноструктурированной территориальной, экономической и социокультурной системы, преследующей собственные интересы и цели развития и не имеющей при этом политического суверенитета»[234], подчеркнем потребность в более глубоком исследовании научно-образовательной составляющей в сетевом взаимодействии российских и китайских вузов, в целом, регионального развития (принимая во внимание тот факт, что Иркутская область находится территориально близко к восточному региону, в частности, к Китаю).

[234] Рязанцев И. П. Экономическая социология региона // Социология регионального и городского развития : сб. ст. / под ред. И. П. Рязанцева. М. 2006. С. 15.

В качестве другого примера приведем модель сетевого взаимодействия региональных вузов России и Вьетнама в Казанском национальном исследовательском технологическом университете, предложенную А. Н. Безруковым и Р. Ш. Уразбаевым, которые полагают, что существует «возможность переноса модели и накопленного опыта сетевого взаимодействия из одной страны в другую при условии адаптации и оптимизации используемых подходов и решений»[235]. В число «узлов» сети ученые включают: «университеты, различные фонды и грантовые организации, локальные административные органы и промышленные предприятия»[236], сетевые связи образуются благодаря мероприятиям академической мобильности и интернационализации вуза: «обмен делегациями, подписание соглашений, гостевые лекции, совместные конференции, долгосрочный и краткосрочный обмен преподавателями и студентами, программы двойных дипломов и т.д.»[237]. Несомненная заслуга авторов состоит в том, что они выделяют четыре уровня сетевого взаимодействия: «1) намерения и декларации (обмен делегациями, протоколы о намерениях, планы: создается «костяк» сети); 2) рост и развитие (рост сети, увеличение числа партнеров и совместных проектов, попытки реализации любых привлекательных форм академической мобильности); 3) оптимизация (перестройка сети, отсев неэффективных партнеров и форм взаимодействия); 4) устойчивое партнерство (сеть построена, в рамках сети реализуются долгосрочные взаимовыгодные проекты, такие как программы двойных дипломов)[238]. Приведенный опыт важно учитывать в развитии сетевого взаимодействия российских и китайских вузов при оценке состояния международной академической мобильности.

Формирование международной академической мобильности на данном этапе развития необходимо не только для интеграции Российской Федерации в мировое научно-образовательное пространство, но и для создания новых

---

[235] Безруков А. Н., Уразбаев Р. Ш. Сетевое взаимодействие в высшем образовании: Россия, Вьетнам, Китай // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9-1. С. 205.
[236] Там же. С. 205.
[237] Там же. С. 205.
[238] Безруков А. Н., Уразбаев Р. Ш. Сетевое взаимодействие в высшем образовании: Россия, Вьетнам, Китай // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9-1. С. 205.

стандартов международной деятельности, которые позволят будущим выпускникам как на региональном, так и на мировом уровне претендовать на более достойные трудовые должности.

Охарактеризуем особенности формирования и реализации территориально-дифференцированного подхода, значение которого в современных условиях существенно повышается как «*сетевого территориально-дифференцированного подхода*» в процессе интернационализации высшей школы в российских регионах. На сегодняшний день фактически сформирована сеть федеральных, национальных исследовательских и опорных университетов, созданная по территориально-дифференцированному принципу согласно округам Российской Федерации (в Северо-Западном ФО: 2 федеральных университета, 4 национальных исследовательских университета, 6 опорных вузов; в Центральном ФО: 12 национальных исследовательских, 7 опорных, федеральные университеты отсутствуют; *в Южном ФО*: 2 федеральных, 4 опорных, национальные исследовательские отсутствуют; *в Северо-Кавказском ФО:* 1 федеральный, национальные исследовательские и опорные вузы отсутствуют*; в Приволжском ФО:* 1 федеральный, 8 национальных исследовательских, 8 опорных; *в Уральском ФО*: 1 федеральный, 1 национальный исследовательский, 2 опорных; *в Сибирском ФО*: 1 федеральный, 4 национальных исследовательских, 6 опорных; *в Дальневосточном ФО*: 2 федеральных, национальные исследовательские и опорные вузы отсутствуют). Продолжается реализация проекта Минобрнауки РФ «Опорный университет», федеральная целевая программа развития образования на 2016-2020 г. определяет сроки формирования сети опорных региональных университетов, имеющих огромное значение для социально-экономического и промышленного развития субъектов Российской Федерации[239]. В настоящее время делаются активные шаги в отношении формирования и развития государственных научных центров, научных школ и научных направлений мирового уровня, в том числе создание 15 и более образовательных центров мирового уровня на базе

[239] О Федеральной целевой программе развития образования на 2016-2020 годы : постановление Правительства РФ от 23.052015 г. № 497 // Собр. законодательства РФ. 2015. № 22. Ст. 3232.

интеграции институтов и научных учреждений и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики[240]. *Данный шаг свидетельствует о поступательном развитии науки и образования по пути создания новых сетей мирового уровня*.

Исследования показали разноуровневое внедрение составляющих сетевого территориально-дифференцированного подхода в практику взаимодействия вузов с работодателями в условиях отдельного региона. Каким образом соотносится выделенное число вузов с их статусом по федеральным округам РФ с задачами регионального развития? Если посмотреть на классификацию взаимосвязей регионов, федеральных университетов, национальных исследовательских университетов и опорных университетов по федеральным округам РФ, то видится важным рассмотреть их под углом зрения типологий самих регионов по такому признаку как уровень их развития: «дотационные регионы»; «экономически развитые регионы»; «регионы с высоким потенциалом инновационного развития»[241]. В качестве примера можно привести Сибирский федеральный округ. Так Читинская область, Республика Тыва относятся к дотационным регионам; Красноярский край, Кемеровская область и Иркутская область по своим характеристикам принадлежат к экономически развитым регионам, между тем Томская и Новосибирская области, Алтайский край обозначаются как регионы с высокой потенциальной возможностью инновационного развития[242]. Необходимо особо выделить, что лишь один федеральный университет, расположенный в г. Красноярске, создан на весь Сибирский федеральный округ, который объединил в себе 5 вузов одного города; 4 национальных исследовательских университетов и 6 опорных вузов. Не совсем благоприятная обстановка по взаимосвязи «вуз↔регион» происходит в Дальневосточном федеральном округе: полное отсутствие национальных исследовательских, опорных университетов и наличие

---

[240] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс] : указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102468157 (дата обращения: 15.09.2018).

[241] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития РФ) // Офиц. сайт информационно-правового портала «Гарант» [Электронный ресурс]. – URL : http://base.garant.ru/70309010/#block_13 (дата обращения: 12.08.2018).

[242] Там же.

только 2 федеральных университетов. Наблюдаемая тенденция к снижению числа опорных университетов с запада на восток в условиях существования крупнейших образовательных и научных центров – университетов Сибири (например, Иркутского государственного университета) и Дальнего Востока (например, Тихоокеанского государственного университета) вызывает серьезные опасения.

С точки зрения социально-экономической характеристики регионов Сибирь и Дальний Восток считаются территориями опережающего развития (эпицентрами экономического роста). Для таких регионов требуется особый государственный подход к учету взаимодействия вузов и регионов, кроме этого, взаимосвязь «вуз↔работодатель↔регион» заслуживает немалой важности. Установлено по результатам анализа статистических данных, что в вузах Дальневосточного федерального округа подавляющее большинство (93%) иностранных граждан обучается из стран Азии[243]. В частности, А. Е. Зубаревым было правильно отмечено, что международная приграничная интеграция РФ и КНР, значимым участником которой является Тихоокеанский государственный университет, образует необходимые условия для эффективного функционирования территории опережающего социально-экономического развития, что отвечает стратегическим и тактическим ориентирам государственной политики России[244]. Очевидно, что существующее положение дел с точки зрения формирования институциональных условий и развития институциональных инструментов и механизмов для углубления интеграционных процессов на международном, федеральном и региональном уровнях, расширения международной академической мобильности, как и международного сотрудничества в целом, видится недостаточно оправданным в масштабе столь больших и перспективных регионов.

На наш взгляд, на смену представлений о регионе как сложной и целостной социально-экономической системе приходят новые воззрения о многоуровневых

---

[243] Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации [Электронный ресурс] : стат. сб. Министерство образования и науки РФ. М. : Социоцентр, 2015. Вып. 12. 196 с. URL: http://socioprognoz.ru/files/File/2015/Arefiev_Sb12_2015_001_200_ispr2.pdf (дата обращения: 01.03.2018).

[244] Зубарев А. Е. Стратегическая роль университета в формировании территории опережающего развития как фактор реиндустриализации экономики // Стратегии бизнеса. 2016. № 4. С. 10–14.

сетевых взаимодействиях между субъектами, а также между ведущими социальными структурами и институтами внутри регионов. В качестве перспективной видится методология социологического исследования российских регионов дифференцированных по видам: «центр», «полупериферия», «периферия: сырьевые регионы» + «периферия: национальные окраины». Данную типологию регионов мы характеризуем как «классическую», позволяющую отличать регионы по уровню их развития и ресурсной базе. В настоящее время, по мнению С. П. Лапаева, «…новая типологизация регионов РФ имеет большое значение для того, чтобы сформулировать общие принципы региональной политики и ее дифференциации с учетом особенностей того или иного региона»[245], в связи с чем отечественный ученый предлагает авторскую типологизацию российских регионов на основе инновационного подхода (таблица 8)[246].

Таблица 8

Типология российских регионов при переходе к инновационному развитию по С. П. Лапаеву (2014 г.)[245]

Основные ресурсы	**Финансовые ресурсы**	Регионы, не имеющие условий для внедрения новых технологий	Регионы, внедряющие в производство традиционные технологии	Регионы, осуществляющие переход от традиционных к новым технологиям
	Сырьевые ресурсы	Дотационные регионы	Регионы-доноры	Регионы с высокой концентрацией финансовых ресурсов
		Депрессивные регионы, бывшие промышленные центры	Регионы нового промышленного освоения	Нефте-газодобывающие регионы (благоприятные условия для роста в период «высокой» экономической конъюнктуры)
		низкий	***средний потенциал роста***	***высокий***

Очевидно, что *от уровня развития региона и качества жизни его населения непосредственно зависит и реализация стратегий интернационализации высшей школы в современных условиях.* В этой связи оправданным видится и применение стратификационного подхода. *В перспективе предполагаем, что одним из основных показателей качества жизни населения в регионе может стать такое основание как международная академическая мобильность. Данный показатель*

[245] Лапаев С. П. Типологизация регионов России: инновационный подход // Вестн. ОГУ. 2014. № 8. С. 101.
[246] Там же. С. 103.

уже сейчас отражен в системе критериев оценки эффективности деятельности образовательных организации. Вызовы современности только усилили неравенство в изначальных позициях субъектов, их ресурсных и иных возможностях при реализации своего потенциала в научно-образовательном плане, в особенности на международной уровне.

Развитие международной академической мобильности в вузах российских регионов, несомненно, является иллюстрацией процесса глокализации. Международные процессы, протекающие в российских вузах, характеризуются неоднородностью развития в зависимости от социально-экономических и иных условий отдельных российских регионов (включая их географическое положение). Более рельефно обозначенный процесс прослеживается по анализу статистических данных Центра социологических исследований Минобрнауки РФ. Выявлено, что наиболее интенсивно процесс интернационализации высшей школы реализуется на базе государственных вузов двух мегаполисов, расположенных в центральной части России – г. Москва и г. Санкт-Петербург. На основании сравнительного анализа общей численности иностранных граждан (студентов, стажеров, интернов, ординаторов, докторантов, слушателей подготовительных отделений), обучавшихся в российских вузах по очной форме в 2015/2016 уч. г., в региональном разрезе можно сделать вывод о том, что на первом месте среди университетов (принимающей стороны) Российский университет дружбы народов (8246 чел.), на втором месте – Санкт-Петербургский государственный университет (5230 чел.), на третьем – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (4507 чел.)[247].

В целом, в Центральном федеральном округе в 2015/2016 уч. г. иностранных студентов обучали в 271 вузе. Для сравнения, в Сибирском федеральном округе - 82 вуза, в Уральском – 50 вузов, в Дальневосточном федеральном округе – 29 вузов[248]. Почти половина всех иностранных граждан (43,6%) проходили обучение

---

[247] Экспорт российских образовательных услуг [Электронный ресурс] : стат. сб. / Министерство образования и науки РФ. М. : Социоцентр, 2017. Вып. 7. 496 с. URL : http://fgosvo.ru/uploadfiles/metod/Arefiev_SB_7_Page_001_496_El_Book_22_11_17.pdf (дата обращения: 01.03.2018).

[248] Численность обучающихся, педагогического и преподавательского персонала, потенциального числа образовательных организаций всех уровней образования: прогноз до 2035 года [Электронный ресурс] / авт.-сост.

в вузах Центрального федерального округа, на долю Сибирского ФО пришлось 14,4%, Уральского ФО – 3,4%, Дальневосточного- 2,7%[249], что также свидетельствует о неравномерной степени реализации входящей международной академической мобильности в вузах российских регионов по территориально-дифференцированному признаку. Для проведения анализа специфики международной академической мобильности в вузах российских регионов, более точного и наглядного понимания масштабов изучаемого социального процесса мы реализовали метод социального картирования и нанесли статистическую информацию на карту РФ по федеральным округам (рисунок 2).

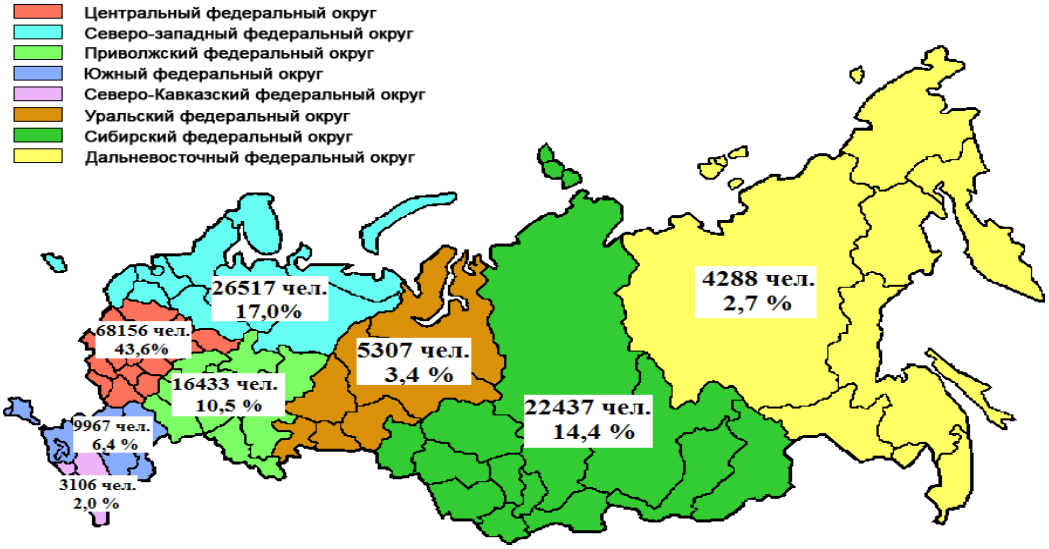

Рисунок 2 - Численность и доля иностранных граждан, обучающихся в российских вузах по федеральным округам РФ в 2013-2014 уч. г.

Низкий уровень входящей мобильности зафиксирован в тех регионах, где отсутствуют национальные исследовательские и опорные вузы, либо они представлены в единичном числе.

Практически все основные принципы региональной политики в социально-экономической сфере на современном этапе подразумевают подготовку высококвалифицированных кадров, согласно мировым стандартам. Очевидно, что для устойчивого развития региону важно делать ставку не только на повышение своего экономического уровня, но и сохранять и преумножать интеллектуальное

Ф. Э. Шереги [и др.]. М. : ЦСП и М., 2017. 408 с. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/2018/Prognoz_2017_22_01_18_001_408.pdf (дата обращения: 01.03.2018).

[249] Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации [Электронный ресурс] : стат. сб. Министерство образования и науки РФ. М. : Социоцентр, 2015. Вып. 12. 196 с. URL: http://socioprognoz.ru/files/File/2015/Arefiev_Sb12_2015_001_200_ispr2.pdf (дата обращения: 01.03.2018).

богатство через показатель качества образования его жителей. Развитие институтов международной академической мобильности также будет способствовать ускорению социально-экономического развития России и ее регионов. Однако по результатам исследований мы отмечаем низкий уровень заинтересованности работодателей в специалистах с высшим образованием международного уровня (на примере Иркутской области).

С позиции сетевого подхода и реализации принципов международной академической мобильности в региональном аспекте заслуживают внимание данные экспертного опроса работодателей Иркутской области, проведенного в рамках мониторингового исследования на протяжении пяти лет с 2013 г. по 2017 г. (опрошено в 2013 г. - 117 экспертов; в 2014 г. – 117 экспертов; в 2015 г. – 117 экспертов; в 2016 г. – 163 эксперта; в 2017 г. – 148 экспертов). Исследования показали отсутствие ориентаций при приёме на работу на выпускников, проходивших обучение за рубежом по программам обмена и сотрудничества в образовательной и научной сферах у динамично развивающихся предприятий Иркутской области (50,4% в 2013 г.). Лишь 7,1% (в 2013 г.) и 9,4% (в 2017 г.) заявили о поддержке инициативы о расширении академической мобильности в системе высшего образования и лишь 3,7% (в 2013 г.) и 3,2% (в 2017 г.) отметили знания иностранного языка. В последнем случае речь шла и о навыках межкультурных коммуникаций в отношении молодых специалистов при приеме на работу. В подтверждение приведем мнение начальника отдела информационно-аналитического сопровождения инвестиционной деятельности Управления инвестиционного развития Минэкономразвития Иркутской области П. А. Борголова: *«Потребность в специалистах рабочих профессий на сегодняшний день многократно возросла. Все современные проекты, которые у нас сейчас в работе, так или иначе, связаны с инженерной и технической специальностями, однако, к сожалению, недооценивается необходимость иностранного образования. Для организаций региона поднятая проблематика на сегодняшний день не относится к числу значимых»*.

Типологический анализ веб-сайтов организаций Иркутской области

позволил нам разработать инструментарий, с помощью которого был определен уровень востребованности работодателями специалистов с высшим образованием международного уровня. Для проведения анализа обозначенной проблемы нами был сделан отбор ведущих организаций Иркутской области, которые реализуют инвестиционные проекты в регионе на срок до 2020 года. Среди основных показателей их деятельности, отраженных на сайтах, фиксировались следующие: 1) наименование крупных организаций, выполняющих инвестиционные проекты в Иркутской области на срок до 2020 года; 2) название инвестиционного проекта; 3) организационная структура и задачи предприятия, обеспечивающие выход на международный уровень; 4) уровень востребованности специалистов с высшим образованием международного уровня с учетом кадрового потенциала организации; 5) зарубежные партнеры организации; 6) российские вузы, в том числе расположенные в г. Иркутске, обеспечивающие кадрами данные предприятия.

В числе ведущих организаций Иркутского региона - 25 крупнейших предприятий, деятельность которых осуществляется на его территории: Иркутский авиационный завод, Иркутская нефтяная компания, «Иркутскэнерго», Фармасинтез, РУСАЛ, Тайшетский алюминиевый завод (ОК РУСАЛ), Саянскхимпласт, ООО «Газпром переработка» и др. Компании придерживаются сетевого подхода и отмечают непрерывность образования своих сотрудников: от школьной профориентации до направления на учебу в профильные вузы не только Иркутской области, но и вузы других городов. Также анализ показал, что первое время региональный работодатель не понимал, каким образом выстраивать политику по приему выпускников вузов в свою организацию, освоивших уровень бакалавриата и уровень магистратуры.

В Иркутской области реализуются программы развития вузов, другие стратегические документы, касающиеся положения данного субъекта РФ в части повышения качества кадрового и трудового потенциала Иркутского региона, а также эффективного решения его инвестиционных проблем на долгосрочную перспективу. Концептуальные положения документов отражают сдерживающие

факторы роста кадрового потенциала в регионе: «а) длительное отсутствие прогноза кадровой потребности в профессионально-квалификационном и территориальном аспектах; б) дисбаланс профессионально-квалификационной структуры спроса и предложения на рынке труда; в) низкий уровень взаимодействия работодателей с учреждениями профессионального образования, фрагментарное развитие сотрудничества на основе принципов государственно-частного партнерства; г) несформированность единого информационного пространства, курирующего состояние кадрового потенциала и др.»[250]. Всероссийские социологические исследования среди студентов выявили: в процессе перехода российских вузов на двухуровневую систему осталась нерешенной проблема отношения работодателей к дипломам бакалавра и магистра[251], что нашло свое подтверждение в наших исследованиях среди работодателей Иркутской области.

В сентябре-ноябре 2008 г. Институт международных организаций и международного сотрудничества НИУ ВШЭ по заказу НФПК и Федерального агентства по образованию РФ провел Всероссийское социологическое исследование «Внешняя оценка участия вузов РФ в Болонском процессе» в рамках проекта «Мониторинг участия российских вузов в Болонском процессе (подготовка национального доклада)», респондентами которого явились 864 чел., в том числе в фокус-группах и интервью - свыше 50 чел. Результаты подтвердили: возможную привлекательность диплома бакалавра по избранной специальности для потенциальных работодателей отметили только 2% участников опроса. «Не только среди работодателей, но и среди студентов, диплом бакалавра часто расценивается как часть, ступенька на пути к магистерскому диплому, как элемент некой общей неразрывной системы «4+2» (в противовес пятилетней системе). Поэтому переход из бакалавриата в магистратуру часто осуществляется студентами автоматически, момента выбора (идти ли в магистратуру, по какой

---

[250] Об утверждении Концепции развития кадрового потенциала Иркутской области на период до 2020 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Иркутской области от 31.03.2014 г. № 239-рп // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» в локальной сети Ин-та социал. наук Иркут. гос. ун-та.

251 Внешняя оценка участия вузов РФ в Болонском процессе [Электронный ресурс] : Всерос. социол. исследование // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : сайт. URL http://www.bologna.ntf.ru/DswMedia/report_bologna_2008.pdf (дата обращения: 26.09.2018).

специальности и в какой вуз) не возникает»[252]. Очевидно, что на состояние международной академической мобильности региональных вузов Российской Федерации значительное воздействие оказывают внутренние факторы.

Исследование показало: 39% опрошенных считают, что традиционный диплом специалиста дает им больше шансов быть принятыми на работу, значительная часть респондентов (48%) называют наиболее востребованным диплом магистра[253]. Таким образом, проведенные в 2008 году соцопросы выявили главную проблему, характеризующую начало Болонского пути российских вузов: «…диплом бакалавра продолжает восприниматься … как неполное, незаконченное высшее образование, «недоспециалист»[254]. Спустя 10 лет в российском обществе постепенно формируется устойчивое представление об образовательной траектории студентов по двухуровневой системе. По оценкам современных экспертов, большинство бакалавров стремятся реализовать стратегию непрерывного образования, а, поступив в магистратуру, успешно совмещают обучение в вузе и работу[255]. В связи с этим в последние годы отношение работодателей к выпускникам-бакалаврам постепенно меняется, востребованность выпускников первого уровня высшего образования на рынке труда с каждым годом возрастает.

При этом сами студенты проявляют невысокую степень интереса к программам международной академической мобильности (на примере Иркутской области), что показали опросы выпускников Института социальных наук Иркутского государственного университета 2000 – 2015 гг. выпуска (опрошено в 2013 г - 380 чел., в 2016 г. - 507 чел.). В исследовании были опрошены выпускники первой волны (2013 г.) следующих специальностей: «Социология» (110 чел.); «Менеджмент организации» (167 чел.); «Социальная работа» (103 чел.). Распределение по специальностям / направлениям подготовки во второй волне

---

[252] Внешняя оценка участия вузов РФ в Болонском процессе [Электронный ресурс] : Всерос. социол. исследование // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : сайт. URL http://www.bologna.ntf.ru/DswMedia/report_bologna_2008.pdf (дата обращения: 26.09.2018).
[253] Там же.
[254] Там же.
[255] Калашникова И. В., Бальцежак М. В. Исследование мотивов выбора образовательных траекторий выпускниками бакалавриата в Амурской области // Актуальные проблемы развития экономики и управления : сб. ст. Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2016. С. 11.

(2016 г.): «Социология» (141 чел.); «Менеджмент организации» (191 чел.); «Социальная работа» (175 чел.). Специально разработанный инструментарий, учитывающий требования Минобрнауки РФ (2013 г., с корректировками от 2016 г.) к мониторингам трудоустройства выпускников, лег в основу анкетного опроса, который осуществлялся с использованием трех основных каналов связи: 1) телефонный опрос (традиционного характера); 2) опрос по электронной почте (sociolab@bk.ru – официальный адрес социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ИГУ); 3) опрос по социальным сетям (Вконтакте, Одноклассники, Facebook)[256].

Подавляющее большинство опрошенных выпускников (84,5% - в 2013 г. и 85,6% - в 2016 г.) указали, что в период обучения они не были ориентированы на международную академическую мобильность, что отражает проблему незаинтересованности или ограниченной доступности международной академической мобильности для широкого круга студентов (сложность в поиске информации и оформлении документов, языковые барьеры, финансовые и бытовые трудности). О поддержке государственной инициативы по расширению академической мобильности в сфере высшего образования в 2013 г. отметили всего 5,3% и почти четверть выпускников (23,8%) в 2016 г.[257]. Результаты опроса позволили выявить отсутствие четко выраженной ориентации на углубление студентами уровня профессионализации с использованием международного опыта. Следует отметить противоречивый характер проблемы: незначительная часть студентов, активное участвующих в программах международной академической мобильности, зачастую рассматривают такие возможности как инструмент содействия их эмиграции или способа личной интеграции в научно-образовательное сообщество Европейского Союза, что обостряет региональные и общероссийские кадровые проблемы, ведет к неравному сетевому взаимодействию «российский вуз↔зарубежный вуз»[258].

---

[256] Институт социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ» [Электронный ресурс] : сайт. URL : http://socio.isu.ru (дата обращения: 19.09.2018).
[257] Там же.
[258] Барсукова А. В., Жуковский И. И. Международная деятельность университетов (на примере Европы) // Вестн. МГИМО-Университета. 2013. № 1. С. 68.

Детальное изучение механизмов развития региональной системы высшего образования позволило сделать вывод о том, что дальнейшее развитие международной академической мобильности невозможно без осуществления территориально-дифференцированного подхода[259], с учетом его сетевой составляющей.

Специфика международной академической мобильности наиболее ярко проявляется в так называемых «международных регионах» России. Такие регионы отличаются высоким уровнем международного сотрудничества, связанного с реализацией приоритетов регионального развития. «Международные регионы» рассматриваются в качестве региональных научно-образовательных центров, конкурентоспособных в мировом научно-образовательном пространстве.

Ведущие российские ученые определяют два основных вида «международных регионов» - транснациональные и трансграничные, отвечающих следующим отличительным признакам «международного региона»: непрерывность территории; наличие органов управления (от совещательных до директивных, решения которых оформлены в виде международных договоров, имеющих приоритет перед национальным законодательством); тесные экономические связи[260]. Обозначенные виды «международных регионов», в свою очередь, классифицируются на социально-культурные, экономические и политические[261] в зависимости от однородно проявляющихся признаков, состава населения, уровня экономической специализации и интеграции формирующих субъектов.

В целях проведения сравнительного анализа процесса международной академической мобильности в сетевом взаимодействии российских вузов Сибири и Дальнего Востока с китайскими вузами, обратимся к примеру ведущего «международного региона» в западной части России – Балтийского региона,

---

[259] Сводные предложения Российского Союза ректоров по критериям и процедурам мониторинга эффективности вузов 2014 года [Электронный ресурс] // Российский союз ректоров : сайт. URL: http://www.rsr-online.ru/doc/!2014/02/03/1.pdf (дата обращения: 30.08.2018).

[260] Корнеевец В. С. Международные транснациональные и трансграничные регионы: признаки, особенности, иерархия // Вестн. БФУ им И. Канта. 2010. № 1. С. 27.

[261] Корнеевец В. С. Международные транснациональные и трансграничные регионы: признаки, особенности, иерархия // Вестн. БФУ им И. Канта. 2010. № 1. С. 27.

рассмотрим его основные формы международного научно-образовательного сотрудничества с европейскими вузами. Научным сообществом Балтийского федерального университета им. И. Канта (Ю. В. Баранова, А. В. Барсукова, Т. Р. Гареев, И. И. Жуковский, А. П. Клемешев, В. С. Корнеевец и др.) широко исследуется развитие трансграничного взаимодействия (в форме, прежде всего, еврорегионов, получивших на Балтике широкое распространение)[262]. Необходимо отметить, что трансграничная регионизация в западной части России активно поощряется Европейский союзом (вследствие своего географического расположения Калининградская область обладает существенным значением для налаживания связей России с Европейским Союзом, а Балтийский Федеральный Университет имени И. Канта выступает в качестве ведущей академической площадки в западной части России[263]), поэтому Европа стимулирует широкую реализацию таких новых пространственных форм международной экономической интеграции, как еврорегионы, «большие регионы», «треугольники роста»[264]. Однако на современном этапе развития международных отношений в России такие формы сотрудничества пока носят формальный и скорее теоретический характер в силу неразработанности в должной степени концепции трансграничных территорий и, в целом, теории регионообразования в России. Известно, что усилению сетевых взаимодействий российских вузов с европейскими вузами способствовал Болонский процесс. Между тем, по результатам контент-анализа проблем международной академической мобильности, отраженных в заголовках научных статей (согласно зарубежным источникам – «Journal of studies in international education» [265] (США) (№1) и «Higher education»[266] (Нидерланды) (№2) по данному и последующим периодам (2003 – 2014 гг.), было выявлено, что Болонский процесс для россиян имел бóльшее событийное значение, чем для европейцев (так, девизом ряда известных

---

[262] Там же.

[263] Жуковский И. И., Баранова Ю. В. Международное научное и образовательное сотрудничество на Балтике // Высш. образование в России. 2011. № 5. С. 85, 83.

[264] Корнеевец В. С. Указ. соч. С. 27.

[265] Journal of Studies in International Education [Electronic resource] / Association for Studies in International Education. URL : http://jsi.sagepub.com (дата обращения: 15.05.2018).

[266] Higher Education [Electronic resource] : the International Journal of Higher Education Research. URL : http://link.springer.com/journal/10734 (дата обращения: 15.05.2018).

программ, таких как «Erasmus Mundus», стал «Привести студентов в Европу; принести Европу всем студентам»[267]). Мы констатируем, что открытость и стратегически ориентированные образовательные ресурсы системы европейского высшего образования обусловили ее привлекательность. Отметим, что на всех этапах вхождения российской образовательной системы в Болонский процесс не прослеживалась реализация сетевого территориально-дифференцированного подхода, учитывающего в той или иной степени отличительные черты регионального развития и ресурсные возможности регионов. Налицо проявление научно-образовательного типа международной академической мобильности.

В качестве еще одного примера рассмотрим регион Дальневосточного федерального округа РФ – Хабаровский край. По мнению отечественных ученых, в последние годы «…стало формироваться понимание истинной особой роли Дальнего Востока в судьбе будущей России»[268], что обусловлено геополитическим положением региона и его близостью к Азиатским странам. В этой связи можно говорить об усилении восточного (азиатского) вектора в развитии высшей школы (преимущественно в г. Хабаровске и г. Владивостоке), который имеет общегосударственное значение.

Ряд современных ученых акцентируют отдельное внимание на особой роли высшего учебного заведения в защите российских интересов в особом, эксклавном регионе России[269], подчеркивая важность экспорта российских образовательных услуг, обучения иностранцев русскому языку, демонстрации российских инновационных технологий и решений и др.[270].

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что несмотря на то, что международная академическая мобильность в России еще не получила массового распространения, но с каждым годом возрастает все больший интерес к данному социальному процессу.

---

[267] Erasmus+ [Electronic resource] // European Commission : official site. URL : http://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/node_en (дата обращения: 10.10.2018).

[268] Лобода О. В., Ярулин И. Ф. Этнический сдвиг на Дальнем Востоке России // Регионалистика : электрон. науч. журн. 2014. Т.1, №1. С. 33–38. URL : http://regionalistica.org/images/2014-01.pdf#page=33 (дата обращения: 05.09.2018).

[269] Жуковский И. И., Баранова Ю. В. Международное научное и образовательное сотрудничество на Балтике // Высш. образование в России. 2011. № 5. С. 83.

[270] Там же.

Таким образом, делается вывод, что с 2003 по 2018 гг. формировалась теоретическая основа для развития международной академической мобильности, между тем, наметившиеся тенденции говорят о том, что переход на «профессионально-активный» уровень международной академической мобильности в России до сих пор не осуществлен («профессионально-образовательный», «регионально-образовательный»). Исключение составляют лишь ряд ведущих вузов страны, расположенных в «международных регионах». Кроме того, за указанный период установился формат международной деятельности и степень участия учебного заведения в международных отношениях[271], это подтверждают в частности результаты международной деятельности с китайскими вузами Иркутского государственного университета. Как отмечает В. В. Радаев, «…общение с зарубежными коллегами в новых условиях может быть даже активнее, нежели общение между коллегами из разных российских регионов и даже внутри одного региона»[272]**.** Следует обратить внимание на тип взаимосвязи «вуз↔работодатель↔регион», когда участие высшего учебного заведения в сфере международной академической мобильности значительно повышает его «рейтинг» и престиж среди иных вузов и в глазах работодателей, а для выпускников повышает их конкурентоспособность на региональном и международном рынках труда.

Учитывая вышеизложенное, подчеркнем, что осуществление возможностей сетевого территориально-дифференцированного подхода в рамках сетевого взаимодействия высших учебных заведений России и Китая, безусловно, будет содействовать увеличению эффективности региональной политики и созданию нового направления интернационализации, выходящего за рамки европейского воздействия и характеризующегося открытостью по отношению к иным системам образования.

---

[271] Певзнер М. Н., Ширин А. Г. Международная деятельность вуза как средство интернационализации вузовской науки // Успехи соврем. естествознания. 2007. № 13. С. 63–65.
[272] Радаев В. В. Российская социология в поисках своей идентичности // Социол. исслед. 2013. № 7. С. 14.

2.2 Факторы формирования международной академической мобильности в сетевом взаимодействии вузов на региональном уровне

В современных условиях развитие сетевого взаимодействия российских вузов с зарубежными выступает в качестве одной из важных и актуальных задач государственной политики в сфере высшего образования не только на федеральном, но и на региональном уровне. Развитие совместных образовательных и научно-исследовательских программ и проектов открывает возможности для роста академической мобильности студентов и профессорско-преподавательского состава вузов, создания новых совместных научных коллективов для проведения научных исследований мирового уровня. В этом видятся одни из главных преимуществ сетевого взаимодействия. Преимущества сетевого взаимодействия в сфере высшего образования видятся также в минимизации издержек, связанных с повышением качества образования, квалификацией кадров, укреплением партнерских отношений и проч. Согласованность действий в партнерских отношениях сторон – отличительная черта сетевой структуры. Переход к сетевой модели управления, как показали исследования, предопределен интеграцией университетов в мировое научно-образовательное пространство. Об особенностях сетевого взаимодействия свидетельствует и жизнеспособность сетевых университетов, их конкурентоспособность и востребованность на рынках труда и образования.

Отечественный опыт показывает, что в процессе непрерывной социально-экономической модернизации российских регионов, с одной стороны, повышается значение институтов науки и образования, с другой, актуализируется проблема региональной поддержки, необходимой вузу для эффективной реализации программ его стратегического развития. Вместе с тем наблюдается усложнение региональных связей, которое отражается на сетевом взаимодействии «вуз↔работодатель↔регион» и неизбежно вызывает увеличение требований к преобразованию социальных институтов и систем.

Полагаем, что на усложнение взаимосвязей и взаимозависимостей в масштабах региона влияет как внутренний фактор, проявляющийся через

программы стратегического развития регионов РФ (внутриполитическая динамика), так и внешний фактор глобальных вызовов и условий адаптации к ним (внешнеполитическая динамика). Подробнее рассматривая каждый из обозначенных факторов, следует акцентировать внимание на нарастающую дифференциацию внутри научно-образовательного пространства региона и между самими регионами в стране, проявляющуюся в разном уровне развития вузов и стремлении вузов с более низкими показателями соответствовать вузам с более высокими показателями. Очевидно, что сложившаяся ситуация отражает один из важнейших внутренних факторов активизации и расширения международной академической мобильности в вузах российских регионов. В этой связи, Г. А. Краснова справедливо замечает, что «…самостоятельность вуза является решающим фактором в вопросе разработки и реализации совместных образовательных программ с зарубежными образовательными учреждениями»[273]. В числе ключевых причин усложнения региональных связей нами рассматриваются не только современные международные вызовы, но в первую очередь становление новых принципов реализации многовекторных научно-образовательных, профессионально-образовательных и регионально-образовательных стратегий ведущих субъектов высшего образования и регионального развития. Считаем, что учитывать существующие различия российских вузов по их встраиванию в сетевые взаимодействия при решении актуальных социально-экономических задач и проблем инновационного развития региона и страны позволит предложенный нами сетевой территориально-дифференцированный подход.

Известно, что Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, определяя основные приоритеты социально-экономического развития страны, нацелена на обеспечение

[273] Краснова Г. А. Сетевое взаимодействие вузов: сравнительный анализ подходов к реализации совместных образовательных программ в Китае и России // Вестник РУДН. Сер. Информатизация образования. 2016. № 3. 126-138.

сбалансированного социально-экономического развития регионов[274]. Одновременно в сфере высшего образования отчетливо проявляются тенденции к поиску новых ориентиров для прорывного развития. Однако происходящие перемены носят противоречивый характер, подтверждением чего являются данные всероссийского социологического исследования, проведенного в мае 2013 г. АНО «Левада-Центр» (в опросе приняло участие 1600 россиян из различных регионов страны)[275]. На ключевой вопрос «Как Вы считаете, меры, которые сейчас предпринимает правительство, приближают или отдаляют систему образования от той модели, которая, по Вашему мнению, необходима для России?» - ответы распределились таким образом: значительная часть опрошенных россиян (35%) отметили «скорее отдаляют», 16% ответили, что «скорее приближают», в то время как 11% респондентов категорично утвердили - «определенно отдаляют»[276]. Результаты проведенного социологического исследования позволяют констатировать, во-первых, различие мнений респондентов о предпринимаемых государством мерах, направленных на развитие существующей модели высшего образования; во-вторых, незавершенность процессов интеграции российских вузов в мировое научно-образовательное пространство.

Несомненно, успешная реализация потенциала развития регионов должна быть обеспечена последовательным осуществлением государственной региональной политики, что позволит преодолеть проблемы инфраструктурных и институциональных ограничений, адаптировать региональную экономику к возникающим изменениям, развить имеющийся человеческий капитал региона, использовать возможности взаимодействия органов государственной власти разных уровней с представителями бизнеса и общественных структур.

По нашему мнению, в системе взаимосвязей и взаимозависимостей «вуз↔работодатель↔регион», на сегодняшний день отсутствуют эффективные институциональные механизмы международной компоненты, что, несомненно,

---

[274] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] : утв. распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» в локальной сети Ин-та социал. наук Иркут. гос. ун-та.

[275] Левада-Центр [Электронный ресурс] / Автономная некоммерческая организация Аналитический Центр Юрия Левады : сайт. URL : http://www.levada.ru (дата обращения: 28.03.2018).

[276] Там же.

выступает институциональным ограничением. Российские исследователи А. Ю. Слепухин, Л. С. Костюченко опасаются, что универсализация образования может запустить процесс его централизации при наличии противоречий между развитием центра и провинций[277].

Регионы развиваются неравномерно, что усложняет межрегиональные связи, усиливая неоднородность развития социальных, производственных сфер и инфраструктуры регионов и формируя выбор значимых ресурсных возможностей специалистами разного профиля, особенно молодыми.

Преодоление накопившихся в этой сфере проблем федерального и регионального уровня – приоритетная задача государства, реализуемая с начала 2000-х годов. Многие российские социологи, отмечая в своих трудах неравномерное социально-экономическое развитие регионов, описывая процессы дифференциации и интеграции регионов с последующей их консолидацией, опираются на термин «конвергенция»[278], который В. В. Воронов определяет как «процесс сближения экономических параметров регионов до определенного уровня»[279]. Он подчеркивает необходимость создания возможности для более быстрого развития слабых регионов[280], что в перспективе приведет к постепенному выравниванию уровней экономического развития регионов, обеспечит претворение в жизнь взвешенной политики укрупнения регионов[281].

Важными внутренними факторами, усложняющими разносторонние межрегиональные связи являются тенденции развития региональной профессионально-отраслевой и социально-производственной сферы, а также активно развивающиеся процессы реорганизации высшей школы, наблюдаемые в последние годы. Комплексное решение проблем регионов напрямую зависит от уровня развитости институциональных механизмов, обеспечиваемого прочным

---

[277] Слепухин А. Ю., Костюченко Л. С. Трансформация образовательной политики в Европе на современном этапе // Власть. 2011. № 10. С. 151–154.
[278] Воронов В. В., Лавриненко О. Я., Сташане Я. В. Оценка динамики межрегиональных различий (Европейский опыт) // Социол. исслед. 2014. № 1. С. 30.
[279] Там же. С. 30.
[280] Воронов В. В., Лавриненко О. Я., Сташане Я. В. Оценка динамики межрегиональных различий (Европейский опыт) // Социол. исслед. 2014. № 1. С. 31.
[281] Там же. С. 38.

взаимодействием производственных площадок с научными центрами и вузами, активизирует в российских вузах международную академическую мобильность.

Высшая школа в своем развитии на современном этапе учитывает процесс регионализации (Н. А. Лоншакова, Б. С. Павлов, Н. И. Разикова, А. А. Сиражетдинова)[282]. Бесспорно, это позволяет регионам более комплексно реализовывать кадровую политику и наращивать кадровый потенциал региона: «региональная образовательная политика все больше начинает детерминироваться региональными проблемами занятости и трудоустройства населения, миграции… каждый регион призван создавать свою собственную систему образования, не противоречащую общероссийской…»[283]. В. В. Воронов, Э. Э. Рачко, Э. К. Бийжанова представляют новейшие теории развития региональной конкурентоспособности. Так, В. В. Воронов, рассматривая регион как экономико-географическую единицу, обращает внимание на то, что именно «кластеризация экономики» и «маркетинг территории» позволят повысить конкурентоспособность регионов, предлагает учитывать не только региональное географическое положение, его климатические особенности и природные ресурсы, но и инвестиционный имидж, развитость менеджмента, уровень образованности населения и др. [284]. И. Б. Бритвина и Л. Э. Старостова считают, что «…российские города и регионы в новых экономических условиях стали нуждаться в имиджевой и репутационной самоидентификации … Геобрендинг как коммуникационная стратегия направлен на обеспечение комплексности и наглядности дифференциации территории во много за счет создания ее социокультурного портрета»[285]. В трудах социолога Л. И. Найденовой конкурентоспособность вузов разных регионов представлена как «…интегральная характеристика, которая выражается через способности вузов к сохранению занятых позиций на рынке образовательных услуг, а также через

---

[282] Павлов Б. С., Лоншакова Н. А., Разикова Н. И. Регионализация профессионального образования: динамика предложения и спроса // Журн. Экон. теории. 2012. № 2. С. 157–169.
[283] Там же. С. 157.
[284] Воронов В. В., Рачко Э. Э., Бийжанова Э. К. Оценка конкурентоспособности регионов и управление факторами ее повышения (опыт Евросоюза на примере Латвии) // Социол. исслед. 2012. № 5. С. 74.
[285] Бритвина И. Б., Старостова Л. Э. Брендинг территории: проблема поиска ценностных оснований // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 3. С. 163, 166.

востребованность выпускников вуза на региональном рынке труда»[286]. Несомненно, образовательная политика регионов на современном этапе должна активно влиять на рынок труда, формируя спрос на высококвалифицированных специалистов, в том числе международного уровня, а также повышая конкурентоспособность предложений на рынке образовательных услуг региона. Необходимо учитывать, что на динамику развития регионального спроса и предложения оказывает влияние комплекс факторов, включающий в себя не только уровень социально-экономического развития региона и его инфраструктуры, совокупности всех его потенциалов, но и особенности географического положения региона.

Отметим, что за последнее десятилетие значительно изменились институциональные условия, появились новые механизмы, вследствие чего структурные преобразования происходят в региональном научно-образовательном пространстве. Эффективная взаимосвязь между наиболее развитыми научно-образовательными центрами осуществляется благодаря государственно-частному партнерству (О. В. Гаман-Голутвина, А. П. Клемешев, В. А. Смирнов, А. Ю. Шутов)[287], в рамках которого реализуются онлайн-механизмы, являющиеся результатом процесса активизации международной академической мобильности в регионе, при этом не учитывается отдаленность региона от центров международной интеграции. В регионе накоплен опыт участия выпускников вузов в грантовых программах, например, программе РФФИ «Мобильность» для молодых ученых или программам академической мобильности Фонда Михаила Прохорова, который оплачивает такие перемещения в научно-образовательном пространстве на территории отдельных регионов России[288], ставший возможным благодаря развитию институциональных механизмов международной академической мобильности.

---

[286] Найденова Л. И. Конкурентоспособность регионального вуза в условиях информатизации общества // Informatization of society: socio-economic, socio-cultural and international aspects : materials of the IV international scientific conference. 15–16 Jan. 2014. Prague, 2014. P. 137.

[287] Онлайн-механизм внутригосударственной академической мобильности / А. П. Клемешев [и др.] // Высшее образование в России. 2011. № 12. С. 3–8.

[288] Там же. С. 4.

Международные образовательные программы повышают интерес и вовлеченность студентов в учебный процесс, поскольку у обучающихся появляется исключительная возможность получить доступ к передовым знаниям и технологиям, современным методикам и практикам с позиции мировых стандартов. Несомненно, это положительно отражается на их конкурентоспособности как на российском, так и на международном рынке труда, и делает молодых специалистов востребованными, а их знания и навыки уникальными.

Расширение и активизация международной академической мобильности в отдельном регионе не могут не влиять на показатели его демографической политики. В качестве примера назовем серьезную проблему оттока из Иркутской области молодых специалистов в центральные регионы РФ и за рубеж. Или обратный пример, когда иностранные студенты, обучаясь в вузах России, потом остаются для постоянного места жительства в городах РФ. Исследование показало, что, по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области, на начало 2016-2017 уч. г. в Иркутской области функционировало только 8 государственных высших учебных заведений (не включая филиалов и представительств вузов из других регионов РФ). Общее количество студентов в них составляло 69365 чел.[289]. Приведенные данные свидетельствуют о снижении числа вузов и самом низком за последние 10 лет показателе количества студентов (в 2006-2007 учебном году в Иркутской области функционировало 11 вузов и обучалось 123010 чел.). В указанный период общий объем международных услуг в сфере образования также значительно уменьшается. Результаты статистического анализа показали, что в 2015 г. экспорт образовательных услуг составлял 1818,3 тыс. долларов США, а импорт – 182,9 тыс. долларов США. Соотношение доли образовательных услуг в числе других (деловых, инженерных, транспортных, компьютерных, услуг в области туризма и путешествий и др.) составляет одинаковый процент по экспорту и импорту, а

[289] Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области [Электронный ресурс] : сайт. URL: http://irkutskstat.gks.ru (дата обращения: 16.02.2018).

именно 0,6%[290].

По результатам анализа данных, представленных в статистическом бюллетене «Миграция населения - 2015», выпущенном Иркутскстатом, миграционный прирост в регион происходит за счет международной миграции со странами СНГ и с иными зарубежными странами (в рассматриваемом нами период такой показатель составил 1988 чел.). Важно отметить, что межрегиональная миграция внутри РФ наоборот характеризуется миграционной убылью, в 2015 г. зафиксировано 8102 таких случаев[291]. Исходя из данных статистики по 2015 г., в Иркутскую область прибывают иностранные граждане из Украины (1070 чел.), Таджикистана (937 чел.), Узбекистана (709 чел.), Киргизии (404 чел.), Армении (316 чел.), Грузии (40 чел.), Германии (9 чел.), Вьетнама (5 чел.) и других стран[292].

Что касается образовательной миграции, то особое внимание следует обратить на тот факт, что органы государственной статистики регистрируют случаи международной академической мобильности в регионе только тогда, когда иностранный студент обучается в вузе более девяти месяцев. Если зарубежный студент прибывает в вуз Иркутской области на учебу только на один месяц, на три месяца, один семестр или полгода (любой срок до девяти месяцев), то такой факт не отражается в статистических показателях региона. По материалам Иркутскстата, в 2015 г. 8852 чел. (14,3% от общего числа всех прибывших) приехали в Иркутскую область на учебу; при этом, большинство прибывших – это студенты в возрасте от 18 лет до 24. В итоге, общее количество международных мигрантов, официально попавших в статистику и прибывших именно в связи с учебой, равняется 77 чел. (что составляет лишь 1,8%)[293]. Проанализированные показатели не отражают реального состояния дел, учитывая, что по факту иностранных студентов, обучающихся в вузах Иркутской области, гораздо больше. На примере Иркутского государственного университета, видно, что в нем

---

[290] Там же.
[291] Миграция населения. 2015 : стат. бюл. Иркутск : Иркутскстат, 2016. 84 с. : табл., граф.
[292] Там же.
[293] Миграция населения. 2015 : стат. бюл. Иркутск : Иркутскстат, 2016. 84 с. : табл., граф.

обучается большое число иностранных граждан из 20 и более зарубежных стран (Монголия, Китай, Германия, Армения и т.д.). Таким образом, считаем необходимым при систематизации данных по международной академической мобильности учитывать статистику, в которую будут входить иностранные студенты, прибывшие в регион для обучения в вузе на более короткий срок (стажировка на 2 недели, проведение научных исследований или международный обмен от 1 мес. до 9 мес.), чтобы полно и объективно характеризовать изучаемый нами социальный процесс и избежать существующих противоречий.

Как известно, в 2017 г. добавили новые показатели по международной деятельности для расчета и проведения мониторинга эффективности деятельности российских вузов[294]. Эксперты по данному вопросу пришли к выводу, что необходимо дальнейшее расширение процедур мониторинга и предлагают усилить индивидуальный подход к оцениванию деятельности вузов с учетом их территориальной и отраслевой специфики. В этой связи, названный выше сетевой территориально-дифференцированный подход к оценке эффективности деятельности вузов[295] еще раз подтверждает свою уместность. Принимая в расчет социально-экономическую составляющую обозначенного подхода, подчеркнем его социологическое преимущество, которое заключается в исследовании протекающих в регионе социальных процессов (в нашем случае – процесс международной академической мобильности) с типологией самих регионов. В русле такого рассмотрения целесообразно ставить вопрос о расширении сетевых взаимодействий вузов с субъектами экономической и производственной сферы региона, а также бизнес-сообществом. Полагаем, что чем больше развита инфраструктура территории, в которой расположен вуз, тем выше его инновационная активность и, как следствие, у работодателей может повыситься спрос на специалистов с высшим образованием международного уровня, включая

---

[294] Методика расчета показателей мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования от 14.03.2017 г. № АО-27/05вн // Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы : сайт. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/metod/LO-25-05vn_forma.pdf (дата обращения: 20.09.2018).

[295] Сводные предложения Российского Союза ректоров по критериям и процедурам мониторинга эффективности вузов 2014 года [Электронный ресурс] // Российский союз ректоров : сайт. URL: http://www.rsr-online.ru/doc/!2014/02/03/1.pdf (дата обращения: 30.08.2018).

потребность в специалистах, владеющих иностранными языками.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что предложенный сетевой территориально-дифференцированный подход позволяет провести объективную оценку интеграции вузов России в мировое научно-образовательное пространство[296] (таблица 9).

Таблица 9 отражает главное – в первую очередь важно развивать профессионально-активную модель международной академической мобильности в российских вузах и следовать лучшим мировым стандартам, выгодно используя потенциал региона, его экономические и политические возможности, географическое положение и накопленные сетевые взаимодействия. Выявлено, что региональные модели «барьерная» и «поисковая» имеют ограничения с точки зрения их неготовности развиваться по инновационно-интеграционному типу, а в качестве адаптивной модели развития международной академической мобильности российских вузов может стать региональная сетевая «International professional-active» модель. Ее отличительной характеристикой и преимуществом будет опора на сетевые взаимодействия вузов от отдельных до территориальных системных сетевых взаимодействий. Приведем пример региональной сетевой модели развития международной академической мобильности в вузах Калининградской области, которая имеет выраженную европейскую направленность. Или модель международной академической мобильности в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, которая ориентирована на восточное направление.

[296] Грабельных Т. И., Козлова Е.С. Условия разработки и реализации региональной сетевой «International professional-active» модели развития международной академической мобильности в высшей школе (на примере иркутских вузов) // Baikal Research Journal : электрон. науч. журн. 2014. № 5. URL : http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=19438 (дата обращения: 12.09.2018).

Таблица 9

Типология региональных моделей развития международной академической мобильности[295]

№ п/п	Типы целесообразности дифференцированных взаимосвязей социальных (образовательных) систем и подсистем	Основные параметры развития региона / округа	Специфика трансформации мирового научно-образовательного пространства	Ключевые векторы интернационализации социальных структур и социальных институтов	Региональная модель развития международной академической мобильности
1.	**Традиционно-интеграционный тип** целесообразности дифференцированных взаимосвязей социальных (образовательных) систем и подсистем	Национально-ориентированный традиционный тип развития региона при наличии сформированных механизмов государственного управления и плановой экономики	Интегрирование научно-образовательных и региональных ресурсов в рамках национальных и мировых систем. Трансформация закрыто-открытого типа	Доминирование векторов национальных систем	**«Барьерная» модель развития** (профессионально-неактивная модель)
2.	**До-инновационный интеграционный тип** целесообразности дифференцированных взаимосвязей социальных (образовательных) систем и подсистем	Интеграционно-ориентированный до-инновационный («имитационный») тип развития региона в условиях становления новых производственных, социальных, территориальных и др. структур и инфраструктур (в том числе, сетевого типа) и разработки современных технологий сохранения, накопления и использования ресурсного потенциала	Интегрирование научно-образовательных и региональных ресурсов в рамках европейского научно-образовательного пространства. Трансформация открытого типа	Доминирование европейского вектора (в русле Болонского процесса)	**«Поисковая» сетевая модель развития** (профессионально-неактивная модель)
3.	**Инновационно-интеграционный тип** целесообразности дифференцированных взаимосвязей социальных (образовательных) систем и подсистем (следование лучшим мировым стандартам)	Социально-ориентированный инновационный тип развития региона при наличии сформированных производственных, социальных, территориальных и др. структур и инфраструктур (в том числе, на базе институциональных сетевых взаимосвязей и взаимозависимостей) и технологий сохранения, накопления и использования ресурсного потенциала (в первую очередь, потенциала своего места – своей отраслевой и территориальной принадлежности)	Интегрирование научно-образовательных и региональных ресурсов в рамках национальных и мировых систем. Трансформация открыто-избирательного типа	Доминирование общемирового вектора при обеспечении интересов национальной безопасности в сетевом взаимодействии вузов	**Профессионально-сетевая модель развития** («International professional-active» модель)

Интерес к поиску адаптивных моделей международной академической мобильности существует давно, еще в XIX в., учеными отмечались восемь характеристик, раскрывающих глобальную модель конкурентоспособного университета, так называемую «Emerging global mode (EGM)», в числе которых

перечислим следующие: 1) EGM-университеты, миссия которых заключается в «стирании» границ государств и продвижении мировых стандартов в образовании; 2) EGM-университеты, которые формируют новые социальные связи с государственными органами и корпорациями в интересах их непрерывного экономического развития; 3) EGM-университеты, стратегия которых - заключить международный договор; 4) EGM-университеты, принимающие активное участие в деятельности международных неправительственных организаций для поддержки и проведения совместных исследований, осуществления мобильности заинтересованных лиц, признания дипломов других стран и др.[297].

Однако, по мнению отечественных авторов Т. Р. Гареева, А. П. Клемешева, возможности таких «глобальных университетов» слабо совмещаются с проблемами большого числа регионально ориентированных вузов, в силу чего авторы полагают, что российским университетам следует самостоятельно выстраивать собственные стратегии их выживания, ориентируясь, в основном, на приоритеты и различия в региональном развитии[298]. Они справедливо утверждают, что географическое соседство российских регионов в западной части страны с европейскими государствами и расширение российско-европейского взаимодействия в рамках сетевого взаимодействия вузов будет способствовать «…созданию европейского по стилю и российского по содержанию современного университета, ориентированного на мобильность и динамику профессорско-преподавательского состава, нацеленного на программу академического обмена»[299]. В данном контексте следует выделить региональную сетевую модель международной академической мобильности Калининградской области (ввиду географического месторасположения с направленностью на трансграничное взаимодействие с Европой) как пример современной модели, демонстрирующий динамику и преимущества международной академической мобильности предлагаемой нами «International professional-active» модели, которая в дальнейшем может служить образцовым вариантом для других регионов РФ.

[297] Клемешев А. П., Гареев Т. Р. Стратегические перспективы развития университета в эксклавном регионе России // Балтийский регион. 2010. № 3. С. 10.
[298] Клемешев А. П., Гареев Т. Р. Указ. соч. 3.
[299] Там же. С. 15.

Накоплен серьезный потенциал и одновременно существуют широкие возможности для активизации международного сотрудничества в рамках сетевого взаимодействия российских вузов в восточном направлении, в частности у Дальнего Востока и вузов Восточной Сибири с вузами Китайской Народной Республики, как это уже было рассмотрено в параграфе 2.1.

На основе проведенного нами сравнительного анализа моделей международной академической мобильности западной и восточной части РФ и ее регионов, особую заинтересованность представляет опыт вхождения вузов восточных регионов России в образовательные процессы на макро- уровне. Разберем более детально на примере Восточной Сибири, в частности, иркутских вузов. Изначально по результатам мониторинга эффективности работы вузов в г. Иркутске (2012 г.) эффективными стали лишь четыре (ИГУ, ИрГТУ, БГУ, ИрГУПС)[300]. Какие затруднения испытывают иркутские вузы в контексте макрообразовательных процессов в настоящий момент?

Создание новой социальной (территориальной, производственной и т.д.) инфраструктуры и разработка новейших технологий активизации потенциала конкретного региона составили основу для образования региональной «поисковой» модели, которая характерна для данного периода развития международной академической мобильности. По своей природе мы определяем ее как «профессионально-неактивную модель». С позиции требований к научному и технологическому обеспечению образовательных процессов представленная модель видится в характеристиках до-инновационного интеграционного типа целесообразности дифференцированных взаимосвязей социальных (образовательных) систем и подсистем.

Рассмотрение практики перехода вузов РФ на новую модель образования дает возможность нам утверждать, что такого рода трансформация еще не произошла в полной мере. Кроме того, под воздействием мирового экономического кризиса как внешнего фактора проявляются тенденции к

---

[300] Мониторинг деятельности федеральных образовательных учреждений высшего профессионального образования. М. : Министерство образования и науки Российской Федерации, 2012. 111 с.

интеграции в мировое научно-образовательное пространство при обязательном сохранении интересов национальной безопасности государства. В таком случае особую значимость обретает необходимость формирования новой модели развития международной академической мобильности в российских вузах с опорой на сетевое взаимодействие. Так, Е. А. Неретина, выделяя в качестве основы динамичного развития вузов сетевое взаимодействие, справедливо утверждает, что «в России назрела необходимость в формировании новой модели сетевого взаимодействия вузов, субъектов бизнеса и органов государственной власти...»[301]. Отечественный ученый подчеркивает, что среди эффектов, получаемых вузами-участниками сетевой структуры, будет расширение академической мобильности студентов[302].

По результатам исследований мы обосновываем необходимость разработки и реализации региональной сетевой «International professional-active» модели развития международной академической мобильности на базе сетевого территориально-дифференцированного подхода (на примере вузов г. Иркутска), включающей опору на сетевые взаимодействия вузов с организациями, действующими в реальном секторе экономики. Думается, что «…продвижение по социально-ориентированному инновационному пути развития региона во многом способствует интегрированию научно-образовательных, профессионально-образовательных и регионально-образовательных ресурсов в рамках национальных и мировых систем (в рассматриваемом случае в мировое научно-образовательное пространство)[303]. В таблице 9 мы предприняли попытку проанализировать базовые условия для разработки и реализации региональной сетевой «International professional-active» модели развития международной академической мобильности в системе высшего образования. По рассмотренным показателям, международная профессионально-активная модель также

---

[301] Неретина Е. А. Сетевое взаимодействие – основа динамического развития вузов // Высш. образование в России. 2013. № 4. С. 133.
[302] Неретина Е. А. Указ. соч. С. 131.
[303] Грабельных Т. И., Козлова Е.С. Условия разработки и реализации региональной сетевой «International professional-active» модели развития международной академической мобильности в высшей школе (на примере иркутских вузов) // Baikal Research Journal : электрон. науч. журн. 2014. № 5. URL : http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=19438 (дата обращения: 12.09.2018).

соответствует национальному принципу профессионализации стандартов в части проведения экспертиз за период с 2014 по 2016 гг., что находит отражение в Комплексном плане мероприятий по разработке профессиональных стандартов, их независимой профессионально-общественной экспертизе и применению на 2014-2016 годы от 31.03.2014 г. № 487-р[304].

На стадии разработки адаптивной модели международной академической мобильности российских вузов с зарубежными мы обратились за мнениями экспертов из иркутских вузов по вопросам международного университетского образования. В этой связи, с 17.02.2014 г. по 28.02.2014 г. нам был проведен социологический опрос экспертов для выявления механизмов активизации международной академической мобильности в высшей школе. В опросе приняло участие 54 эксперта – это руководители образовательных организаций высшего образования и сотрудники вузов, специализирующиеся в области международной академической мобильности и интернационализации высшего образования. Эксперты представляли 6 ведущих вузов г. Иркутска: ФГБОУ ВО «ИГУ» (61,1%), ФГБОУ ВО «БГУ» (16,7%), ФГБОУ ВО НИ «ИрГТУ» (ныне - ФГБОУ ВО «ИРНИТУ») (1,9%), ФГБОУ ВО «ИрГУПС» (7,4%), ФГБОУ ВО «ИрГСХА» (ныне - ФГБОУ ВО «Иркутский ГАУ») (11,0%), ФГБОУ ВО «ИГЛУ» (ныне - ФГБОУ ВО «ИГУ») (1,9%). В паспортичке опроса содержались данные о фамилии, имени и отчестве, возрасте, образовании, занимаемой должности, стаже работы, месте работы, стаже экспертной деятельности и контактном телефоне, а также e-mail.

По словам иркутских специалистов, принявших участие в опросе, в текущий период в их высших учебных заведениях международная деятельность ведется с разной степенью активности: 53,7% респондентов отметили «да, активно», 35,2% опрошенных эксперта выбрали ответ, что «скорее активно, чем не активно». Максимальный показатель активности заявлен у ФГБОУ ВО «ИГЛУ» (ныне - ФГБОУ ВО «ИГУ») (100,0%) и ФГБОУ ВО «БГУ» (88,9%) (таблица 10).

---

[304] Комплексный план мероприятий по разработке профессиональных стандартов, их независимой профессионально-общественной экспертизе и применению на 2014-2016 годы от 31.03.2014 г. № 487-р [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации : сайт. URL: http://www.rosmintrud.ru/docs/government/132 (дата обращения: 06.09.2018).

Таблица 10

Мнение экспертов об активности осуществления международной деятельности в иркутских вузах, в %

№ п/п	Варианты ответов	Вуз						
		ФГБОУ ВО «БГУ»	ФГБОУ ВО «ИГЛУ» (ныне - ФГБОУ ВО «ИГУ»)	ФГБОУ ВО «ИГУ»	ФГБОУ ВО «ИрГСХА» (ныне - ФГБОУ ВО «Иркутский ГАУ»)	ФГБОУ ВО НИ «ИрГТУ» (ныне - ФГБОУ ВО «ИРНИТУ»)	ФГБОУ ВО «ИрГУПС»	Всего
		Доля, в %	Доля, в %	Доля, в %	Доля, в %	Доля, в %	Доля, в %	Доля, в %
1.	Да, активно	88,9%	100,0%	48,5%	40,0%	0,0%	25,0%	**53,7%**
2.	Скорее активно, чем не активно	0,0%	0,0%	36,4%	60,0%	100,0%	75,0%	**35,2%**
3.	Скорее не активно, чем активно	11,1%	0,0%	6,1%	0,0%	0,0%	0,0%	**5,6%**
4.	Не активно	0,0%	0,0%	9,1%	0,0%	0,0%	0,0%	**5,5%**
5.	Затрудняюсь ответить	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	**0,0%**
Всего		**100,0%**	**100,0%**	**100,0%**	**100,0%**	**100,0%**	**100,0%**	**100,0%**

Выяснилось, что вузы г. Иркутска, как правило, принимают активное участие в образовательной (40,2%) и научной (32,9%) областях международной деятельности. Непосредственно в данных областях в дальнейшем планируется и увеличение международной академической мобильности (75,9%) (таблица 11).

Таблица 11

Мнение экспертов о сферах международной деятельности, в которых наиболее активно реализуется международная академическая мобильность в иркутских вузах, в %

№ п/п	Варианты ответов	Вуз						
		ФГБОУ ВО «БГУ»	ФГБОУ ВО «ИГЛУ» (ныне - ФГБОУ ВО «ИГУ»)	ФГБОУ ВО «ИГУ»	ФГБОУ ВО «ИрГСХА» (ныне - ФГБОУ ВО «Иркутский ГАУ»)	ФГБОУ ВО НИ «ИрГТУ» (ныне - ФГБОУ ВО «ИРНИТУ»)	ФГБОУ ВО «ИрГУ ПС»	Всего
		Доля, в %	Доля, в %	Доля, в %	Доля, в %	Доля, в %	Доля, в %	Доля, в %
1.	В образовательной сфере	70,0%	0,0%	39,2%	40,0%	33,3%	16,7%	**40,2%**
2.	В научной сфере	10,0%	0,0%	39,2%	30,0%	33,3%	33,3%	**33,0%**
3.	В сфере межкультурных коммуникаций	0,0%	0,0%	7,8%	10,0%	33,3%	0,0%	**7,3%**
4.	В других сферах	0,0%	0,0%	0,0%	10,0%	0,0%	0,0%	**1,2%**
5.	Во всех вышеперечисленных	20,0%	100,0%	13,7%	10,0%	0,0%	50,0%	**18,3%**
6.	Ни в одной из вышеперечисленных	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	**0,0%**
7.	Затрудняюсь ответить	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	**0,0%**
Всего		**100,0%**	**100,0%**	**100,0%**	**100,0%**	**100,0%**	**100,0%**	**100,0%**

Эксперты в ходе социологического опроса пояснили, что с увеличением международной академической мобильности повысится престиж их учебного заведения (вырастут международные контакты, будет установлено сетевое взаимодействие с международными партнерами) (88,9%). В ходе разработки профессионально-сетевой модели («International professional-active» модель) необходимо отметить тот факт, что порядок выбора высшим учебным заведением партнера по международной академической мобильности не был связан с ресурсным потенциалом данного региона (9,0%). Выбор партнера осуществлялся в рамках уже установленных договоров (30,6%), работой через грантовые программы (18,1%) и осуществления научных исследований (18,1%). Особый интерес вызывает мнение респондентов относительно определения принципов, по которым выбирались зарубежные партнеры академической мобильности (таблица 12).

Таблица 12

Мнение экспертов об основных факторах выбора зарубежных партнёров академической мобильности, в %

№ п/п	Варианты ответов	Доля в %
1.	Ресурсный потенциал вуза	28,7%
2.	Качество условий обстановки в вузе, влияющих на эффективность выбора	8,2%
3.	Качество образования	20,5%
4.	Престижность диплома	5,7%
5.	Репутация университета	19,7%
6.	Территориальная близость	9,8%
7.	Этнокультурная среда	2,5%
8.	Другое	4,1%
9.	Затрудняюсь ответить	0,8%
Всего		**100,0%**

Из таблицы 12 следует, что ресурсные возможности университета обуславливают выбор международного партнера (28,7%). В то время как «территориальная близость» играет значение лишь у 9,8% опрошенных. Таким образом, необходимо отметить, что на данном этапе развития вузов недостаточное внимание уделяется их взаимосвязи с социально-экономическим развитием региона с точки зрения производственных, социальных, территориальных и др. структур и инфраструктур и развития технологий сохранения, накопления и

использования имеющихся на территории ресурсов. Данные, приведенные в таблице 13 показывают, что иркутские университеты, равно как и другие региональные вузы, вплоть до настоящего времени «переживая» «доминирование европейского вектора» (Болонский процесс) находятся на стадии вступления в мировое научно-образовательное пространство.

Таблица 13

Мнение экспертов об уровнях подготовки, в рамках которых наиболее активно реализуется международная образовательная деятельность, в %

№ п/п	Варианты ответов	Доля в %
1.	Бакалавриат	55,6%
2.	Магистратура	23,6%
3.	PhD	8,3%
4.	Другое	12,5%
	Всего	**100,0%**

В ходе опроса было отмечено, что в современных условиях наибольшее развитие международной академической мобильности происходит на уровне бакалавриата (55,6%). Помимо этого, кадровый потенциал вуза большинством респондентов (70,4%) был оценен как недостаточный. Реализация программ международной академической мобильности получила средние оценки у экспертов (рисунок 3), тем не менее, в ходе исследования было выявлено, что респонденты видят хорошие возможности и перспективы в развитии международного сотрудничества вузов.

С целью изучения процесса интеграции иркутских вузов в мировое научно-образовательное пространство нами был разработан социологический инструментарий и целевые индикаторы его особенностей (по материалам сайтов иркутских вузов и организаций). В первую очередь, в ходе анализа мы выявляли степень востребованности специалистов с высшим образованием международного уровня у работодателей региона, которые реализуют крупные инвестиционные проекты в области в установленной перспективе (по данным веб-сайтов организаций в 2014 г.). Далее мы изучали интеграционные образовательные процессы на международном уровне, отражающиеся на иркутских вузах, тенденции к профессионализации субъектов мобильности и спрос на

специалистов с высшем образованием международного уровня в Иркутском регионе (согласно веб-сайтам образовательных организаций по состоянию на 15.04.2014 г.).

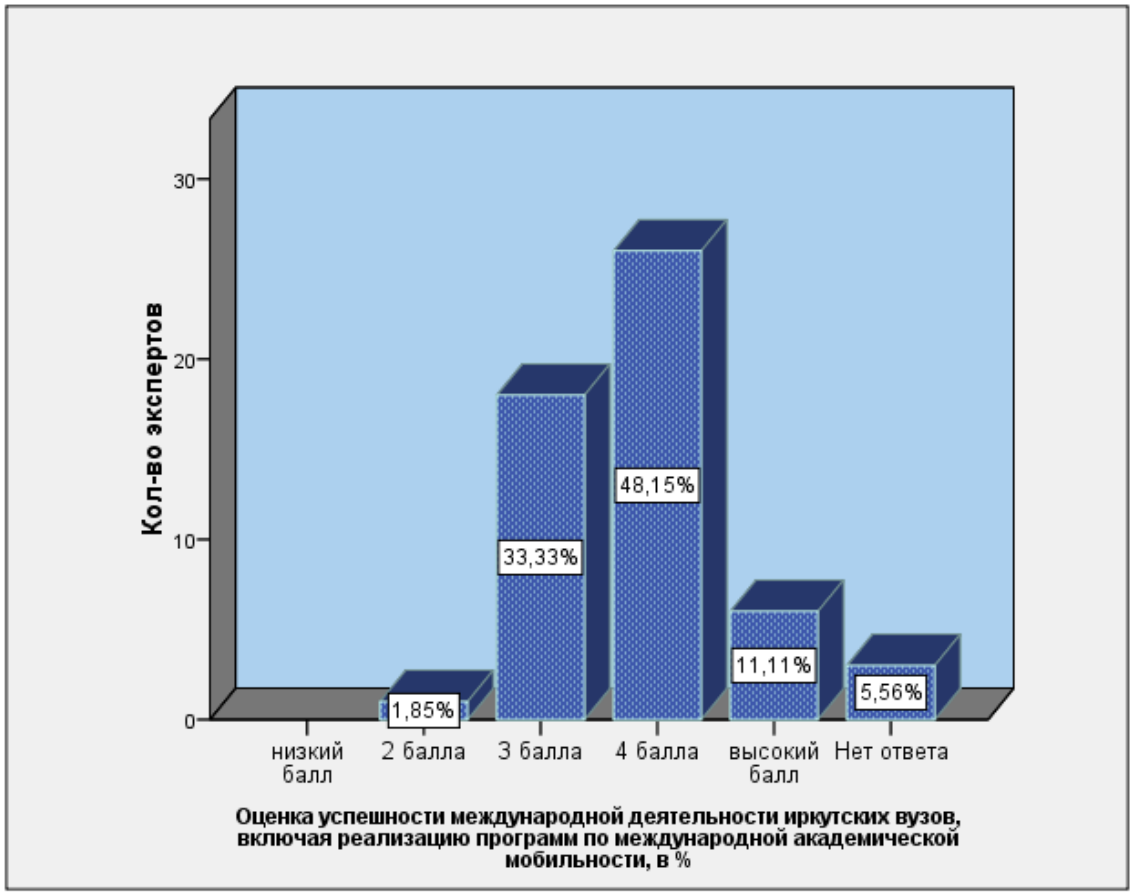

Рисунок - 3. Индикаторы оценки успешности международной деятельности вуза, включая реализацию программ по международной академической мобильности (по пятибалльной шкале, где 1 - низкий балл, а 5 - самый высокий балл), в %

Проведенный анализ показал, что в Иркутской области не осуществляется должной системной работы в вузах и на предприятиях по информированию населения о проблеме востребованности кадров в экономике и социальной сфере региона. Исследование позволяет резюмировать об имеющем месте дефиците информации в регионе по вопросам востребованности специалистов с высшим образованием международного уровня. Что касается сетевых форм реализации образовательных программ, то на сегодняшний день это явление еще достаточно новое для данного региона и его образовательной системы. У предприятий еще не сформирован спрос на выпускников с высшим образованием международного уровня. Не прослеживается тенденция к углублению профессионализации выпускников с учетом международного опыта. Дифференцированный анализ веб-

сайтов вузов мы проводили по 7 параметрам, в качестве которых выступили: а) статус (положение) вуза; б) количество зарубежных вузов-партнеров, выделенных на основании международных договоров и соглашений о сотрудничестве; г) разработка и реализация научных и образовательных программ совместно с международными организациями; д) углубление тенденции к профессионализации на международном уровне (по критерию выбора направлений подготовки в вузе). Отличия показателей проявляется по пяти признакам: 1) выдача двойных дипломов (наиболее часто встречаемый параметр); 2) количество направленных студентов / количество принятых студентов, в среднем в год, чел.; 3) производственная практика за рубежом; 4) работа выпускников за рубежом; 5) обучение по образовательным программам послевузовского профессионального образования в зарубежных вузах; е) международная академическая мобильность научно-педагогических работников; ж) участие в сетевой форме реализации образовательных программ, в том числе с привлечением зарубежных партнеров от работодателей; з) востребованность специалистов с высшим образованием международного уровня в регионе (трудоустройство выпускников в государственные и бизнес структуры, в том числе, в организации (предприятия, холдинги), реализующие инвестиционные проекты в Иркутской области)»[305].

Предложенный подход и разработанные рекомендации по материалам проведенных исследований позволили сделать заключение, что иркутские вузы находятся на начальном этапе установления профессионально-образовательных и регионально-образовательных взаимосвязей. Специалисты профильных Министерств Иркутской области и эксперты из вузов отметили возможность успешного внедрения в регионе сетевой «International professional-active» модели развития международной академической мобильности в сетевом взаимодействии субъектов высшей школы.

На базе Института социальных наук ИГУ 16.04.2014 г. для обсуждения

[305] Грабельных Т. И., Козлова Е.С. Условия разработки и реализации региональной сетевой «International professional-active» модели развития международной академической мобильности в высшей школе (на примере иркутских вузов) // Baikal Research Journal : электрон. науч. журн. 2014. № 5. URL : http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=19438 (дата обращения: 12.09.2018).

итогов проведенных ранее социологических исследований нами был организован круглый стол, посвященный проблемам реализации международной академической мобильности в вузах г. Иркутска с акцентом на решение вопросов дальнейшего трудоустройства выпускников с высшим образованием международного уровня в организациях Иркутской области. Программой круглого стола были запланированы и осуществлены дополнительные мероприятия – глубинное интервью очных участников, среди которых были ведущие эксперты шести вузов Иркутской области, Министерства экономического развития Иркутской области и др. В ходе интервью были подняты разные проблемные вопросы, один из них: «Какими видятся перспективы сотрудничества Вашего вуза в области образования и науки с зарубежными партнерами по вопросам расширения международной академической мобильности?», ответы на который представлены таким образом: *«Мы запускаем PhD и отправляем первых студентов на один семестр, а летом у нас 11 человек едут на стажировки за границу»* (декан Сибирско-американского факультета менеджмента ИГУ, д-р эконом. Н., доц. Н. Б. Грошева). *«В ближайшие годы ожидается расширение международной академической мобильности»* (зав. социологической лабораторией региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ИГУ, д-р социол. н., проф. Т. И. Грабельных). *«Увеличение количества иностранных студентов из Китая»* (декан Русско-китайского факультета БГУ, канд. филол. н., доц. Т. А. Пруцких). *«Развитие образовательных программ двойных дипломов»* (доцент кафедры иностранных языков БГУ, канд. филол. н. А. А. Контримович). *«Совместные научные междисциплинарные исследования* (директор Русско-Французского факультета БГУ О. Г. Чупрова). *«Важно знание английского языка для развития магистерских программ. Однако, должной степени осознанности, значимости развития академической мобильности на уровне регионов и предприятий на сегодняшний день нет. Прежде всего, необходимо продолжить социологические исследования по взаимодействию вузов с работодателями, проследить, какая при этом прослеживается мотивация у самих студентов и преподавателей (какими они видят барьеры и выгоды для себя). Только потом*

*должен ставиться вопрос о решении задач, связанных с развитием экспорта образовательных услуг вузами Иркутского региона. В-третьих, необходимо создать единый под.фак для вузов города, где абитуриенты из разных стран могли бы заниматься изучением русского языка как иностранного. В-четвертых, важно построить единый студгородок с хорошими условиями проживания и обучения для иностранных студентов (для всех иркутских вузов это было бы их привлекательной стороной). В-пятых, требуется развитие сетевых форм реализации программ, причем развитие сетевого взаимодействия не только вузов и работодателей, но и вузов между собой…. Я хочу предложить развитие сетевого сотрудничества в рамках образовательных программ на иностранном языке» (*проректор по учебной работе и международной деятельности БГУ, д-р эконом. н., проф. Т. Г. Озерникова). «*Если будут решаться главные проблемы, связанные с материальной поддержкой (например, при расселении в общежития иностранных студентов), то перспективы видятся неплохими, также особое внимание важно обратить на кадровый потенциал вуза, ведь сегодня мало преподавателей могут читать лекции на иностранном языке» (*специалист по УМР 1-ой категории ИГУ А. А. Теплякова). *«На современном этапе реализации приоритетных задач в сфере международного сотрудничества рассматриваются актуальные вопросы о дальнейшем сотрудничестве с зарубежными партнерами. Планируем и разрабатываем механизмы более широкой организации стажировок за рубежом для участников Президентской программы»* (декан факультета бизнеса и менеджмента ИГУ А. А. Тверитинов). *«Программа - два диплома, сетевое обучение, грантовые программы»* (руководитель департамента международных и грантовых программ Юридического института ИГУ Н. Н. Буланова). *«Всестороннее развитие сетевых форм взаимодействия»* (начальник Управления международной деятельности ИРНИТУ Е. Н. Арбатская). *«Расширение партнерских отношений с зарубежными вузами посредством развития научных связей, стимулирования мотиваций студентов для обучения за рубежом, а также роста числа иностранных студентов в академии» (*начальник отдела международных связей ИрГСХА

С. В. Швецова). *«Цели и перспективы международной академической мобильности недостаточно эффективно реализуются без соответствующей финансовой и языковой политики. Научно-педагогический состав ИГУ испытывает эти проблемы. Для осуществления международной мобильности особое значение имеет языковая подготовка. В этой связи возникает два вопроса: во-первых, способны ли наши студенты в языковом отношении выдержать семестровое нахождение, воспринимать дисциплины на языке и, во-вторых, что для этого нужно?»* (начальник управления международных связей ИГУ, магистр Савойского университета, канд. филол. н., доцент Т. В. Лиштованная). *«Развитие программ 2–х дипломов; совместные международные исследования; летние школы и практики, обмен студентами и преподавателями»* (зав. кафедрой иностранных языков факультета сервиса и рекламы ИГУ С. С. Голубева).

В соответствии с принятой на круглом столе Резолюцией, руководителям высших учебных заведений Иркутской области было рекомендовано: «1) при определении сетевой формы реализации образовательных программ учитывать необходимость повышения эффективности механизмов международной академической мобильности в вузе; 2) способствовать развитию экспорта образовательных услуг вузами Иркутской области посредством объединения их усилий и поддержки со стороны региона; 3) при определении сетевых форм реализации вузовских программ учитывать перспективность форм сетевого взаимодействия не только между вузами и работодателями, но и между самими вузами, в том числе в контексте сетевого сотрудничества в рамках образовательных программ на иностранном языке; 4) создать на базе Иркутского государственного университета единую информационную базу данных, содержащую сведения о научно-педагогических работниках иркутских вузов, владеющих иностранными языками, готовых к реализации образовательных программ на иностранном языке в соответствии с направлениями и профилями подготовки; 5) одним из основных направлений деятельности выпускающей кафедры в вузе следует признать международную деятельность, в рамках которой предусматривается вовлечение профессорско-преподавательского состава в

процессы международной академической мобильности»[306].

В числе ключевых рекомендаций работодателям Иркутской области выступили: «1) принимать участие в сетевой форме реализации образовательных программ с привлечением своих зарубежных партнеров; 2) при разработке и проведении процедур общественной и профессионально-общественной аккредитации профессиональных образовательных программ предусматривать формы и методы их оценки с учетом показателей эффективности международной деятельности вуза; 3) во взаимодействии с вузами при организации и проведении производственных практик привлекать студентов к участию в международных и всероссийских научно-исследовательских и научно-технических мероприятиях и проектах, ориентировать на углубление профессионализации с учетом международного опыта»[307].

В целом, нами были разработаны рекомендации по расширению и активизации международной академической мобильности в российских вузах по следующим направлениям: повышение заинтересованности всех субъектов сетевых взаимодействий к программам международной академической мобильности с учетом конкурентных преимуществ своего региона, обеспечение информированности о предоставляемых университетом возможностях международной академической мобильности, стимулирование изучения иностранных языков с целью развития навыков профессиональных межкультурных коммуникаций, увеличение количества рабочих мест в организациях российских регионов для приёма на работу выпускников, проходивших обучение в зарубежных вузах.

Таким образом, факторами, оказывающими положительное влияние на формирование международной академической мобильности в сетевом взаимодействии вузов на региональном уровне выступают: повышение конкурентоспособности вузов и регионов под воздействием глобализации и новых интеграционных процессов; вхождение вузов в международные системы

---

[306] Институт социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ» [Электронный ресурс] : сайт. URL: http://socio.isu.ru (дата обращения: 19.09.2018).
[307] Там же.

рейтингования; поступательный курс государства по применению показателей международной деятельности при оценке эффективности деятельности организаций высшего образования в России; участие субъектов мобильности региональных вузов в международных грантовых программах и новых формах международной академической мобильности; выгодное географическое положение региона (территориальный фактор); развитие двусторонних и многосторонних соглашений о совместной деятельности в области осуществления международной академической мобильности с зарубежными вузами и развитие образовательных программ двойного дипломирования; языковой фактор (знание иностранных языков и реализация образовательных программ на иностранном языке) и другие. Факторами, оказывающими отрицательное воздействие, являются: усиление дифференциации вузов в аспекте их кадрового потенциала и региональной поддержки; неравномерное развитие российских регионов; слабая эффективность институциональных механизмов в системе взаимосвязей «вуз↔работодатель↔регион» с учетом международной составляющей; отсутствие должного спроса на специалистов с высшим образованием международного уровня в регионе; недооценка возможностей открытого взаимодействия с зарубежными вузами-партнерами и слабая степень своевременного реагирования на внешние и внутренние вызовы и другие.

В заключении подчеркнем, что усложнение региональных взаимодействий в ходе пространственного и социально-экономического развития российских регионов, отражающихся на содержании взаимозависимостей «высшее учебное заведение↔работодатель↔регион», относится к ключевым условиям развития международной академической мобильности в системе высшего образования в РФ. Выявлено, что реализация региональной сетевой «International professional-active» модели развития международной академической мобильности в сетевом взаимодействии вузов, соответствующей условиям интегративных взаимодействий вузов с организациями, действующими в реальном секторе экономики, с учетом региональной специфики будет способствовать расширению её институционализации и эффективному решению комплекса проблем на уровне

российского региона.

Выводы по главе 2. Резюмируя результаты эмпирических исследований, отметим, что взгляды о регионе как единой сложной социально-экономической системе меняются. Такая система в значительной мере характеризуется разноуровневыми взаимодействиями по сетевому принципу. При этом одну из ведущих ролей в этих взаимодействиях выполняет вуз.

На материалах социологических исследований показано, что основными факторами выбора зарубежных партнеров международной академической мобильности в рамках сетевого взаимодействия российских и китайских вузов являются: ресурсный потенциал вуза (28,3%), качество образования (20,3%), репутация университета (19,6%). Специфику выбора вузом партнеров международной академической мобильности определяют обменные процессы в рамках заключенных соглашений (21,1%), грантовая деятельность (20,4%), получение персональных приглашений от принимающей стороны (14,3%). Сотрудничество в формате сетевых программ отметили только 12,5%, что свидетельствует о том, что сетевое взаимодействие программного формата на сегодняшний день еще не получило широкого распространения в российском и китайском вузах. Между тем, выявлено, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе благодаря конструктивному диалогу сторон, российско-китайская академическая мобильность может занять лидирующие позиции по многим показателям и стать отправной точкой для положительной динамики экспорта и импорта образовательных услуг в России.

По результатам социологических исследований обнаружилось, что за последние 15 лет создана концептуальная база для усиления механизмов международной академической мобильности в России, однако динамика этого процесса указывает на то, что до сих пор не достигнут «профессионально-активный» («профессионально-образовательный», «регионально-образовательный») уровень её развития, за исключением ключевых вузов страны и вузов «международных регионов» РФ.

Разработана типология региональных моделей развития международной

академической мобильности. Обнаружено, что усиление региональных различий и усложнение региональных связей являются непременными условиями активизации международной академической мобильности в сетевом взаимодействии высших учебных заведений. В числе его основных причин названы: а) новые международные вызовы; б) формирование новой парадигмы по реализации многовекторных научно-образовательных, профессионально-образовательных и регионально-образовательных стратегий ведущих субъектов высшей школы и регионального развития; в) углубление неравномерного развития регионов на фоне усиления неоднородностей в социальной и социально-производственной структурах и инфраструктурах, влияющих на выбор привлекательных ресурсных возможностей для всех групп специалистов, в особенности молодежи; г) профессионально-отраслевая динамика и уровень сформированности социально-производственной инфраструктуры региона. Доказан тезис о том, что развитие институциональных механизмов по решению актуальных региональных проблем («вуз↔работодатель↔регион») напрямую зависит от устойчивости взаимосвязей вузов и науки с производством. Обоснованы преимущества региональной сетевой «International professional-active» модели развития международной академической мобильности в высшей школе в условиях трансформации мирового научно-образовательного пространства и определены пути ее реализации в сетевом взаимодействии вузов. Обозначены основные направления расширения и активизации международной академической мобильности в российских вузах с учетом региональных различий. По результатам эмпирических исследований разработан комплекс практических рекомендаций.

Заключение

Проведенный анализ особенностей и противоречий формирования и развития международной академической мобильности в сетевом взаимодействии российских и китайских вузов в современных условиях показал следующее.

Международная академическая мобильность как социальный процесс на современном периоде развития становится ключевым условием успешного функционирования вузов и научно-исследовательских организаций. В процессе развития науки и образования как социальных институтов закономерно происходит формирование разных моделей международной академической мобильности (европейская модель, российская модель, немецкая модель, американская модель, китайская модель и др.).

Исследования показали, что главным и отличительным признаком международной академической мобильности выступает получение образовательных услуг за рубежом. Теоретический анализ позволил предложить определение международной академической мобильности как процесса реализации регионально-образовательных (в том числе научно-образовательных и профессионально-образовательных) стратегий субъекта образовательной деятельности при перемещении из одной позиции в другую (из российского вуза в зарубежный вуз и / или из зарубежного вуза в российский вуз) в динамике развития мирового и регионального научно-образовательного пространства. Такое определение стало возможным благодаря опоре на институциональный и сетевой подходы, теории социальной мобильности.

В ходе исследования разработана многоуровневая классификация академической мобильности в системе высшего образования по трем основаниям: а) субъект мобильности; б) способ и длительность обучения; в) место получения образовательных услуг, по которой отчетливо прослеживается критерий выделения международной академической мобильности от других видов академической мобильности по принципу территориального распределения (места осуществления мобильности).

Доказано, что глобализационные изменения, развитие мирового рынка

образовательных услуг, формирование новых научно-образовательных центров мирового уровня и усиление региональных различий способствовали расширению сетевых взаимодействий вузов и появлению новых форм международной академической мобильности, что является отражением современных тенденций ее развития в системе высшего образования в России.

Проведенные нами исследования показали положительную роль Болонского процесса для России, в особенности в части понимания и внедрения механизмов и инструментов по вхождению в мировое научно-образовательное пространство. Также Болонский процесс способствовал становлению собственных национально-территориальных площадок. Между тем, анализ показал, что данная система продолжает оставаться «не родной» для России. Выявлено, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе благодаря конструктивному диалогу сторон, российско-китайская академическая мобильность может занять лидирующие позиции по многим показателям и стать отправной точкой для положительной динамики экспорта и импорта образовательных услуг в России (в особенности для Восточной Сибири и Дальнего Востока).

Содержание социологической концепции развития международной академической мобильности в вузах российских регионов, в основу которой положен сетевой территориально-дифференцированный подход, раскрывают следующие базовые положения: 1) развитие международной академической мобильности в вузах российских регионов проявляется неравномерно в зависимости от региональных различий и приоритетов регионального развития; 2) под воздействием внешних и внутренних вызовов в научно-образовательном пространстве России усиливаются различия позиций социальных субъектов на основе их стартовых возможностей, последствия которых важно учитывать при включении в процесс международной академической мобильности на региональном уровне; 3) государственный заказ на подготовку специалистов с высшим образованием международного уровня и спрос работодателей являются важными факторами активизации международной академической мобильности в вузах российских регионов. Обосновано, что реализация предложенного в работе

сетевого территориально-дифференцированного подхода будет способствовать формированию и развитию международной академической мобильности в российских вузах в современных условиях с учетом региональной специфики.

Сделан вывод, что одной из перспективных моделей сетевого взаимодействия вузов в развитии международной академической мобильности выступает российско-китайская модель (взаимодействие России и Китая в сфере образования насчитывает уже 70-летнюю историю, регулярно проводятся совместные мероприятия, создана Ассоциация ректоров вузов Сибири, Дальнего Востока РФ и Северо-Восточных регионов Китая, создан Российско-Китайский сетевой университет, китайские студенты уже несколько лет представляют один из самых больших по численности контингентов иностранных студентов в российских вузах, более половины опрошенных россиян указали, что именно сотрудничество с КНР важно для российской экономики). Специфика российско-китайской академической мобильности раскрывается в значительной мере через способы разрешения проблем межкультурной адаптации к бытовым условиям, местным обычаям, традициям восточной страны, менталитету ее жителей, административным требованиям вузов.

Активному развитию международной академической мобильности в высшей школе России способствуют процессы усиления региональных различий и усложнение региональных связей. Установлено, что чем устойчивее взаимосвязи вузов и науки с производством (интегративные взаимодействия образовательных и научных организаций с организациями, действующими в реальном секторе экономики), тем более развиты институциональные механизмы по решению региональных проблем. Однако по результатам исследований мы отмечаем низкий уровень заинтересованности работодателей в специалистах с высшим образованием международного уровня, при этом студенты проявляют невысокую степень интереса к программам международной академической мобильности (на примере Иркутской области). Таким образом, прослеживается противоречивость подходов к развитию международной академической мобильности и слабая включенность субъектов мобильности в сетевые взаимодействия.

Доказано, что в качестве адаптивной модели развития международной академической мобильности в российских вузах, соответствующей условиям интегративных взаимодействий образовательных и научных организаций с организациями, действующими в реальном секторе экономики, может выступить региональная сетевая «International professional-active» модель, основным преимуществом которой является опора на сетевые взаимодействия, обеспечивающие ускорение интегрирования научно-образовательных и региональных ресурсов в рамках национальной системы – от «отдельных сетевых взаимодействий», «системных сетевых взаимодействий» до «территориальных системных сетевых взаимодействий». При характеристике региональной модели развития международной академической мобильности нами были введены в обиход такие термины, как «барьерная модель развития», «поисковая сетевая модель развития» и «профессионально-сетевая модель развития».

На материалах социологических исследований показано, что основными факторами выбора зарубежных партнеров международной академической мобильности в рамках сетевого взаимодействия российских и китайских вузов являются: ресурсный потенциал вуза (28,3%), качество образования (20,3%), репутация университета (19,6%). Специфику выбора вузом партнеров международной академической мобильности определяют обменные процессы в рамках заключенных соглашений (21,1%), грантовая деятельность (20,4%), получение персональных приглашений от принимающей стороны (14,3%). Сотрудничество в формате сетевых программ отметили только 12,5%, что свидетельствует о том, что сетевое взаимодействие программного формата еще не получило широкого распространения в российских и китайских вузах.

Исследования показали, что факторами, оказывающими положительное влияние на формирование международной академической мобильности в сетевом взаимодействии вузов на региональном уровне выступают: повышение конкурентоспособности вузов и регионов под воздействием глобализации и новых интеграционных процессов; вхождение вузов в международные системы рейтингования; поступательный курс государства по применению показателей

международной деятельности при оценке эффективности деятельности организаций высшего образования в России; участие субъектов мобильности региональных вузов в международных грантовых программах и новых формах международной академической мобильности; выгодное географическое положение региона (территориальный фактор); развитие двусторонних и многосторонних соглашений о совместной деятельности в области осуществления международной академической мобильности с зарубежными вузами и развитие образовательных программ двойного дипломирования; языковой фактор (знание иностранных языков и реализация образовательных программ на иностранном языке) и другие. Факторами, оказывающими отрицательное воздействие, являются: усиление дифференциации вузов в аспекте их кадрового потенциала и региональной поддержки; неравномерное развитие российских регионов; слабая эффективность институциональных механизмов в системе взаимосвязей «вуз↔работодатель↔регион» с учетом международной составляющей; отсутствие должного спроса на специалистов с высшим образованием международного уровня в регионе; недооценка возможностей открытого взаимодействия с зарубежными вузами-партнерами и слабая степень своевременного реагирования на внешние и внутренние вызовы и другие.

Полученные результаты могут учитываться при разработке программ международной академической мобильности применительно к расширению сетевого взаимодействия вузов, в особенности между Россией и Китаем, при планировании и реализации перспективных направлений развития вузов в сфере международной деятельности, а также стратегий кадровой политики региона для формирования спроса на выпускников, обладающих образованием международного уровня. По итогам исследования определены перспективы дальнейшего использования результатов исследования в практике структурных подразделений высших учебных заведений, отвечающих за реализацию международных образовательных программ и развитие сетевого взаимодействия вузов в сфере международного сотрудничества. Перспективы дальнейшей разработки темы представляются высокими.

Список литературы

1. Великая Хартия Европейских Университетов от 18 сентября 1988 г. [Электронный ресурс] // Национальный информационный Центр по академическому признанию и мобильности / РУДН Минобрнауки РФ : сайт. – URL : http://www.russianenic.ru/int/bol/charter.html (дата обращения: 11.06.2018).

2. Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе : заключена в г. Лиссабоне 11.04.1997 : ратифицирована Федер. законом от 04.05.2000 г. № 65-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2000. – № 39. – Ст. 3836.

3. Зона Европейского высшего образования. Совместное заявление европейских министров образования («Болонская декларация») (Болонья, 19 июня 1999 г.) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» в локальной сети Ин-та социал. наук Иркут. гос. ун-та.

4. Рекомендация Комитета министров Совета Европы государствам-членам по академической мобильности [Электронный ресурс] : принята на 531 заседании заместителей министров 2 марта 1995 года (Страсбург) // Национальный информационный центр / ФГБУ «Главэкспертцентр» : сайт. – URL : http://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/recomendations/Council_Europe_1995 (дата обращения: 10.06.2018).

5. О перспективном плане модельного законотворчества в СНГ на 2011-2015 годы и о выполнении Перспективного плана на 2005-2010 годы : постановление Межпарламентской Ассамблеи стран-участников СНГ от 28 окт. 2010 № 35-15 // Информ. бюл. Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. – 2011. – № 49. – С. 420–464.

6. О межгосударственной программе инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 года [Электронный ресурс] : решение Совета глав правительств СНГ от 18.10.2011. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» в локальной сети Ин-та социал. наук Иркут. гос. ун-та.

7. Совместная декларация о гармонизации архитектуры европейской системы высшего образования четырех министров, представляющих Великобританию, Германию, Францию и Италию. Париж (Сорбонна), 25 мая 1998 г. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» в локальной сети Ин-та социал. наук Иркут. гос. ун-та.

8. Формирование общеевропейского пространства высшего образования [Электронный ресурс] : коммюнике конф. министров высш. образования от 19.09.2003 г. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» в локальной сети Ин-та социал. наук Иркут. гос. ун-та.

9. Декларация Ассоциации европейских университетов «После Берлинской конференции: роль университетов» (Грацкая декларация). Лювен, 04 июля 2003 г. [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский государственный университет : сайт. – URL : http://bologna.spbu.ru/documents/131-2012-07-10-10-20-27 (дата обращения: 11.06.2018).

10. Концепция Университета Шанхайской организации сотрудничества: цели и этапы создания : утв. 23.10.2008 на 2-ом Совещании министров образования государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (г. Астана) // Официальные документы в образовании. – 2009. – № 16. – С. 80–87.

11. Кодекс профессиональной практики при предоставлении транснационального образования [Электронный ресурс] : утв. на 2-ой сессии Комитета Лиссабонской Конвенции о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе 06.07.2001 (г. Рига) // Санкт-Петербургский государственный университет : сайт. – URL: http://bologna.spbu.ru/images/kod.prof.prak.docx (дата обращения: 03.06.2018).

12. Модельный образовательный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств. Общая часть : утв. постановлением пленарного заседания Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (г. Санкт-Петербург) от 16.11. 2006 № 27-12 // Информ. бюл. / Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. – 2007. – № 39, ч. 2. – С. 103–221.

13. Меморандум о взаимодействии Российской Федерации и Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) от 25.06.1993 г. (г. Москва) // Действующее международное право. – М., 1996. – Т. 1. – С. 690– 695.

14. Меморандум о реализации Плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере от 06.12.2012 г. (г. Москва) [Электронный ресурс]. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».

15. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2012. – № 53. – Ст. 7598.

16. О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 : указ Президента РФ от 03.11. 2018 г. № 632 // Собр. законодательства РФ. – 2018. –№ 45. – Ст. 6923.

17. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс] : указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102468157 (дата обращения: 15.09.2018).

18. О мерах по социальной поддержке граждан РФ, самостоятельно поступивших в ведущие иностранные образовательные организации и обучающихся в них по специальностям и направлениям подготовки, качество обучения по которым соответствует лучшим мировым стандартам, и по обеспечению их трудоустройства в организации, зарегистрированные на территории РФ, в соответствии с полученной квалификацией : постановление Правительства РФ от 20.06.2014 г. № 568 // Рос. газ. – 2014. – 25 июня.

19. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : утв. Президентом РФ 13.06.2012 // Президент России : офиц. сайт. – URL : http://www.kremlin.ru/acts/15635 (дата обращения: 02.03.2018).

20. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] : утв. распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» в локальной сети Ин-та социал. наук Иркут. гос. ун-та.

21. О Федеральной целевой программе развития образования на 2016-2020 годы : постановление Правительства РФ от 23.05.2015 г. № 497 // Собр. законодательства РФ. – 2015. – № 22. – Ст. 3232.

22. Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 8.12.2011 № 2227-р // Собр. законодательства РФ. – 2012. – № 1. – Ст. 216.

23. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства РФ от 28.12. 2009 № 2094-р // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» в локальной сети Ин-та социал. наук Иркут. гос. ун-та.

24. Перечень образовательных организаций высшего образования – участников Сетевого университета БРИКС [Электронный ресурс] : приказ Минобрнауки РФ от 10.02.2016 г. № 99 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» в локальной сети Ин-та социал. наук Иркут. гос. ун-та.

25. Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС [Электронный ресурс] : утв. Президентом РФ 9.11.2013 // Президент России : офиц. сайт. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/17715 (дата обращения: 13.04.2018).

26. Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг. [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки РФ : офиц. сайт. – URL : http://vi.russia.edu.ru/news/discus/concept/3783/ (дата обращения: 30.06.2018).

27. Комплексный план мероприятий по разработке профессиональных стандартов, их независимой профессионально-общественной экспертизе и

применению на 2014–2016 годы от 31.03.2014 г. № 487-р [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации : сайт. – URL : http://www.rosmintrud.ru/docs/government/132 (дата обращения: 06.09.2018).

28. Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» [Электронный ресурс] : утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 30.05.2017 г., протокол № 6 // Правительство России : офиц. сайт – URL: http://government.ru/news/28013/ (дата обращения: 04.05.2018).

29. Об утверждении Инвестиционной стратегии Иркутской области на период до 2025 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Иркутской области от 28.08.2014 № 701-рп // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» в локальной сети Ин-та социал. наук Иркут. гос. ун-та.

30. Об утверждении Концепции развития кадрового потенциала Иркутской области на период до 2020 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Иркутской области от 31.03.2014 г. № 239-рп // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» в локальной сети Ин-та социал. наук Иркут. гос. ун-та.

31. Стратегия инвестиционного развития Иркутской области на период до 2025 г. [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Иркутской области от 28.08.2014 № 701-рп // Инвестиционный портал Иркутской области : сайт. – URL : http://invest.irkobl.ru/_stock/page/part_9/96/docs/701-rp.docx (дата обращения: 14.04.2018).

32. Договор о создании совместного высшего учебного заведения между Народным Правительством города Шэньчжэня, Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова и Пекинским политехническим институтом от 11.08.2014 г. // Совместный российско-китайский университет : сайт. – URL : http://msuinchina.org/docs/ (дата обращения: 03.12.2018).

33. Положение об организации международной академической мобильности в ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет» [Электронный ресурс] : утв. ректором ТГТУ 30.01.2012 г. (протокол

заседания Уч. совета ТГТУ № 1) // Тамбовский государственный технический университет : сайт. – URL : http://www.tstu.ru/structure/depart/m_ums-oam/pdf/polozh_akad_mobile.pdf (дата обращения: 03.07.2018).

34. О введении в действие Положения об академической мобильности студентов НИУ ВШЭ [Электронный ресурс] : утв. приказом Ректора НИУ ВШЭ от 28.06.2013 г. № 6.18.1-01/2806-06 // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : сайт. – URL http://www.hse.ru/docs/89067457.html (дата обращения: 01.06.2018).

35. Положение об организационно-административном порядке международной академической мобильности студентов Иркутского государственного технического университета [Электронный ресурс] : утв. и. о. ректора ИрГТУ 21.08.2013 г. // ФГБОУ ВО Иркутский Национальный исследовательский технический университет : сайт. – URL : http://www.istu.edu/docs/international/mobilnost_outgoing/Polozhenie%20ob%20akademicheskoy%20mobilnosti.pdf (дата обращения: 01.07.2018).

36. Порядок организации международной академической мобильности обучающихся [Электронный ресурс] : утв. приказом Ректора ИГУ от 13.11.2018 № 800 // ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» : офиц. сайт. – URL : https://isu.ru/ru/about/umo/perehod_VPO/prikazi_IGU.html (дата обращения: 28.11.2018).

37. Положение о порядке присуждения ученой степени PhD в Сибирском федеральном университете (PhDSibFU) [Электронный ресурс] : принято на заседании Ученого совета ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» от 30.06.2014 г., протокол № 6. – URL : http://www.sfu-kras.ru/docs/9083/pdf/43737 (дата обращения: 23.07.2018).

38. Положение о порядке присуждения ученой степени Doctor of Philosophy Национального исследовательского Томского государственного университета (PhD TSU) [Электронный ресурс] : утв. Ученым советом НИ ТГУ от 29.06.2016 г., протокол № 6. – URL : http://phdru.com/mydocs/phdtsu.pdf (дата обращения: 23.07.2018).

39. Абламейко, С. В. Единое образовательное пространство евразийских университетов: перспективы развития [Электронный ресурс] / С. В. Абламейко, В. В. Самохвал, А. А. Полонников // Информационно-технологическое обеспечение образовательного процесса государств-участников СНГ : сб. докл. Междунар. интернет-конф. – Минск, 2012. – С. 13–31. – URL: http://elib.bsu.by/handle/123456789/27746.

40. Авербух, Е. А. Международная образовательная деятельность вуза как фактор его успешности / Е. А. Авербух, А. Б. Авербух // Пробл. высш. образования. – 2013. – № 1. – С. 9–13.

41. Азитова, Г. Ш. Особенности системы образования в Китае [Электронный ресурс] / Г. Ш. Азитова, М. Н. Краснова // Соврем. пробл. науки и образования : электрон. науч. журн.. – 2017. – № 5. – URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=26953 (дата обращения: 12.12.2018).

42. Азроянц, Э. А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции / Э. А. Азроянц. – М. : Новый век, 2002. – 416 с.

43. Андреева, К. С. Международная академическая мобильность как фактор развития внутренней академической мобильности / К. С. Андреева // Вопр. соврем. науки и практики. – 2012. – № 4. – С. 85–88.

44. Антонова, Н. Л. Высшее образование в контексте множественной модерности / Н. Л. Антонова // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 6. – С. 11–13.

45. Арефьев, А. Л. Социология языка. Национальные и иностранные языки в российской системе образования : монография / А. Л. Арефьев ; под ред. академика РАН Г. В. Осипова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2018. – 311 с.

46. Арефьев, А. Л. Зарубежные научно-учебные стажировки [Электронный ресурс] : социол. анализ / А. Л. Арефьев, Н. М. Дмитриев. – М. : ЦСП, 2003. – 140 с. – URL :

http://www.socioprognoz.ru/files/File/publ/Zarubeznye_NU_Stazirovki.pdf. (дата обращения: 30.01.2017).

47. Байденко, В. И. Болонский процесс: современный этап / В. И. Байденко // Высш. образование в России. – 2015. – № 10. – С. 52–60.

48. Бадмаева, М. В. П. Сорокин о возможностях и перспективах взаимодействия социокультурных систем в период кризиса / М. В. Бадмаева // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2012. – № 6. – С. 77–81.

49. Барсукова, А. В. Международная деятельность университетов (на примере Европы) / А. В. Барсукова, И. И. Жуковский // Вестн. МГИМО-Университета. – 2013. – № 1. – С. 66–69.

50. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман ; пер. с англ. М. Л. Коробочкина. – М. : Весь Мир, 2004. – 188 с.

51. Безруков, А. Н. Сетевое взаимодействие в высшем образовании: Россия, Вьетнам, Китай / А. Н. Безруков, Р. Ш. Уразбаев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 9-1. – С. 204-206.

52. Бергер, П. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Моск. филос. фонд, 1995. – 323 с.

53. Болонский процесс и Болонская декларация [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский Томский государственный университет : сайт. – URL : http://csd.tsu.ru/node/113 (дата обращения: 23.07.2018).

54. Бритвина, И. Б. Брендинг территории: проблема поиска ценностных оснований / И. Б. Бритвина, Л. Э. Старостова // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2014. – № 3. – С. 163–171.

55. Бурдье, П. Социология социального пространства / П. Бурдье ; пер. с фр. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2005. – 288 с.

56. Валлерстайн, И. Иммануил Валлерстайн о современном кризисе / И. Валлерстайн ; пер. с англ., под ред. Н. В. Романовского // Социол. исслед. – 2009. – № 6. – С. 91–94.

57. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: социология XXI века / И. Валлерстайн ; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2003. – 368 с.

58. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер ; пер. с нем. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

59. Внешняя оценка участия вузов РФ в Болонском процессе [Электронный ресурс] : Всерос. социол. исследование // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : сайт. – URL http://www.bologna.ntf.ru/DswMedia/report_bologna_2008.pdf (дата обращения: 26.09.2018).

60. Водопьянова, Е. Единство непохожих. Национальное измерение европейской науки / Е. Водопьянова // Свобод. мысль-XXI. – 2004. – № 2. – С. 84–92.

61. Воронов, В. В. Оценка динамики межрегиональных различий (Европейский опыт) / В. В. Воронов, О. Я. Лавриненко, Я. В. Сташане // Социол. исслед. – 2014. – № 1. – С. 29–39.

62. Воронов, В. В. Оценка конкурентоспособности регионов и управление факторами ее повышения (опыт Евросоюза на примере Латвии) / В. В. Воронов, Э. Э. Рачко, Э. К. Бийжанова // Социол. исслед. – 2012. – № 5. – С. 69–78.

63. Вульфсон, Б. Л. Стратегия развития образования на Западе на пороге XXI века / Б. Л. Вульфсон. – М. : Изд-во УРАО, 1999. – 208 с.

64. В СФУ будут присваивать PhD [Электронный ресурс] // Сибирский федеральный университет : сайт. – URL : http://news.sfu-kras.ru/node/13895 (дата обращения: 25.07.2018).

65. Галичин, В. А. Модель инфраструктуры экспорта российского образования системой ВПО и международной академической мобильности [Электронный ресурс] / В. А. Галичин // Министерство образования и науки Российской Федерации : офиц. сайт. – URL : http://vi.russia.edu.ru/files/material-static/3933/galich.doc (дата обращения: 30.01.2018).

66. Гессен, С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / С. И. Гессен. – М. : Школа-Пресс, 1995. – 448 с.

67. Гидденс, Э. Устроение общества : очерк теории структурации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М. : Академ. проект, 2005. – 528 с.

68. Глазырин, В. А. Болонская Декларация: интеграция или поглощение российского высшего образования? / В. А. Глазырин // Унив. упр.: практика и анализ. – 2006. – № 1. – С. 77–80.

69. Глобальное образование [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки РФ : офиц. сайт. – URL: http://минобрнауки.рф/проекты/глобальное-образование (дата обращения: 13.04.2018).

70. Голенкова, З. Т. Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества / З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян // Социол. исслед. – 1999. – № 9. – С. 27–34.

71. Грабельных, Т. И. Высшее профессиональное образование и развитие академической мобильности в России в начале XXI века: национальный и институциональный аспекты / Т. И. Грабельных, Е. С. Козлова // Новый этап модернизации и интернационализации высшего образования: базовые индикаторы : науч.-метод. материалы / ФГБОУ ВПО «ИГУ» ; ред. Т. И. Грабельных, В. А. Решетников. – Иркутск, 2013. – С. 95–102.

72. Грабельных, Т. И. О выборе новой интернациональной парадигмы в развитии высшего профессионального образования в России / Т. И. Грабельных, Е. С. Козлова // Социология образования. – 2014. – № 11. – С. 14–30.

73. Грабельных, Т. И. О реализации государственной политики в сфере международного сотрудничества российских вузов: преобразования в условиях глобальных вызовов / Т. И. Грабельных, Е. С. Кузьмина // Роль социального образования в развитии института общественного мнения в условиях глобальных вызовов : науч.-метод. материалы / ФГБОУ ВО «ИГУ»; ред. Т. И. Грабельных, В. А. Решетников. – Иркутск, 2016. – С. 13-25.

74. Грабельных, Т. И. Условия разработки и реализации региональной сетевой «International professional-active» модели развития международной академической мобильности в высшей школе (на примере иркутских вузов) / Т. И. Грабельных, Е. С. Козлова // Baikal Research Journal : электрон. науч. журн. – 2014. – № 5. – URL : http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=19438 (дата обращения: 12.09.2018).

75. Грановеттер, М. Сила слабых связей / М. Грановеттер // Экон. социология. – 2009. – Т. 10, № 4. – С. 31–50.

76. Гриншкун, В. В. Виртуальные университеты: факторы успеха и перспективы развития / В. В. Гриншкун, Г. А. Краснова // Вестник РУДН. Сер. Информатизация образования. – 2018. – Т. 15, № 1. – С. 7–17.

77. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М. : Терра, 2008. – 704 с.

78. Девятко, И. Ф. От теорий социетальной эволюции к анализу глобального общества: альтернативные интерпретации и перспективы синтеза / И. Ф. Девятко // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков.– М., 2007. – Вып. 6. – С. 82–110.

79. Для прибывших в поисках убежища с Украины граждан выделено более 1500 мест в федеральных вузах России [Электронный ресурс] // Российское образование : федер. портал – URL : http://www.edu.ru/news/education/17192/ (дата обращения: 23.07.2018).

80. Душина, С. А. Новые формы организации науки: роль мобильности / С. А. Душина, Н. А. Ащеулова // Социология науки и технологий. – 2011. – № 2. – С. 69-81.

81. Жуковский, И. И. Университет в сетевых связях современного мира / И. И. Жуковский // Вестн. МГИМО-Университета. – 2013. – № 2. – С. 68–71.

82. Жуковский, И. И. Международное научное и образовательное сотрудничество на Балтике / И. И. Жуковский, Ю. В. Баранова // Высш. образование в России. – 2011. – № 5. – С. 83–90.

83. Заславская, Т. И. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений / Т. И. Заславская, В. А. Ядов // Социологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 8–22.

84. Зборовский, Г. Е. Нелинейность развития высшего образования: контуры концепции и возможные макрорегиональные практики / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина, П. А. Амбарова // Высш. образование в России. – 2016. – №12. – С. 34–44.

85. Зборовский, Г. Е. Сетевое взаимодействие вузов в системе высшего образования уральского макрорегиона / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова // Экономика региона. – 2017. – Т. 13, вып. 2. – С. 446–456.

86. Зубарев, А. Е. Современный опыт и возможности сетевого партнерства в области высшего образования / А. Е. Зубарев, С. А. Рябченко // Вестн. Тихоокеан. гос. ун-та. – 2016. – № 2. – С. 155–162.

87. Зубарев, А. Е. Стратегическая роль университета в формировании территории опережающего развития как фактор реиндустриализации экономики / А. Е. Зубарев // Стратегии бизнеса. – 2016. – № 4. – С. 10–14.

88. Зубарев, А. Е. Сопряжение качества жизни и стратегии социально-экономического развития города / А. Е. Зубарев, Го Ш. // Актуальные проблемы развития экономики и управления : сб. ст., очерков и мемуаров. – Хабаровск, – 2016. – С. 34–37.

89. Зубарев, А. Е. К вопросу о содержании и классификации международной академической мобильности / А. Е. Зубарев, Е. А. Белевич // Science Time. – 2016. – № 5. – С. 226–237.

90. Зубарев, А. Е. Глобализация высшего образования и факторы ее определяющие / А. Е. Зубарев, В. Ф. Коуров // Ученые заметки ТОГУ : электрон. науч. изд. – 2014. – Т. 5. – № 4 – С. 140–144. – URL : http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2014/TGU_5_168.pdf (дата обращения: 30.08.2018).

91. Институт социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ» [Электронный ресурс] : сайт. – URL : http://socio.isu.ru (дата обращения: 19.09.2018).

92. Интеграция российской науки в международное научно-техническое пространство [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки РФ : офиц. сайт. – URL: http://минобрнауки.рф/проекты/международная-интеграция-науки (дата обращения: 13.04.2018).

93. Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего / М. Л. Агранович [и др.]. – М. : Логос, 2010. – 280 с.

94. Калашникова, И. В. Исследование мотивов выбора образовательных траекторий выпускниками бакалавриата в Амурской области / И. В. Калашникова, М. В. Бальцежак // Актуальные проблемы развития экономики и управления : сб. ст. – Хабаровск : Изд-во ТОГУ. – 2016. – С. 9–11.

95. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.

96. Красноженова, Г. Ф. Высшая школа России : проблемы сохранения интеллектуального потенциала / Г. Ф. Красноженова. – М. : Мысль, 1998. – 216 с.

97. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы: макросоциологическая объяснительная гипотеза / С. Г. Кирдина // Социс. – 2001. – № 2. – С. 13–23.

98. Клемешев, А. П. «Международное измерение» исследований проблем образования в Российском государственном университете имени Иммануила Канта / А. П. Клемешев // Российские университеты в общеевропейском научно-образовательном пространстве / под ред. А. П. Клемешева. – Калининград, 2007. – С. 7–16.

99. Клемешев, А. П. Стратегические перспективы развития университета в эксклавном регионе России / А. П. Клемешев, Т. Р. Гареев // Балтийский регион. – 2010. – № 3. – С. 8–20.

100. Ключевые проблемы перехода Иркутского государственного университета на новую модель образования (по результатам социологических исследований) / Т. И. Грабельных [и др.]. – Иркутск : НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2008. – 120 с.

101. Козлова, Е. С. Международно-правовое регулирование академической мобильности как социального процесса в высшей школе / Е. С. Козлова, И. А. Кузьмин // Вестн. Иркут. гос. тех. ун-та. – 2013. – № 9. – С. 261–268.

102. Козлова, Е. С. Социологическая концепция активизации международной академической мобильности как социокультурного феномена / Е. С. Козлова // Вестн. Иркут. гос. тех. ун-та. – 2014. – № 3. – С. 242–250.

103. Козырин, А. Н. Государственная поддержка экспорта образовательных услуг [Электронный ресурс] / А. Н. Козырин // Козырин.ру : личный сайт. – URL: http://www.kozyrin.ru/userfiles/documents/article0210.pdf (дата обращения: 30.08.2018).

104. Константиновский, Д. Л. Образование, рынок труда и социальное поведение молодежи / Д. Л. Константиновский // Социологический журнал. – 2014. – № 3. – С. 55–69.

105. Краснова, Г. А. Концептуальные подходы к сетевому взаимодействию вузов: лучшие практики и зарубежный опыт / Г. А. Краснова, В. А. Тесленко // Вестник МПГУ. Сер. Информатика и информатизация образования. – 2018. – № 1. – С. 78–86.

106. Краснова, Г. А. Сетевое взаимодействие вузов: сравнительный анализ подходов к реализации совместных образовательных программ в Китае и России / Г. А. Краснова // Вестник РУДН. Сер. Информатизация образования. – 2016. – № 3. – 123-130.

107. Краснощеков, В. В. К определению и классификации программ международной академической мобильности [Электронный ресурс] / В. В. Краснощеков // Современные проблемы науки и образования : электрон. науч. журн. – 2015. – № 6. – URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=23035 (дата обращения: 03.11.2018).

108. Комиссарова, Г. А. Россия входит в общеевропейскую систему высшего образования / Г. А. Комиссарова // Социология власти. – 2006. – № 2. – С. 123–127.

109. Корнеевец, В. С. Международные транснациональные и трансграничные регионы: признаки, особенности, иерархия / В. С. Корнеевец // Вестн. БФУ им И. Канта. – 2010. – № 1. – С. 27–34.

110. Куприянова-Ашина, В. Э. Интернационализация высшего образования: российские подходы / В. Э. Куприянова-Ашина, Чанг Жу // Междунар. процессы. – 2013. – № 11. – С. 85–94.

111. Курицын, В. М. Международное сотрудничество и академическая мобильность преподавателей и студентов / В. М. Курицын // Высш. образование в России. – 2012. – № 10. – С. 87–92.

112. Лапаев, С. П. Типологизация регионов России: инновационный подход / С. П. Лапаев // Вестн. ОГУ. – 2014. – № 8. – С. 100–105.

113. Левада-Центр [Электронный ресурс] / Автономная некоммерческая организация Аналитический Центр Юрия Левады : сайт. – URL : http://www.levada.ru (дата обращения: 28.03.2018).

114. Леонтьева, Э. О. Геополитический ресурс высшего образования в условиях глобализации / Э. О. Леонтьева // Научное обеспечение технического и социального развития Дальневосточного региона : сб. науч. ст. к 55-летию Тихоокеан. гос. ун-та. – Хабаровск, 2013. – С. 87–91.

115. Лобода, О. В. Этнический сдвиг на Дальнем Востоке России / О. В. Лобода, И. Ф. Ярулин // Регионалистика : электрон. науч. журн. – 2014. – Т.1, №1. – С. 33–38. – URL : http://regionalistica.org/images/2014-01.pdf#page=33 (дата обращения: 05.09.2018).

116. Лю, Цзея. Развитие российско-китайских отношений в области образования / Лю Цзея // Образование и наука. – 2013. – № 10 (109). – С. 91-104.

117. Мальцева, Д. В. О современных сетевых теориях в социологии / Д. В. Мальцева, Н. В. Романовский // Социол. исслед. – 2011. – №8. – С. 28–37.

118. Мантатов, В. В. Глобализация, устойчивое развитие и общество будущего (по материалам XXII Всемирного философского конгресса) / В. В. Мантатов // Век глобализации. – 2009. – № 1. – С. 175–184.

119. Мартыненко, О. О. Управление академической мобильностью в вузах / О. О. Мартыненко, Н. В. Жукова // Университетское управление: практика и анализ. – 2008. – № 1. – С. 65–75.

120. Мартыненко, О. О. Методические рекомендации по развитию академической мобильности студентов и преподавателей в вузе [Электронный ресурс] / О. О. Мартыненко, Н. В. Жукова, П. С. Красовский // Единое окно доступа к образовательным ресурсам : информ. система. – URL : http://window.edu.ru/library/pdf2txt/896/61896/31818 (дата обращения: 05.09.2018).

121. Международная академическая мобильность [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: http://минобрнауки.рф/projects/академическая-мобильность (дата обращения: 13.04.2018).

122. Мельвиль, А. Ю. «Мягкий путь» вхождения российских вузов в Болонский процесс / А. Ю. Мельвиль. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 352 с.

123. Методика расчета показателей мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования от 14.03.2017 г. № АО-27/05вн // Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы : сайт. – URL : http://fgosvo.ru/uploadfiles/metod/LO-25-05vn_forma.pdf (дата обращения: 20.09.2018).

124. Миграция населения. 2015 : стат. бюл. – Иркутск : Иркутскстат, 2016. – 84 с. : табл., граф.

125. Минобрнауки России: расширен перечень вузов, принимающих соотечественников из Украины [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации : офиц. сайт. – URL : http://минобрнауки.рф/новости/4317 (дата обращения: 21.08.2018).

126. Мониторинг деятельности федеральных образовательных учреждений высшего профессионального образования. – М. : Минобрнауки России, 2012. – 111 с.

127. Мониторинг рынка труда научных кадров высшей квалификации [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : сайт. – URL : http://www.hse.ru/monitoring/mnk/about (дата обращения: 05.09.2018).

128. Морозова, Н. Н. Интеграционные процессы в сфере образовательного пространства / Н. Н. Морозова // Учен. зап. Череповец. гос. ун-та. – 2016. – № 1. – С. 44–50.

129. Назарько, Е. В. Интегральная социология П. А. Сорокина / Е. В. Назарько // Социосфера. – 2010. – № 1. – С. 62–64.

130. Найденова, Л. И. Конкурентоспособность регионального вуза в условиях информатизации общества / Л. И. Найденова // Informatization of society: socio-economic, socio-cultural and international aspects : materials of the IV international scientific conference. 15–16 Jan. 2014. – Prague, 2014. – P. 135–141.

131. Неретина, Е. А. Сетевое взаимодействие – основа динамического развития вузов / Е. А. Неретина // Высш. образование в России. – 2013. – № 4. – С. 128-133.

132. Объявление о начале проведения открытого конкурса по государственной поддержке программ развития и продвижению российских научных журналов в международное научно-информационное пространство [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации : сайт. – URL : http://минобрнауки.рф/новости/4376 (дата обращения: 23.07.2018).

133. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации [Электронный ресурс] : стат. сб. / Министерство образования и науки РФ. – М. : Социоцентр, 2015. – Вып. 12. – 196 с. – URL: http://socioprognoz.ru/files/File/2015/Arefiev_Sb12_2015_001_200_ispr2.pdf (дата обращения: 01.03.2018).

134. Онлайн-механизм внутригосударственной академической мобильности / А. П. Клемешев [и др.] // Высш. образование в России. – 2011. – № 12. – С. 3–8.

135. Орлова, В. В. Образовательные траектории молодежи в региональном измерении. Ч. 1 / В. В. Орлова, О. В. Волкова // Alma mater: Вестн. высш. шк. – 2013. – № 10. – С. 19–28.

136. Осадчая, Г. И. Модель социального взаимодействия стран-участниц процесса евразийской интеграции: теоретико-методологические основы конструирования / Г. И. Осадчая // Социал.-гуманит. знания. – 2014. – № 3. – С. 204–218.

137. Павлов, Б. С. Регионализация профессионального образования: динамика предложения и спроса / Б. С. Павлов, Н. А. Лоншакова, Н. И. Разикова // Журн. экон. теории. – 2012. – № 2. – С. 157–169.

138. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.

139. Певзнер, М. Н. Международная деятельность вуза как средство интернационализации вузовской науки / М. Н. Певзнер, А. Г. Ширин // Успехи соврем. естествознания. – 2007. – № 13. – С. 63-65.

140. Певзнер, М. Н. От образовательного менеджмента к менеджменту образовательного туризма: экономический и педагогический аспекты / М. Н. Певзнер, П. А. Петряков, А. Н. Николаева // Вестн. Новгород. гос. ун-та. – 2011. – № 64. – С. 59–62.

141. Повышение конкурентоспособности ведущих университетов Российской Федерации среди ведущих мировых научно-образовательных центров (5-100) [Электронный ресурс] : проект // Министерство образования и науки РФ : офиц. сайт. – URL: http://минобрнауки.рф/проекты/5-100 (дата обращения: 13.04.2018).

142. Поппер, К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. / К. Р. Поппер ; пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. – М. : Феникс, Междунар. фонд «Культ. инициатива», 1992. – 448 с.

143. Привлечение ведущих ученых в российские образовательные и научные организации [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки

РФ : офиц. сайт. – URL: http://минобрнауки.рф/проекты/привлечение-ведущих-ученых (дата обращения: 13.04.2018).

144. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития РФ) // Офиц. сайт информационно-правового портала «Гарант» [Электронный ресурс]. – URL : http://base.garant.ru/70309010/#block_13 (дата обращения: 12.08.2018 г.).

145. Продвижение русского языка за рубежом [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки РФ : офиц. сайт. – URL : http://минобрнауки.рф/проекты/продвижение-русского-языка-за-рубежом (дата обращения: 13.04.2018).

146. Проект Концепции развития академической мобильности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Институт международных организаций и международного сотрудничества НИУ «ВШЭ» : сайт. – URL: http://intpr.ntf.ru/DswMedia/koncepciyaakademicheskoymobil-nosti_itog.pdf (дата обращения: 20.08.2018).

147. Пугач, В. Ф. Мобильные студенты в высшем образовании в России / В. Ф. Пугач // Высш. образование в России. – 2011. – № 4. – С. 104-111.

148. Пугач, В. Ф. Рейтинги вузов: международный и российские подходы / В. Ф. Пугач, М. Э. Жуковская // Высш. образование в России. – 2012. – № 8/9. – С. 15–25.

149. Путин, В. В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня / В. В. Путин // Евразийская интеграция в XXI веке : сб. ст. / ред. А. А. Климов [и др.]. – М., 2012. – С. 12–20.

150. Путин, В. В. Заявления для прессы по итогам заседания Высшего Евразийского экономического совета [Электронный ресурс] / В. В. Путин // Президент России : офиц. сайт. – URL : http://kremlin.ru/transcripts/45790 (дата обращения 30.05.2018).

151. Радаев, В. В. Российская социология в поисках своей идентичности / В. В. Радаев // Социол. исслед.. – 2013. – № 7. – С. 3–17.

152. Результаты реализации программы исходящей международной академической мобильности [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки РФ : офиц. сайт. – URL: http://im.interphysica.su/ (дата обращения: 15.04.2018).

153. Реформа высшего образования: отечественный и зарубежный опыт [Электронный ресурс] : бюл. в сфере образования / Аналит. центр при Правительстве РФ. – 2017. – Вып. 12. – URL : http://ac.gov.ru/files/publication/a/13584.pdf (дата обращения: 04.05.2018).

154. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер. – 5-е изд. – СПб. : Питер, 2002. – 688 с.

155. Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / под ред. Л. М. Григорьева, Н. В. Зубаревич, Г. Р. Хасаева. – М. : ТЕИС, 2011. – 357 с.

156. Российские вузы приняли более 200 иностранных студентов по программам УШОС в 2018/2019 учебном году [Электронный ресурс] // Университет Шанхайской организации сотрудничества : сайт. – URL : http://uni-sco.ru/news/78/2018_06_30.html (дата обращения: 11.12.2018).

157. Роттердамский, Э. Философские произведения. Серия: Памятники философской мысли / Э. Роттердамский. – М. : Наука, 1987. – 704 с.

158. Рязанцев, И. П. Экономическая социология региона / И. П. Рязанцев // Социология регионального и городского развития : сб. ст. / под ред. И. П. Рязанцева. – М., 2006. – С. 4–20.

159. Садовничий, В. А. Образование будущего. Евразийские университеты XXI века / В. А. Садовничий // Университеты в евразийском образовательном пространстве. – М., 2017. – С. 9-23.

160. Сандакова, Л. Г. Диалог культур Запада и Востока как основа целостного мировоззрения / Л. Г. Сандакова, А. А. Бурзалова // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2012. – Спецвыпуск. – С. 3–8.

161. Сводные предложения Российского Союза ректоров по критериям и процедурам мониторинга эффективности вузов 2014 года [Электронный ресурс] //

Российский союз ректоров : сайт. – URL : http://www.rsr-online.ru/doc/!2014/02/03/1.pdf (дата обращения: 30.08.2018).

162. Сергеева, Ю. И. Международный образовательный туризм как историческая традиция [Электронный ресурс] / Ю. И. Сергеева // Развитие гуманитарных наук : Междунар. науч. практ. конф. Познань, 27–29 февр. 2012 г. – URL : http://конференция.com.ua/pages/view/298 (дата обращения: 03.02.2018).

163. Слепухин, А. Ю. Трансформация образовательной политики в Европе на современном этапе / А. Ю. Слепухин, Л. С. Костюченко // Власть. – 2011. – № 10. – С. 151–154.

164. Смирнова, Л. Н. Научно-образовательное сотрудничество – основа инновационной модели отношений России и Китая / Л. Н. Смирнова // Рос. совет по междунар. делам. – 2016. – № 3. – С. 3-11.

165. Сорокин, П. А. Отношения Запада и Востока в настоящем и будущем / П. А. Сорокин // Грани. – 1998. – № 185. – С. 205–220.

166. Сорокин, П. А. Человек, цивилизация, общество / П. А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.

167. Статистические данные о факультете социальных наук НИУ ВШЭ [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : сайт. – URL : https://social.hse.ru/figures (дата обращения: 25.09.2018).

168. Степанова, Е. И. Болонский процесс в России: аргументы «за» и «против» / Е. И. Степанова // Журн. социологии и социал. антропологии. – 2007. – Том 10, № 4. – С. 127–142.

169. Степанова, М. Н. Туризм как форма межкультурной коммуникации (на примере Республики Бурятия) / М. Н. Степанова // Россия – Монголия: самобытность и взаимовлияние культур в условиях глобализации : материалы Междунар. науч. конф. 27-28 нояб. 2008 г. – СПб., 2009. – С. 341–347.

170. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика : итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Кн. 1. / под

науч. ред. В. А. Мау, Я. И. Кузьминова. – М. : Дело, 2013. – 430 с.

171. Теннис, Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии / Ф. Теннис ; пер. с нем. Д. В. Скляднева. – СПб. : Владимир Даль, 2002. – 386 с.

172. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области [Электронный ресурс] : сайт. – URL : http://irkutskstat.gks.ru (дата обращения: 16.02.2018).

173. Тоффлер, Э. Шок будущего : пер. с англ / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2002. – 557 с.

174. Тощенко, Ж. Т. Социальные парадоксы высшего образования в России / Ж. Т. Тощенко // Экономика образования. – 2012. – № 1. – С. 31–34.

175. Трегубова, Т. М. Академическая мобильность преподавателей и студентов / Т. М. Трегубова // Казан. пед. журн. – 2006. – № 2. – С. 28–30.

176. Турен, А. Возвращение человека действующего : очерк социологии / А. Турен. – М. : Науч. мир, 1998. – 204 с.

177. Фадеева, И. М. Социальный заказ региона на подготовку профессиональных кадров с иноязычной компетенцией / И. М. Фадеева // Регионология. – 2014. – № 1. – С. 50–59.

178. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – URL : http://www.gks.ru (дата обращения: 16.02.2018).

179. Филиппов, В. М. Четыре ступени интернационализации: управление процессами интернационализации высшего образования на глобальном, региональном, национальном и институциональном уровнях / В. М. Филиппов // Высш. образование сегодня. – 2010. – № 6. – С. 4–8.

180. Фонд «Общественное мнение» [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – URL : http://fom.ru/ (дата обращения: 16.09.2018).

181. Цуканова, Д. В. Подходы в изучении проблем межкультурной профессиональной коммуникации иностранных кадров и в формировании межкультурных компетенций / Д. В. Цуканова, С. А. Шаронова // Изв. Тул. гос. ун-та. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2. – С. 90–101.

182. Черныш, М. Ф. О модернизации в России и Китае / М. Ф. Черныш // Социол. исслед. – 2013. – № 4. – С. 144–150.

183. Численность обучающихся, педагогического и преподавательского персонала, потенциального числа образовательных организаций всех уровней образования: прогноз до 2035 года [Электронный ресурс] / авт.-сост. Ф. Э. Шереги [и др.]. – М. : ЦСП и М., 2017. – 408 с. – URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/2018/Prognoz_2017_22_01_18_001_408.pdf (дата обращения: 01.03.2018).

184. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка ; пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.

185. Экспорт российских образовательных услуг [Электронный ресурс] : стат. сб. / Министерство образования и науки РФ. – М. : Социоцентр, 2017. – Вып. 7. – 496 с. – URL : http://fgosvo.ru/uploadfiles/metod/Arefiev_SB_7_Page_001_496_El_Book_22_11_17.pdf (дата обращения: 01.03.2018).

186. Ядов, В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций / В. А. Ядов. – СПб. : Интерсоцис, 2006. – 112 с.

187. Ярулин, И. Ф. Россия XXI века: эра новых регионов? / И. Ф. Ярулин // Пространств. экономика. – 2005. – № 3. – С. 148–157.

188. Academic Ranking of World Universities (ARWU) [Electronic resource] / Shanghai Ranking Consultancy : site. – URL : http://www.shanghairanking.com/index.html (дата обращения: 15.09.2018).

189. Altbach, P. G. Internationalization and Exchanges in a Globalized University [Electronic resource] / P. G. Altbach, U. Teichler // Journal of Studies in International Education. – 2001. – Vol. 5, iss. 1. – P. 5–25. – DOI: 10.1177/102831530151002.

190. Bazhenova, E. D. Content analysis of the category «Academic mobility of students» [Electronic resource] / E. D. Bazhenova // Middle-East journal of scientific

research. – 2013. – Vol. 13, iss. 4. – P. 483–488. – DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.13.4.2914.

191. Bologna Process [Electronic resource] : official site / European Higher Education Area. – URL : http://www.ehea.info/ (дата обращения: 15.06.2018).

192. Damme, D. V. Quality issues in the internationalisation of higher education / D. V. Damme // Higher Education. – 2001. – Vol. 41, iss. 4. – P. 415–441.

193. de Jong, H. M. The Case of the University of Twente: Internationalisation as Education Policy [Electronic resource] / H. M. de Jong, H. Teekens // Journal of Studies in International Education. – 2003. – Vol. 7, iss. 1. – P. 41–51. – DOI: 10.1177/1028315302250179.

194. Dittrich, K. The Implementation of ‘Bologna’ in Flanders and the Netherlands [Electronic resource] / K. Dittrich, M. Frederiks, M. Luwel // European Journal of Education. – 2004. – Vol. 39, iss. 3. – P. 299–316. – DOI: https://doi.org/10.1111/j.1465-3435.2004.00185.x.

195. Dobson, I. R. The Internationalisation of University Education: Australia and Finland Compared [Electronic resource] / I. R. Dobson, S. Hölttä // Tertiary Education and Management. – 2001. – Vol. 7, iss. 3. – P. 243–254. – DOI: https://doi.org/10.1023/A:1017921021992.

196. Erasmus+ [Electronic resource] // European Commission : official site. – URL : http://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/node_en (дата обращения: 10.10.2018).

197. Higher Education [Electronic resource] : the International Journal of Higher Education Research. – URL : http://link.springer.com/journal/10734 (дата обращения: 15.05.2018).

198. Huisman, J. The EU and Bologna: are supra- and international initiatives threatening domestic agendas? [Electronic resource] / J. Huisman, Van der Wende // European Journal of Education. – 2004. – Vol. 39, iss. 3. – P. 349–357. – DOI: 10.1111/j.1465-3435.2004.00188.x.

199. International Migration Outlook 2018. [Electronic resource]. – 42nd ed. – Paris : OECD Publishing, 2018. – 412 p. –DOI: https://doi.org/10.1787/migr_outlook-2018-en.

200. Journal of Studies in International Education [Electronic resource] / Association for Studies in International Education. – URL : http://jsi.sagepub.com (дата обращения: 15.05.2018).

201. Kerr, C. Higher education cannot escape history: issues for the twenty first century / C. Kerr, M. L. Gade, M. Kawaoka. – Albany : State University of New York Press, 1994. – 248 p.

202. Knight, J. Internationalisation of Higher Education / J. Knight // Quality and Internationalisation in Higher Education : programme on Institutional Management in Higher Education. – Paris, 1999. – P. 13–28.

203. Liaoning University [Electronic resource] : official site. – URL : http://www.admissions.cn/lnu/ (дата обращения: 02.09.2018).

204. Malan, T. Implementing the Bologna Process in France [Electronic resource] / T. Malan // European Journal of Education. – 2004. – Vol. 39, iss. 3. – P. 289–297. – DOI: 10.1111/j.1465-3435.2004.00184.x.

205. Mapping mobility in European Higher Education. Vol. I. Overview and Trends: a study produced for the Directorate General for Education and Culture (DG EAC) of the European Commission. Brussels, June 2011 / U. Teichler [et al.]; ed. by U. Teichler, I. Ferencz, B. Wächter. – Bonn : DAAD, 2011. – 271 p.

206. Merenkov, A. Problems of Social Adaptation of International Students in Russia [Electronic resource] / A. Merenkov, N. Antonova // New Education Review. – 2015. – Vol. 41, iss. 3. – P. 122–132. – DOI: 10.15804 / tner.2015.41.3.10.

207. Rostan M. The International Mobility of Faculty [Electronic resource] / M. Rostan, E. A. Höhle // The Internationalization of the Academy : Changes, Realities and Prospects / ed.: F. Huang M. Finkelstein M. Rostan. – Springer Netherlands, 2014. – Vol. 10. – P. 79–104. – DOI 10.1007/978-94-007-7278-6_5.

208. Spotlight on China: Chinese Education in the Globalized World. Vol. 2 / ed. S. Guo, Y. Guo. – Rotterdam : Sense Publishers, 2016. – 372 p.

209. Stohl, M. We Have Met the Enemy and He Is Us: The Role of the Faculty in the Internationalization of Higher Education in the Coming Decade [Electronic resource] / M. Stohl // Journal of Studies in International Education. – 2007. – Vol. 11, iss. 3/4. – P. 359–372. – DOI: 10.1177/1028315307303923.

210. Teichler, U. Internationalisation as a Challenge for Higher Education in Europe [Electronic resource] / U. Teichler // Tertiary Education and Management. – 1999. – Vol. 5, iss. 1. – P. 5–22. – DOI: https://doi.org/10.1023/A:1018736718422.

211. Teichler, U. Research on Internationalisation in Higher Education [Electronic resource] / U. Teichler, B. M. Kehm // Journal of Studies in International Education. – 2007. – Vol. 11, iss. 3/4. – P. 260–273. – DOI: 10.1177/1028315307303534.

212. The International Dimension of Teaching and Learning [Electronic resource] / H. Coates [et al.] // The Internationalization of the Academy : Changes, Realities and Prospects / eds.: F. Huang M. Finkelstein M. Rostan. – Springer Netherlands, 2014. – Vol. 6. – P. 105–118. – DOI: 10.1007/978-94-007-7278-6_6.

213. UNESCO Institute for Statistics [Electronic resource] : official site. – URL : http://www.uis.unesco.org (дата обращения: 26.03.2018).

214. Van Der Wende, M. International Academic Mobility: Towards a Concentration of the Minds in Europe [Electronic resource] / M. Van Der Wende // European Review. – 2015. – Vol. 23, iss. S1. – P. S70–S88. – DOI: 10.1017 / S1062798714000799.

215. White, H. C. Identity and control: How Social Formations Emerge / H. C. White. – 2nd ed. – Princeton : Princeton University Press, 2008. – XXII, 427 p.